

Джейд Дэвлин

Приятного аппетита, ваше величество!

Глава 1

— Юлия Юрьевна, тунца от Веселова сегодня не будет!

— Что?! — Я резко развернулась, и Виктор, наш менеджер по поставкам, шарахнулся обратно к двери, а его ставшие огромными глаза отразились в лезвии моего ножа между багровыми потеками.

— Юлия Юрьевна, я сейчас позвоню Калашниковым, у них обязательно можно заказать резерв, я обещаю, что соблю цену до нормальной! — торопливо пролепетал плотный плечистый парень, втягивая упитанный животик и пятясь обратно за дверь.

— Мхм, — уже более благосклонно отозвалась я и вернулась к расчленению свеклы. Тот, кто трет ее в борщ на терке, — злостный извращенец и враг кулинарии. Только соломкой и только руками!

Нож часто и равномерно стучал о разделочную доску, а я начала мурлыкать себе под нос. Подходящее сало у меня в холодильнике, чеснок безрукие почистят и мелко нарежут перед самой подачей, зелень я сама порублю в нужный момент, свежая жидкая сметана настоялась до нужной густоты. У меня сегодня особые гости, чтоб их баран поел. Мэрия!

Терпеть не могу. Но хочу работать спокойно. У меня пять ресторанов, и без связей не выжить, несмотря на звезду Мишлена.

С другой стороны, фуагрой мужики по границам наелись, а лучше моего борща во всем мире не найти. Мне не сложно, им вкусно, и никакого геморроя с налоговой, пожарными и санэпидом. Нет, у меня все по закону и соответствует по высшему разряду, но кровопийцы всегда найдут к чему придаться. Чем ту стаю мелкой мошки соками своими кормить, легче один раз выдать мэру борща под ледяную водочку, чтоб он там свои переговоры переговорил, морда. Вроде иностранцев позвал на этот раз. Значит, блины с икрой тоже в меню.

Я закончила с овощами, поставила томиться за жарку и взялась за другую сковороду. Тефлон — для дилетантов, настоящее кружево получается только на чугуне. Оппа! Ну разве не прелесть? Тонкий ажурный блинчик взлетел под потолок, сделал сальто и шлепнулся обратно на горячий металл бледной стороной, а мне показал свой румяный поджаристый бок. Ох, люблю я это дело...

— Ю-Ю опять колдует, — слышался шепот из-за большого промышленного холодильника. — Глянь-глянь! Ух ты!

— Это ты еще не видел, как она лапшу тянет, вот где фокус!

— У кого опять руки не для скуки? — рывкнула я грозно, пряча улыбку поглубже.

Бездельники тут же с писком разбежались по своим местам, как мыши из-под веника. Правильно, у меня на кухне железная дисциплина и строгий отбор кандидатов. Кого попало к святой святых близко не подпущу. Но вернемся к нашим блинам... Эх, жаль, что открытый огонь в этом здании запрещен, плита электрическая, а не газовая. Цвет кружева не дотягивает до моего личного стандарта. Совсем чуть-чуть, никто посторонний не заметит, но я-то вижу. Кстати...

— Электрик с утра был, бездельники? Выяснили, что искрит?

— Был, Ю... Юлия Юрьевна! — бодро доложил Никита, выскочив из-за дегидрататора для нашей фирменной пастилы. — Сказал, что... Осторожнее!

Голова трещала так, словно я вчера пересчитала ею все кастрюли и сковородки на собственной кухне. Или как если бы я вернулась в студенческие годы и напробовалась фирменных настоек нашего куратора с кафедры виноделия... ох. Комната вообще незнакомая, что опять же навеивает мысли о студенчестве — в последний раз я просыпалась в чужой квартире именно тогда.

Придерживая многострадальную часть тела, я очень осторожно сползла с кровати и попыталась встать. Оппа! Стоять! Отставить падение носом в уплывающий из-под ног коврик!

Уф-ф-ф... что-то сильно не так. Я... похудела? Странно. Вот уж о чем не мечтала. Мои средне-увесистые габариты меня полностью устраивали. Заболела, что ли, и долго лежала? Где я вообще? О, вон там зеркало! Ставим задачу: четыре шага без кувырка. Готова? Встала, пошла. Раз-два, раз-два... етить мои помидоры без шкурки, кто это?!

Приблизившись еще на шаг, я почти прижалась носом к прохладному стеклу. Поморгала. Приложила ладонь. Отражение повторило все эти действия с точностью. Вот...

Так. Это все же я. Такая, какой была лет двадцать назад, еще в школе. Тощая белобрысая глазастая селедка. Только вот таких роскошных волос у меня никогда не было, я всегда стриглась коротко. А тут прямо Рапунцель недокормленная. И платье... Хм. Похоже на мечту фетишиста-педофила, одержимого сказками Гауфа. Кружавчики, оборочки, панталончики шелковые из-под подола, чулки, перевязанные лентами чуть выше колен. Пышная юбка и корсет. Розовые!

— Очень дорогое платье, между прочим, — заявило мое отражение, высокомерно вздернув подбородок. — Скроено и сшито по последней моде!

— Здравствуй, репка, Новый год, приходи на елку... — Я машинально потерла лоб и уныло уставилась в зеркало. — Что мы пили?!

— Прекрати нести чушь и слушай внимательно! — прикрикнула на меня капризная принцесса из зеркала. — Я не для того призвала тебя в свое тело, чтобы ты бездельничала и болтала всякие глупости. Ты должна...

— Стоп, малышка. — Я прижала ладонь к зеркалу ровно в том месте, где отражались мои собственные губы. — Это же сон! Точно. И я тебе ничего не должна, это раз. Я не собираюсь ругаться с собственными глюками и сновидениями, это два. Просто подожду, пока алкогольная интоксикация пройдет, — с этими словами я повернулась к зеркалу спиной, прошагала обратно к кровати и рухнула на нее, накрывшись одеялом с головой. Я должна проснуться. Не люблю дурацкие сны. Лучше бы кухня пригрезилась, ей-богу.

— Вернись сейчас же! — завизжало отражение. Вот уж не думала, что у меня такой противный голос, аж в ушах зазвенело. — Вернись, если хочешь жить!

— Не ори так, пожалуйста. — Даже две подушки, прижатые к ушам, ничуть не помогли. Пронзительный визг зазеркальной девицы впивался в мозг, как ядовитые колючки. — Черт с тобой, скажи, что тебе нужно, только заткнись. Даже во сне покоя нет...

— Иди сюда! Быстро!

— А волшебное слово?

— Какое тебе еще слово, дурная душа?! У тебя нет магии!

— О господи. — Я повторно сползла с кровати и, морщась, потерла лоб. Какой-то слишком длинный и подробный сон. Кошмар практически. — Я имела в виду элементарную вежливость, девочка.

— Я принцесса! Ты должна выполнять мои приказы! Какая еще вежливость с низшими?!

— А я брокколи, и ты должна меня есть на завтрак каждый день. — Во всяком случае, по степени абсурдности мое заявление не слишком переплюнуло то, о чем верещало отражение.

— Что ты несешь?!

— Слушай. — Я вдруг заметила на туалетном столике тяжелый серебряный подсвечник. Какая хорошая штучка! Взвесив ее в руке, я улыбнулась так, как улыбалась, обнаружив среди свежей осетрины кусок залежалого перемороженного филе, которое нечестный поставщик решил подсунуть в середину партии — авось не заметят. — А ведь если нет зеркала, нет и отражения! И никто не будет орать...

— Не смей! — испугалась крикунья. — Мы обе умрем! Ты уже один раз умерла, и я уже один раз умерла, хватит!

— Здрасьте, приехали, — озадачилась я. — Когда это мы успели? То есть про тебя не знаю, а я точно не...

И тут на мою беду память ко мне вернулась. Вот прямо как кувалдой по голове: раз — и все вспомнилось. Родная кухня в самом любимом ресторане, неисправная плита, с которой поработал электрик, и...

— Какая досада. — Пальцы сами потянулись потереть висок. — Что-то мне нехорошо...

— Стой-стой-стой! — заверещало зеркало. — Не смей падать, у тебя подсвечник! Ай! Падай в другую сторону!

Я с трудом огляделась и все же присела на пуфик у трюмо, а не свалилась головой на стекло. Уже прогресс. Но это все ужасно странно и совершенно мне не нравится. Я повар. Экстра-класса. Прагматик до мозга костей и отродясь не верила ни в какую мистику и ни в какое переселение душ. С какого перепуга мне все это счастье?

— Ты можешь минуту помолчать? — Поскольку зеркало так и продолжало причитать, у меня от его голоса разболелась голова. — Закрой рот и постой так ровно три минуты. Пожалуйста.

— Я принцесса! Как ты смеешь закрывать мне рот?! Ты должна...

— Опять за копейку три рубля. Я ничего тебе не должна. Хочешь что-то попросить — проси вежливо. И вообще...

Разбивать крикливое стекло до выяснения всех обстоятельств я передумала. Но и моя длинноволосая молодая копия меня тоже поддоставала. А что, если...

— Уф. Надо же, работает.

Возмущенные возгласы из-под накинутых на раму двух одеял и одного покрывала доносились гораздо приглушеннее. Мои уши наконец-то перестали разрываться от визга. Теперь можно и подумать... куда я попала.

— Все равно, кроме меня, тебе этого никто не расскажет! — почти на грани слышимости пробурчали из-под одеял. — Противная душа! Противный ритуал! Все противные!

— И ты первая. Как закончишь истерить, позовешь.

Душа. Ритуал. Принцесса. Костюмированное представление для древних педофилов. Комната из той же оперы. А за окном... две луны в предрассветном небе. Приехали.

Глава 2

Я сунула в рот виноградинку, отщипнув ее от кисточки, лежавшей на золотом блюде, и в который раз скорректировала выражение собственного лица, чтобы оно не выглядело слишком красноречиво. Шел к концу первый час «беседы» с зеркалом, и я успела несколько раз дойти до стадии полного офигения и обратно.

— Мне все равно, за кого из этих двоих ты выйдешь замуж. — Принцесса в зеркале вздернула остренький нос к потолку. — После смерти моего отца-короля они оба имеют равные права на трон, как сыновья его кузенов. Тот, кто на мне женится, получит все. Они враждуют и соперничают во всем, это можно использовать. Станешь сначала женой одного, родишь наследника, потом муж умрет от яда. Я скажу, где его взять. Потом можно будет использовать второго и тоже родить от него ребенка, а потом избавиться. Лучше девочку. Таким образом мы получим поддержку тех кланов, которые стоят за каждым из кузенов. И тогда я... то есть ты станешь опекуном и единоличной правительницей королевства.

Зашибись план на мое время, мое тело и даже на мою матку. Главное, пигалица вещала с такой уверенностью, словно точно знала, что я подчинюсь и буду действовать по плану. А ее оговорочки очень четко указывали на то, что, свалив на меня грязную работу, урожай девица рассчитывает пожинать сама.

Впрочем, следующие ее слова уже без всяких намеков показали мне всю картину. Боже, она реально дура...

— Когда это случится, ты проведешь ритуал, который вернет мне мое тело. Я скажу какой. А пока будешь приходить за указаниями к этому зеркалу.

— Точно буду? — Я не сумела удержаться от вопроса. Ну право слово, я час назад эту идиотку заткнула парой простых одеял, почему она думает, что я больше так не сделаю?

— Если хочешь вернуться в свой мир — еще как будешь, — фыркнула интриганка доморощенная. — То есть... короче, ты должна меня слушаться!

Ага, то есть соврала, но что-то ей помешало эту ложь продолжить, и кикимора мелкая рассердилась. Это значит, что никуда я не вернусь. Выполню ее работу, и потом от меня избавятся. О боже, откуда этот змеиный детский сад на мою голову? Не, высокая кухня — это такое место, где без интриг никуда, но таких наивных птенчиков там едят на завтрак.

— Я провела ритуал и призвала тебя в свое тело потому, что я сама по условиям магического завещания отца не могу причинить вреда кузенам. Я должна была бы безропотно подчиниться мужу и всю жизнь его слушаться, рожая детей и не пытаясь покинуть закрытые покои. А ты никаким договором не связана, у тебя получится. Ритуал подстроил все так, чтобы освободилась самая подходящая для дела душа.

Зашибись. То есть эта коза мне сейчас сказала, что это она мне устроила смертельное свидание с электричеством. Грохнула ритуалом мое прежнее тело. А куда она меня в таком случае собирается вернуть? В мясную поджарку?

Я не спешила перебивать девчонку, слушала внимательно и местами даже кивала. А потом, поскольку все не могла понять, реально она умственно отсталая или притворяется с хитрой целью, начала осторожно задавать наводящие вопросы. Поскольку надо было выяснить — сразу грохнуть к чертям это хитро-глупое зеркало или оно все же пригодится на первых порах в качестве местной википедии.

М-да. Не пригодится.

Принцесса могла рассказать, сколько у нее платьев и как правильно склонить голову, приветствуя графа, герцога или простого барона с заслугами. Но не могла ответить, сколько в ее замке слуг и комнат. Она знала, как выбирать изысканные ткани и что приказать портнихе, но понятия не имела, сколько стоят услуги последней. Эта коза с локонами прекрасно разбиралась в этикете, танцах, утонченной поэзии и искусстве макияжа. Но ни бельмеса не секла в делах собственного государства — она даже не помнила, как называется море, частью которого является залив, который я видела из окна.

Короче говоря, как справочник и гид эта мымра совершенно не годилась.

Нет, это все же не я, несмотря на внешнее сходство. Даже если бы я уродилась принцессой и меня разбаловали до безобразия, я никогда не стала бы такой тупой и заносчивой стервой. В смысле — стервой была бы, да. Но умной. А это... не точно, но, по-моему, у нее диагноз.

Это не мешало мелкой пакости мечтать о власти. Добрый папенька-король, конечно, потакал всем ее капризам, но особо воли не давал, в том плане, что недалекой истеричке приходилось смирять свои порывы, если они шли вразрез с придворным этикетом или интересами государства. Блондинистая кукла всласть отрывалась на слугах, но некое шестое чувство, присущее всем крысам, четко давало понять, когда зарываться не стоит.

А ей хотелось. Очень. Чтобы никто больше никогда не смел командовать и отказывать, чтобы она была самая главная и все перед ней склонились. Никакой муж-король ей не был нужен. О том, чего обычно стоит такая власть и сколько придется пахать, чтобы ее сохранить, злобный подросточек не задумывался.

М-де. Главное, она даже врать толком не умеет, все ее хитрости шиты белыми нитками. В частности, она солгала, утверждая, что, разбив зеркало, я умру. Солгала и тут же, как будто ее изнутри распирало, выболтала, что это вранье. И еще проболталась, что если я не буду слушаться, то выдаст меня первому, кто наткнется на ее зеркало, и тогда меня казнят, сожгут на костре как демона, захватившего чужое тело. Прелестная девочка. Еще и приказала мне изучить записи ее прапрабабушки, чтобы открыть ей доступ ко всем другим зеркалам, в которых я буду отражаться, дескать, тогда она сможет правильно мною руководить, и вообще, в одном зеркале ждать своего величия скучно. Вон, на первой странице... читай прямо сейчас, вот сию минуту!

Ну я почитала. Похмыкала про себя. Действительно, ничего сложного: свечка, перышко, помадой на стекле хитрый значок нарисовать. Только мне интересно — каким местом принцесса бабкин дневник изучала, если тут черным по белому написано... хм. Значок я ей нарисовала, только немного не такой, как она хотела. Все равно разницы никто не понял.

Э-хе-хе... Пара-тройка косвенных вопросов и заходов издалека — и картина ясна. Эта дурища не пригодится мне даже в качестве носителя наследственных секретов — ну там, если бы почивший папа-король доверил ей тайник с государственной печатью или еще какой скипетр особо секретный.

Не-а. Папа-король, судя по всему, был умнее дочери и понимал, что доверить ей можно только ложку, и то не факт, что до рта донесет, а не в ухо сунет.

А это значит что? Угу. Я хочу жить. И палевное зеркало мне в этом не помощник, скорее наоборот. Сильно наоборот.

— Прости, детка, — вздохнула я. — Если все реально так и есть, как ты говоришь, и переселение душ существует, надеюсь, в следующей жизни ты будешь умнее.

И без замаха врезала по стеклу тем самым подсвечником, который все это время держала в опущенной руке так, чтобы принцесса из зеркала его не видела.

— А-а-а-а-а-а-а! — дикий визг перекрыл даже треск разбитого зеркала. — Что ты де-е-е... — Пронзительный голос не исчез, но резко стих, словно кто-то вывернул регулятор громкости почти на минимум.

— Но следующая жизнь у тебя начнется немного позже, — закончила я мысль, подобрав один из осколков, довольно ровный кружок величиной с ладонь. Стекло четко искрошилось по периметру нарисованного мною же знака из бабкиной тетрадки, и сейчас в нем металась не целая принцесса, а испуганная смазанная тень. — Что поделать, запасливая я и рачительная. Профессиональное качество. Не знаю еще для чего, но вдруг пригодиться? А не будешь слушаться — грохну о камни то, что от тебя осталось, и дело с концом. Поняла? Тогда рот закрыла и ни звука.

Глава 3

Тишина продлилась всего несколько секунд, прежде чем меня накрыло. Нет, я очень стрессоустойчивая женщина. Иметь пять ресторанов, звезду Мишлена и несколько лет «адской кухни» в анамнезе, оставаясь нежной фиалкой, невозможно.

Но ни одна глубокая задница от кулинарии не подготовила меня к тому, что я умру от удара током и воскресну в теле больной на голову принцесски магического мира. Это даже для меня слишком. Пока я ругалась с отражением и пыталась проанализировать тот бред, что оно несет, все было терпимо. Зато теперь догнало.

«Пять минут на истерику и потом еще десять минут поплакать!» — пообещала я сама себе и сползла на пол, зажимая рот подушкой.

Десяти минут на слезы, конечно, не хватило. На стене, обтянутой розовыми шелковыми обоями, висели часы с немного странным циферблатом — делений на них было не двенадцать, а тринадцать. Если верить им, я более-менее пришла в себя только через полчаса. Ну что же... все равно неплохо. С истерикой закончили, теперь надо попить воды и начинать думать.

Итак. Принцесса Юйриль из династии Лан. То есть теперь это я. Вот только перспективы чего-то не радуют. Не считая того, что эта противная девчонка всю жизнь доводила окружающих до белого каления и довела-таки практически до открытой ненависти, у нас еще и замужество на повестке дня. И ладно бы просто свадьба — нет, сначала надо поучаствовать в крысиных бегах за короной в качестве подставки для главного приза. Судя по рассказам принцессы, гонщики там еще те — что один принц, что второй. А еще я по некоторым косвенным признакам смутно догадывалась, что у принцев тех в отношении этой прокладки под корону планы-то не сильно благоднее. Жениться, получить власть, сделать ей ребенка — получить наследника. И адью. Яды в обе стороны прекрасно действуют.

Даже совесть меня за разбитое зеркало почти не мучила, потому что после смерти оберегавшего это чудо отца она все равно прожила бы очень недолго. Такой характер при отсутствии мозгов — верный билет в один конец. А так в кармане, но живая.

Но главное-то что? Все эти проблемы теперь не касаются бывшей принцессы, зато прекрасненько свалились на голову мне. И надо хорошо подумать, как бы из-под них выкарабкаться.

Первым делом я вообще не хочу быть принцессой Юйриль. Репутация у нее так себе, перспективы еще хуже, возможности ограничены. Значит, что? Надо стать кем-то другим. Кем? Тем, кем умею быть лучше всего, — поваром. А чтобы совсем хорошо было — надо бы стать поваром-мужчиной, ибо тут дикие нравы и в помине нет никакого феминизма.

Мужчина — это, конечно, сложно. А вот мальчишка-поваренок — вполне реально. С чего-то же надо начинать. С моей комплекцией недокормленного крысенка, полным отсутствием груди и довольно высоким ростом для девушки — вообще раз плюнуть притвориться пацаном. В юности просто ради развлечения иногда так делала, а тут попробую всерьез и на постоянной основе.

Я даже могу не бояться, что кто-то из слуг или придворных узнает меня в лицо. Еще одной особенностью принцессы Юйриль была любовь к макияжу. Не могу сказать, что она перебарщивала, пользуясь косметикой, — что-то, а вкус у девчонки все же имелся. Но косметики все равно было много, и маленькая кокетка весьма умело рисовала на своем лице другое — кукольно-прекрасное, но довольно сильно отличающееся от того, что я сейчас видела в зеркале. Кроме того, ее гордостью были и шикарные белокурые локоны, самые красивые в королевстве. Не знаю, может, она и не преувеличивала, волосы у Юйриль действительно были густые, блестящие и очень красивые. Длинные — ниже задницы.

Вот от них, как от главной приметы, и следовало избавиться прежде всего. Благо ножницы нашлись в шкатулке на комод — в средневековом антифеминизме есть свои плюсики, надо только поискать. Все девушки и женщины поголовно занимаются рукоделием — ну а как, других-то развлечений особо и нет. Разве что балы — но они случаются не так часто и довольно быстро могут наскучить.

В комнате Юйриль кроме дорогих безделушек и вороха платьев были еще и книги, дорогие, прекрасно переплетенные и с картинками. Наскоро пролистав парочку романов, я уяснила, что даже мужчины здесь не стригутся совсем коротко, и обрадовалась — нормальное каре себе выстричь я вполне могу, а если будет криво, никто особенно не удивится. Поварятам из низов модельные стрижки по рангу не положены.

Безжалостно уничтоженные локоны я тщательно собрала и забросила в разожженный камин. Ф-фу-у-у... Ладно, проветрится, запах жженных волос уже довольно бодро утягивает естественной вентиляцией в каминную трубу. Так, что дальше?

Очень соблазнительно было бы разжиться среди безделушек принцессы первоначальным капиталом. Вот только каждая вещь в этой комнате была помечена оттиском королевской печати, и, когда я дотрагивалась до чего-либо, пальцы слегка покалывало, как слабым разрядом электричества. К бабке не ходи, магия. И меня по этим безделушкам вычислят на раз. Доказывай потом, что не украли, — в эти времена к воришкам относятся без всякого гуманизма. Крякнуть не успею, останусь без руки, а то и без головы.

Обидно, что даже платья и панталоны Юйриль тоже были помечены магией. Значит, вообще ничего брать нельзя. Но не уходить же голой?

Я еще раз полезла в книгу, там была картинка королевского пира, и помимо разодетых гостей на ней присутствовали слуги. Хм. Хм-м-м-м... Художники в средневековье те еще, конечно. С другой стороны, судя по сервировке стола и блюдам, это уже и не оно, это позже. Как минимум Возрождение. Консультировала я как-то цикл документально-игровых фильмов, где два ресторанных критика (вот где бесполезные людишки, а!) разыгрывали сценки из истории. Надевали костюмы того времени, которое исследовалось в серии, и шли лопать блюда, которые готовили в те времена...

Так, это я отвлеклась. Ностальгия, чтоб ее. Значит, так. Судя по картинкам, на слугах одежда сильно проще, чем на господах, и это логично. Мешковатые длинные штаны, у кого заправлены в сапоги, у кого нет. И туника. Вот уж действительно повезло...

Конечно, соорудить себе подобного рода одежду из шелковых штор и простыней принцессы — идея так себе. Но, например, на королевской кровати лежит роскошный королевский матрас, набитый конским волосом. И изнаночная его сторона дополнительно обшита довольно грубым льняным полотном такого размера, что мне не только на штаны и тунику, еще и на портянки хватит. Если срежу и положу как было — вообще не заметят, что полотно пропало. И на этой части матраса не было клейма! А еще клейма не было на паре довольно поношенных сапог для верховой езды — когда-то принцесса увлекалась этим делом, потом, судя по всему, забросила. А обувь на дне сундука осталась. Срезать все пряжки и шпоры (они как раз с клеймами), как следует пошоркать и так не новую кожу об угол камина, каблуки, сделанные из наклеенной слоями жесткой кожи, подцепить ножницами и отодрать почти под ноль, так, чтоб только дыры не было. И сойдет для уличного мальчишки.

Через три часа упорной возни с иглой, ниткой и ножницами я удовлетворенно смотрела на свое отражение в оконном стекле. Как есть пацан убогий с кухни. Немного сажи из камина довело маскировку до совершенства.

Осталось только незаметно убраться из господской части дворца. А там... через кухню, где в толпе таких же поварят, которых никто даже не пересчитывает, на улицу, и...

Чего мне стоило миновать наполненные придворными коридоры — отдельная песня. Ладно, ползком, скачком и раком, от одного укрытия к другому — выбралась. Роскошное убранство осталось позади, я наконец-то нашла черную лестницу для прислуги и быстро побежала по ней вниз, в плохо освещенную неизвестность.

И вдруг чуть не полетела кувырком, ломая кости. Потому что весь замок пронзил ужасный вопль, а следом стены содрогнулись от тяжелого удара.

Глава 4

Я едва успела шарахнуться в какую-то грязную нишу, очень кстати выбитую в стене. Потому что иначе меня снесло бы с лестницы внезапно ломанувшимся непонятно куда народом. Слуги скакали шалыми антилопами, причем и вверх и вниз, без всякой системы и логики. И естественно, орали все одновременно, поэтому не разобрать было ни слова.

Это что, нападение? Война? Бомбардировка? Эвакуация?

Последнее — точно нет, потому что никто никуда не эвакуируется, все только носятся без толку. Но тогда какого хрена обыкновенного, простите?

— Принцесса! — заорали вдруг над самым ухом, и я едва не выпала из своей спасительной ниши. Черт, как?! Кто меня нашел?

— Принцесса пропала! Принцессу похитили! — продолжал блажить здоровенный детина, застрявший на лестнице как раз напротив меня. — Принцессу украли!

Да чтоб тебя. Чуть копыта не отбросила. Спихватились, значит. Интересно, почему ее, то есть мое, отсутствие заметили только сейчас? А целый день и вечер никого не волновало, что эта малолетняя кикимора сидит в своей комнате, носа не высовывая, и творит зверские черномагические ритуалы из бабкиной тетрадки?

Тетрадка, кстати, при мне. Единственная вещь в комнате без клейма и сразу такая полезная — конечно, я ее забрала.

После вопля детины все как-то потихоньку утихомирились — то есть движение на лестнице не прекратилось, но, если я высунусь, меня уже не собьют с ног и не затопчут. Значит, самое время попытаться убежать подальше от эпицентра событий. Я, конечно, замаскировалась хорошо, но кто ее знает, местную магию, вдруг они меня с собаками по запаху искать будут?

По стеночке, по стеночке, вниз, даже радуясь суе и неразберихе — эдак никто вообще не запомнит одного лишнего чумазого мальчишку. Тем более что их тут пара десятков и без меня бегают. А судя по запахам, дорога ведет меня прямо на кухню, в самое благословенное место замка. Жаль, я не собираюсь там особо задерживаться, ибо больше всего меня интересует черный ход. Через который я наверняка сумею просочиться так же незаметно.

Я усилием воли заставила себя не смотреть по сторонам и шмыгать мышкой даже после того, как лестница кончилась и я ступила на райскую территорию. Да, с ума сойти, настоящая дворцовая кухня, да, антураж и даже запахи. В другое время меня бы трактором отсюда не выволокли. Но сейчас... мечта моя, тебе придется подождать. Потому как лучше я свою кухню организую где-нибудь в другом месте. Если надо будет, потом и замок вокруг нее построю, но другой! Ибо этот уж больно проблемный. Женихи всякие, опять же, стаями, наступить некуда.

Спасительная замурзанная дверь с немного ржавыми петлями уже была на расстоянии вытянутой руки, когда злодейская судьба решила, что везения с меня на сегодня хватит.

— Ты куда собрался, паршивец?! — рявкнул у меня над ухом густой бас, и здоровенная волосатая лапа с не очень чистыми ногтями сжалась на моем плече. — Хочешь, чтобы сюда сбежалась вся королевская стража?! А ну, пшел!

У-у-у-ух! Вот хорошо, что я умею группироваться, поэтому просто закатилась под стол, когда меня с такой силой отшвырнули от вожденной двери на свободу. А внушительный пинок, которым верзила собирался дополнить свой аргумент, просто до меня не достал — я хорошо помню, что тело у меня в юном возрасте было не только тощее, но и очень шустрое. К тому же снабженное правильными инстинктами, укатившими меня поглубже и подальше от грязного сапога, лягнувшего воздух там, где я секунду назад лежала.

— А ну, вылезай, отродье! Работать!

Я вылезла, конечно, очень уж мне не понравилось, как бугаина вцепился в столешницу и приподнял огромное дубовое сооружение, на котором к тому же громоздилась куча продуктов. Но дураков выкатываться под ноги пинальщикам нет, так что выскочить с другой стороны стола было правильным решением.

Отсюда я наконец-то сумела как следует разглядеть, что за чудище на меня набросилось, и оценить расклад сил. Та-ак... чтоб мне лопнуть, если это настоящее начальство. Вот кого-кого, а главного на кухне я определяю с одного взгляда. Это — не оно. Это какой-то охамевший от собственных размеров боров на подхвате, явно довольный от сознания, что может шпынять и колотить хоть кого-то просто потому, что он больше и физически сильнее.

Ну, с такими разговор короткий. Я не мастер боевых искусств, но я профессиональный повар, и где я только не работала в своей жизни... там, где надо было физически отстаивать свое право у разделочного стола, в том числе.

Ножамы кидаться — это признак низкого класса и безбашенности. Психов с кухни изгоняют безжалостно. А вот репа... репа подойдет.

Все случилось так быстро, что громила даже не успел проораться, все еще изрыгал ругательства и пытался пнуть пустоту под столом, когда увесистый корнеплод врезался ему точно в кадык. Рев мгновенно превратился в хрип, ничего опасного, но из строя я его вывела на какое-то время. Уф-ф-ф...

— Ты кто такой? — Поскольку наша короткая битва даже среди всеобщего хаоса привлекла внимание, теперь меня заметило настоящее начальство.

— Дык неделю уже здесь работаю, господин. — Я положила резервную репку обратно на стол и шмыгнула носом, старательно копируя интонацию и говор тех мальчишек, что во множестве метались по лестнице, пока я спускалась. — Вон этот... меня знает. Пристает все время! — И я дернула подбородком на все еще хрипящего бугая.

Бугай подтверждающе закашлялся. То есть что именно он хотел сказать — пес его знает. Но я еще раз для уверенности ткнула в него пальцем и закивала — мол, видите? А сама снова очень внимательно осмотрела эту агрессивную жертву корнеплодов. Так... руки в саже и ржавчине, края рукавов чуть подпалены, на сапогах остатки золы, а еще...

— Страсть какой у него вертел тяжелый, господин! Я слишком тощий, чтобы хорошо его крутить, а этот так и норовит меня вместо себя к очагу-то пристроить... Как дров принесу, так цоп за шиворот и давай-давай!

Главный повар, хозяин кухни, или как тут его звать-величать, не знаю, еще раз внимательно осмотрел и меня, и бугая, потом хмыкнул и сказал:

— И тебе всего недели хватило, чтобы освоиться и дать отпор? Какой дерзкий мальчишка. Ладно... я найду тебе работу по силам. Тем более все равно пока выгонять некуда.

Я всем организмом изобразила радость и готовность служить пополам с вопросительным удивлением.

— Замок на осадном положении. Принцесса исчезла, и их светлости активировали защитный артефакт в надежде, что похитители еще не успели выбраться из замка и увезти свою пленницу. Поэтому все входы и выходы заблокированы магической завесой. — Вообще-то, мужчина говорил сейчас не столько мне, сколько всем остальным на кухне — хотя он даже не особенно повысил голос, но народ послушно притих и внимал. Я тоже. — Продукты и другие необходимые вещи будут доставляться через одни специальные ворота, которые будут охраняться магическими стражами артефакта. Любой, кто попытается прорваться в другом месте, будет парализован завесой, схвачен и брошен в темницу как подозреваемый в измене. Поэтому даже не пытайтесь выйти из замка и... продолжайте работать. Остальное не вашего ума дело.

Ну, нарежься ножиком...

Глава 5

— Эй ты, малец! — тем временем окликнул меня главный. — Пойдешь со мной. Бегом!

Я быстренько закивала и пристроилась мужику в кильватер. А что мне еще было делать? Дорога на волю перекрыта, по крайней мере временно. Ушибленный репой детина уже прокашлялся и смотрел так, что мне совсем не хотелось оставаться с ним в одном помещении. Поскольку вряд ли меня прямо сейчас поведут в темницу как подозрительную личность (даже если бы повели, что б я сделала? Упала на пол и отбивалась ногами? Не смешно), умнее было повиноваться.

Коридор, в который я выскочила следом за «главнокомандующим», оказался довольно хорошо освещен. Каменные плиты пола как следует выметены и вроде бы даже мыты. Но все равно убранство отличалось от «господских» покоев и переходов между ними. Голый камень, узкие, как бойницы, окна, похожие на факелы светильники в держателях через каждые десять шагов. Свет теплый и чуть трепещущий, как от настоящего огня, но ни копоти, ни вони — явно магия.

Пока шли, я украдкой рассмотрела хозяина кухни. Довольно щуплый жилистый мужик под два метра ростом и хорошо так за полтинник. Седой ежик на голове прикрыт довольно чистым колпаком из небеленого льна, одежда как у всех — сапоги-штаны-туника. Тоже чистые и довольно опрятные. Фартук из того же льна, что и колпак. Лицо... никакое, на первый взгляд. Обычные глаза, обычный рот, обычный нос, отвернись — и через полчаса не вспомнишь. Если бы не взгляд — по нему-то, а еще по уверенным движениям я главного и вычислила.

Глазеть совсем уж откровенно я не решилась, удовлетворившись первым осмотром, тем более мы уже пришли. Кажется, к тому самому единственному выходу из замка... А может, это шанс?!

Увы, если это и был шанс, то не мой.

— Стой здесь. — Железная рука начальства пригвоздила меня к месту еще метрах в двадцати от слабо мерцающей над каменным внутренним двориком арки. — Не вздумай сунуться. Стражи сначала ударят, а потом будут разбираться, что за моль расплющили.

И он невежливо ткнул пальцем в две светящиеся колонны по бокам от арки. Я пригляделась и различила внутри них два гигантских силуэта, похожих на джиннов из мультфильма Диснея, только не веселых, а довольно страшных и со здоровенными дубинами на плече.

— Господин Жуй! — сказали вдруг у нас за спиной. — Вы уже здесь. Отрадно. Вам предстоит закупить у торговцев припасы на две недели, после чего замок закроется для слуг наглухо и никто, кроме меня и моего кузена, не сможет его покинуть. Проследите, чтобы всего было достаточно.

Я почувствовала, как у меня холодеет затылок и каменеют плечи. Голос был молодой, но такой... даже не просто властный, а наполненный непонятной холодной силой, от которой леденели щеки и иней оседал на ресницах и губах привкусом горькой полыни. Это еще кто?!

— Слушаюсь, ваша светлость! — Начальство мгновенно развернулось к говорившему, попутно сцапав меня за шиворот и силком пригнув к земле в глубоком поклоне. Сам он тоже едва колпаком до колен не достал.

— О, ты уже здесь.

Да чтоб вас брюквой придавило! Мало мне было одного харизматичного властного ужастика, второй подвалил. Чтоб мне лопнуть, если это не женихи моей предшественницы. И знаете что... я, кажется, начинаю понимать, почему она так отчаянно не хотела замуж.

Поскольку тяжелая рука начальства все еще лежала на моем загривке, неумолимо пригибая к земле и не давая поднять голову, рассмотреть гипотетических претендентов я не могла. Оставалось слушать.

— Кажется, мы договорились, что выходим к portalу только вдвоем. Получаса не прошло, и ты уже нарушаешь договоренность? — Этот голос был ленивым и тягучим, как патока, но ни черта не сладким. Я бы сказала — мед с перцем и имбирем.

— Ты так рвешься пересчитывать окорока и мешки с репой? — презрительно отозвался первый.

Воздух заискрил. Казалось, еще немного — и начнут бить молнии. Я почти ждала этого тихого шелеста и потрескивания разрядов. У-у-у... убивать они друг друга будут прямо сейчас или немного погодя? Пора бежать под телегу прятаться или лучше не рисковать и прикинуться ветошью, не сходя с места?

— Я так рвусь убедиться, что ты не воспользуешься случаем переправить в мешке из-под репы некий ценный груз. — Мед и перец кто-то приправил изрядной порцией лимонного ехидства. —

Было бы некрасиво вот так закончить наше честное и благородное противостояние.

— А господин Жуй мне помогает, приведя к portalу замаскированную принцессу? — Горькая полынь тоже умеет в иронию, надо же! А если бы он знал, насколько его едкая шуточка близка к истине... или знает?!

У меня моментально ослабли коленки, в ушах зашумело и во рту стало кисло. Да чтоб вас! Неужели отбегалась?

— Ну разве только он замаскировал ее под эту корзинку с огурцами, — подхватил игру мед с пряностями. — Впрочем, от тебя с твоими иллюзиями всего можно ожидать. Поэтому я предпочитаю проконтролировать все лично.

— Не доверяешь? — снова повеяло полынным холодом.

Но мне уже было пофиг, поскольку накрыло таким облегчением — не передать. Он просто пошутил так, он ни о чем не догадался... уф...

— Ну что ты. Как ты мог усомниться? Конечно... не доверяю.

— Ну тогда вперед, проверяй каждую курицу.

— Я тебе поражаюсь. За что ты так со мной? Вроде бы не первый день знакомы. Как ты мог заподозрить меня в подобной мелочности? Я предпочитаю масштабные представления!

И-и-и тут мне как дало по ногам и по мозгам чем-то вроде волны горячего сбитня на хмельном меду и травах. Я на секунду почувствовала себя мышью, утонувшей в бочке с этим напитком. А потом р-раз — и все кончилось, волны как не было, остался только запах. И голос.

— Ну, по крайней мере теперь мы оба можем быть уверены, что принцессы здесь нет. Моя техника полного снятия иллюзий еще ни разу не подводила.

А, это он колданул отмену иллюзий. Массовую. Понятненько... магия! Мать ее.

— Позер. — Горькая полынь первого голоса взметнулась холодным смерчем, смывая привкус меда с губ. И таки с этим определением я не могла не согласиться. Впрочем, у меня была другая задача: удержаться и не начать нервно ржать. Иллюзионисты, мать их половником... мастера разоблачений. Макияж с любой бабы сначала смойте, потом будете говорить, кто лучше умеет заморочить людям голову иллюзиями.

— Развлекайся, — продолжил полынный голос. — Можешь лично проследить, чтобы все доставленные в замок припасы были качественными, а не прикрыты видимостью свежести. У меня есть другие дела.

Судя по удаляющимся шагам и осторожному выдоху начальства, один из женихов гордо ретировался.

— Пф-ф-ф... — сказал второй и тоже исчез. Только без всяких удаляющихся шагов. Зато с негромким хлопком.

Глава 6

— Господин Жуй, можно я уже встану? — Жалобное шмыганье носом подействовало: мой загривок наконец отпустили. Я с некоторой опаской выпрямилась и повертела головой, разминая шею. Уй...

— Сам другой раз кланяйся, бестолочь! — рявкнуло начальство. — Господа герцоги бровью поведут — мокрое место останется. Ладно, хватит прохлаждаться. Будешь на подхвате!

Следующий час я металась по двору от портала к крылечку, периодически получая подзатыльники и прочие ускоряющие поджопки от господина главного повара. Подержи, положи вон туда, пересчитай, вытащи, перекладывай по одному... бегом!

Я чего, я бегом. Лучше клетки с индюшками пересчитывать, чем оказаться между товарищами герцогами. Жаль, господин Жуй пресекает любые вопросы недвусмысленными тычками. Наблюдает за мной очень внимательно, присматривается. Или ждет, когда я что-нибудь попытаюсь спереть.

Нашел дуру, в смысле дурака. Как не умереть с голоду на кухне, я знаю лучше многих, но палиться так явно? Пф-ф-ф-ф.

— Э! А это назад заberi! — Постепенно ревизия продуктов так меня увлекла, что я немного забылась. Дело это интересное. С одной стороны — натурпродукт, экологически чистое мясо и вот это все. С другой — только наивные ромашки из двадцать первого века думают, что раньше люди не умели стряпать фальсификат. Да если бы они знали, с помощью чего ушлые предки увеличивали прибыль, возлюбили бы генномодифицированную кукурузу всем организмом!

Опилки в хлебе не хотите? Более дешевый крахмал, мел, а то и гипс в муке? Огурцы с мышьяком, чтобы казались свежее и зеленее? Вымоченное в свежей моче мясо старой коровы, чтобы жир побелел и стал похож на телячий? Сладкий сиропчик с оксидом свинца в прокисшем вине, чтобы оно казалось более вкусным? А порошок киноvari в дорожном красном перце? Киноварь содержит ртуть, на минуточку! Поешь такой вкуснятины с годик, а там и место на погосте обеспечено.

Конечно, такие фокусы старались проворачивать с покупателями победнее — в нынешнее время какой-нибудь граф за старую козлятину, названную мясом молодой лани, может нечистому на руку торгашу эту самую руку отрубить. А то и голову. И ничего ему за это не будет, все одобряют. Вот поэтому я и удивилась, обнаружив в корзине хорошей копченой рыбы несколько тушек явного неликвида.

— Чего орешь! — напустился на меня торговец. — Не твоего ума дело, оборванец! Куда нос суешь?!

— В чем дело? — Господин Жуй оставил степенный разговор с крупным поставщиком мяса и подошел поближе.

— Уберите этого поганца, достопочтенный, совсем совести у него нет, рыбину хотел стащить! — Бегающие глаза торговца хитро и подбостранно сощурились.

— Кому нужна твоя тухлятина! — Ну нет, не на ту попал. Я не дам себя обвинить, а раз по-хорошему не захотел, пусть не жалуется потом. — Ты что подсовываешь, уважаемый? Этой рыбой врагов травить надо, а не господам за деньги продавать!

— Много ты понимаешь, мозгляк! Господин Жуй, не слушайте его!

— Господин Жуй, — я ловко выхватила вялено-копченую рыбину прямо из рук торговца, не давая ему спрятать ее под другими тушками, — гляньте сами! На первый-то взгляд вроде и ничего, а если в брюхе пощупать, мясо как кисель, явно в тепле перележала перед тем, как второй раз закоптили. И налет у хвоста, видите? Специальным раствором терли, чтобы плесень убрать. Залежалый товар, одно слово. Нельзя такой есть! Потравишься!

Главный повар первым делом выдал мне профилактический подзатыльник, но несильный. Отобрал рыбу и долго ее исследовал, чуть ли не сунув нос в брюхо. Потом молча отложил тухлятину и так посмотрел на мошенника, что тот аж присел.

— Простите, достопочтенный, простите! — заблажил он, торопливо собирая свой товар. — Не иначе помощник подсунул, тварь вороватая, а я не проследил! Простите!

— Чтоб я в замке этого больше не видел. Появится — ноги переломаяю. И позову другую артель.

Кажется, господин Жуй не любил тратить лишние слова. Он и слушать вопли избалованного жулика не стал, коротко кивнул старшему в этом обозе, уронил фразу и пошел обратно к мяснику, больше не обращая внимания на слезные мольбы.

На меня он больше не смотрел, да и слава богу. Я, правда, не удержалась и сунула нос во все

оставшиеся у портала корзины, прежде чем перетаскать их к крыльцу. Однако все было в порядке, и я уже думала, что сейчас начну на своем горбу переправлять всю эту гору отличных продуктов куда-нибудь в кладовую, но тут меня в очередной раз ловко поймали за шиворот и слегка встряхнули.

— И откуда ты так хорошо разбираешься в рыбе, постреленок? — Господин Жуй смотрел грозно и холодно. — В последний раз управляющий велел прислать два десятка мальчишек из приюта. А ты откуда взялся? В доме милосердия ты такую рыбу даже издали видеть не мог.

Мозги вскипели. Неужели я спалилась на таком пустяке? На своей привычке не терпеть халтуры и надувательства? Как... обидно-то!

Думай, голова, думай. А то холодец из тебя сварю.

— В приют детей птицы приносят, что ли? — грубовато ответила я, нарочно шмыгнув носом и утершись рукавом, чтобы хоть немного скрыть проблеск паники на лице. — Не родился я там!

— А где ты родился? — Рука на моем загривке все еще была неумолимо тверда, но хоть трести перестали.

— Дык... в трактире. Батя мой трактир держал!

Это, конечно, была пляска на тонком льду — не только скользко, но еще и риск провалиться очень велик. Знания Юйриль об окружающем мире были ничтожно малы. Пришлось импровизировать и полагаться на то, что я знала из истории в своем прошлом мире. Не может быть, чтобы в городе за пределами замка не было таких заведений!

— И? — Очередной рывок за ворот явно должен был подстегнуть мою словоохотливость.

— Да чего... погорел трактир. Батя там и остался. А мне куда идти? Сколько мог — на улице жил, потом в приюте. Потом сюда попал. Все.

И сделала честные-честные глаза.

— Воровал? — после паузы строго спросил господин Жуй, стараясь просветить меня взглядом до самого донышка.

— А то! — не моргнув глазом, соврала я. — Как жить-то? С голоду подыхать, что ли?

— Шустрый пацан. И хорошо, что честный, — хмыкнул главный повар. — А если на улице выжил и в приюте не пропал — значит, не дурак.

Я затаила дыхание. Ну?

— Будешь хорошо работать, станешь человеком, — усмехнувшись, выдало начальство. — Я буду следить за тобой, понял? Если станешь воровать, лично отрублю руку и выкину вон, понял?

— Да чего уж непонятного. — Я еще раз вытерла нос рукавом и ухмыльнулась, вспомнив собственный опыт. Нонеча — не то что давеча, повара на кухне никто за уши не дерет и ремнем не порет, но все равно, нанимая подсобный персонал в свой ресторан, я изначально старалась обозначить все карательные перспективы. Разве что руки рубить я ни разу не обещала, но тоже умела нагнать страху. Потом, когда юные оболтусы обнаружат, что я местами очень даже добрая тетя Юля, а не только злобный дух Ю-Ю, привычка к дисциплине уже сыграет свою роль.

— Иди работай! — Мне вручили корзину с перепелиными яйцами и выдали стимулирующего пинка. — Перенесешь все вот это, — начальственный палец ткнул в отдельно стоящую грудку корзинок, — во вторую кладовую и доложишь! Бегом!

Бегом так бегом... У кого бы узнать, где та вторая кладовая-то? Ладно, бой покажет.

Я никак не ожидала, правда, что бой начнется раньше, чем я добегу со своей корзиной до кухни.

— Попался, гаденыш!

Глава 7

Не на того напал. Увернуться от летящего в голову кулака было не так сложно, как удержать корзину. Если яйца разобьются, мне этот козел вертельный белым пряником покажется на фоне начальственного гнева. Может, на то и расчет?

— Эй, ты что! — Скакать кузнечиком в узком коридоре сложно, зато орать во все горло мне никто не мешает. — Помогите! Он взбесился! А-а-а-а-а!

Главное, корзинку... корзинку под удар не подставить. Да где этот, мать его, главный повар, он оглох, что ли?! Я так ору, что меня за порталом слышно должно быть!

— Что здесь происходит?

Оппа! Ну, я бы на этот раз упала, потому что гадский пинок в спину меня таки достал. Полетела бы птичкой, капец бы яйцам, а то и костям. Но вместо стены моя голова повстречалась с чем-то более мягким, а еще меня поймали за шиворот и подняли над полом, как кутенка. Да что ж за привычка тут у них... нехорошая!

— Ты еще кто?

Запах горькой полыни с нотками базилика ударил в ноздри, и только тут я поняла, на кого налетела. Ах ты ж черт! А если он сейчас с близкого расстояния приглядится к моему лицу и все-таки узнает?! Я ведь даже сажей рожу намазать не успела для маскировки.

— А-а-а-а-а! Спасите-помогите, господин, он рехнулся и хочет ваши яйца! — С этим воплем я пихнула корзину впереди себя и сама вцепилась в спасителя, опуская голову и прижимаясь к его груди, не давая заглянуть себе в лицо.

— Чего он хочет?!

— Ыгх-х-х-х... — это уже бугаина, чтоб ему свои собственные яйца на бегу потерять. — В-ваша светлость... я... я не...

— Вот! — Я снова ткнула в герцога своей корзинкой, старательно прикрываясь ею от слишком пристального взгляда. — Яйца! Господин Жуй велел в кладовую отнести! Это ваша собственность! А он хочет отобрать! — голосом завязатого ябедника.

Мне, кажется, везет. Вполне возможно, как утопленнику, но везет. Потому что рука, державшая меня за шиворот, сначала затряслась, а потом и вовсе разжалась.

Хороший у него смех. Почти такой же приятный, как запах. Не был бы он еще герцогом и женихом, сошел бы за нормального человека. А пока надо бы ноги в руки, яйца в зубы и тикать, пока не спалили.

— Да нужны мне те яйца, гаденыш! — не вытерпел и взревел бугаина. — Тьфу! Я тебя самого поймаю, и...

— А-а-а-а, господин! Он хочет не только ваши яйца, но и меня насильничать! — заблажила я с перепугу. А испугалась потому, что меня хоть и не трясли больше, держа за воротник, зато крепко сжали плечо, а другой рукой отстранили корзину и подняли мое лицо за подбородок.

Одно хорошо — кое-как обстриженные лохмы от такой физкультуры давно превратились в воронье гнездо и падали на лоб и щеки, частично скрывая слишком нежный для мальчишки овал лица. Я затаила дыхание и подняла наконец глаза. Раз меня все равно рассматривают в упор, надо хоть самой глянуть, что там за жених. Чтобы в следующий раз издали распознать и вовремя убратся с его дороги.

Первое, что бросилось в глаза, — герцог оказался возмутительно молод. По моим меркам — вообще пацан, лет двадцать — двадцать пять. Высокий, широкоплечий, с красивым чуть смугловатым лицом потомственного аристократа южных кровей и надменными темно-кариыми глазами. Полные губы кривятся в усмешке, четко очерченные брови чуть нахмурены — в целом вид такой, словно принц нашел в саду лягушку и теперь размышляет, как бы ее придавить незаметно, пока сказочники не набежали и не заставили его с этой амфибией целоваться.

— Ну, с такой смазливой рожицей ты еще не одного настойчивого поклонника встретишь в этом замке, — резюмировал герцог секунд через тридцать пристального изучения.

Я рвано выдохнула и попыталась понять: он на что намекает?! На то, что все же узнал во мне принцессу и девчонку, радуется и злорадствует? Или на то, что в этом замке принято... э-э-э...

— Ваша светлость! — Уф-ф-ф, наконец-то в коридоре появился тот, кого я ждала больше манны небесной, — господин Жуй. — Ваша светлость, этот мальчишка в чем-то провинился?

Не, нормально? Меня тут сначала чуть не покалечили, потом всяко намекали на нехорошее, и я же еще и виновата? Вот она, средневековая справедливость.

— Нет, он просто очень хорошо защищал мои яйца, — усмехнулся пыльный герцог.

— Что?! — Даже невозмутимый господин Жуй подавился воздухом, услышав это заявление. Что уж говорить об остальных зрителях, незаметно набежавших на шум. Вот гады, когда я на помощь звала, хоть бы одна морда высунулась, а теперь из-за угла десяток рож торчит, и все с открытыми ртами.

— Яйца. — У меня отобрали корзину и невозмутимо предъявили повару. — Этот клоп самоотверженно взялся защищать мою собственность. Вы ведь велели отнести их в кладовку, верно?

— Да... кхм, — взял в себя в руки господин Жуй. — Велел. Но устраивать балаган в коридоре и отвлекать вашу светлость я ему не приказывал.

— Будем считать, что это побочный эффект его усердия. — Поскольку меня все еще цепко придерживали за плечо, убежать не было никакой возможности, и запах горьких трав пропитал, кажется, все вокруг. Не то чтобы было неприятно, но как-то слишком много. — Будет лучше, если он спокойно закончит свою работу. Для этого нужно, чтобы все остальные тоже занялись своим делом, а не гонялись по коридору за... яйцами.

Оппа. Последняя фраза была сказана таким тоном, что у меня дернулся глаз, а все остальное слишком любопытное население замка в мгновение ока рассосалось по местам. Включая бугайну, чтоб ему тот вертел, который он обязан крутить, в одно место вошел и из другого вышел.

Остался только господин Жуй вместе со своим явным неодобрением да пыльная светлость с моей корзиной и моим же плечом в руках. Может, меня все же отпустят?

Устав ждать, я решила на невиданную для здешней прислуги дерзость: резко присела, выворачиваясь. Заодно и корзинку эту многострадальную цапнула и, поскольку сопротивляться никто не стал, выдернула ее из герцогских рук.

— Извиняйте, ваша светлость, мне тоже работать надо! — буркнула, не поднимая глаз, торопливо поклонилась (я уже подглядела, как это слуги делают) и драпанула в сторону кухни со всех ног. Черти бы взяли эту чехарду, где та кладовка, куда мне надо яйца сдать?!

— Хороший слуга, — прилетело мне в спину. — Вечером пусть именно он подаст мне ужин в покои.

Я аж споткнулась, но с большим трудом сумела выровняться и не грохнуть пресловутую корзину об пол. Да вашу душу в грушу, никаких нервов не хватит!

Узнал или не узнал? А если нет, то за каким бесом именно я ему на ужин понадобилась? Здесь три десятка таких же пацанов по коридорам бегают! Почему именно меня захотел? Неужели у бывшего жениха нехорошие наклонности по части молоденьких мальчиков? А я в первый же день маскировки привлекла к себе внимание. Ну блин! Только этого мне не хватало!

Глава 8

— Ты смотри у меня, нос не задирай, — первым делом сказал мне господин Жуй, после того как лично проводил до нужной кладовки, и слава богу, а то я бы ее искала до морковкиного заговенья. — Его светлость Раймон — он наглых не любит. И вообще... отнес ужин, поклонился с порога, как положено, в пол, и руки в ноги обратно на кухню. Не вздумай там задерживаться и разговоры разговаривать, понял? А то сам себе беду накличешь, вовсе не поблажку.

Я торопливо закивала.

— Щас нести? Только я не знаю куда.

— Да где сейчас, дурень, время едва за полдень. Что ты там, выспаться под герцогской дверью собрался, вечера дожидаясь, бездельник? — рассердился господин Жуй. — Делом займись! Стой! Остальные корзины без тебя притащат, а то снова по дороге чьи-то яйца тебя с пути собьют. Иди вон... коренья чистить! А я посмотрю, наврал про папашину таверну или правду сказал. Если на кухне помогал, три корзины до вечера тебе — на один глазок. Бегом!

И ловко пнул меня коленом под зад, направляя в угол кухни, где на лавке уже устроился пяток таких же «счастливиц» с ножами для чистки... ну, будем считать, картошки, хотя «коренья» местные ее напоминали весьма отдаленно. Яркие красно-коричневые клубни неправильной формы больше всего были похожи на крупные кривые груши. К ним прилагался маленький и довольно тупой нож с треснутой деревянной рукояткой, ведро с водой, куда следовало кидать результат трудовой деятельности, и здоровенная корзина, из которой те коренья и следовало брать. Три корзины, которые мне тут же услужливо пододвинули ухмыляющиеся соседи.

Первым делом я потыкала тупым лезвием в палец и недовольно цыкнула зубом. Безобразие. Довести нож до такого паршивого состояния — это еще постараться надо. Пусть сталь не самого лучшего качества, нормальная заточка — дело пяти минут и небольшого навыка. Тем более вон в углу здоровенный жернов, с помощью которого тут размалывают орехи, судя по запаху от него. Камень крупнозернистый, это не совсем то, что мне нужно, но сойдет.

Бодрый скрежет металла по камню раздался именно в тот момент, когда в кухонном гвалте случайно наступила пауза. Наверное, поэтому на него обернулись все без исключения.

— Ты что творишь, малец? — Главный повар отвлекся от пакетов с сухофруктами и грозно надвинулся на меня.

— Нож точу, — пояснила я, пробуя остроту на ногте и снова принимаясь водить лезвием по жернову. — Руки бы оторвать тому паразиту, кто инструмент до такого состояния довел.

И тут же прикусила язык, мысленно обозвав себя тупой брюквой. А что, если господин начальник примет это на свой счет? Это же его кухня и его ответственность.

Но мне повезло. Господин Жуй только неопределенно хмыкнул, потом отобрал у меня мой уже нормально заточенный нож, осмотрел его, попробовал остроту пальцем, приподнял бровь и снова хмыкнул:

— Иди делом займись, с камушками и ножиками будешь развлекаться в свободное время. Еще раз встанешь с лавки, пока не дочищена вся твоя норма, — выпорю палкой. Ясно?

Угу, еще бы не ясно. Иду уже, иду.

Дальше дело пошло само собой. Картошка тоже бывает странной формы, а кожуру с нее надо снимать тоненькую, и высший шик — чтобы одной непрерывной ленточкой от первого надреза и до последнего ошметка. Это я умею делать даже во сне, руки сами работают, а голова свободна для всяческих размышлений.

Драпать надо из этого замка, тут бугаи, начальство и герцоги. Из всего набора только главный повар проходит по разряду «хреново, но приготовить еще можно». Остальное — заберите.

Непонятно, сколько еще замок будет в осаде, и, пока не снимут барьер, мне отсюда хода нет. Но это не мешает подумать, куда я подамся, как только получится найти щелку и выскользнуть через нее. А может, и к лучшему, что я проведу какое-то время на этой кухне, больше узнаю о мире, куда меня занесло. Какие тут нравы за пределами замковой стены, какие продукты в ходу, чем питается простой народ, на чем можно в таких условиях заработать. Глобально-то цель понятна — как в прошлый раз, свой ресторан. Харчевня, как тут называется. Но на это дело всегда нужен первоначальный капитал.

— Эй ты, чего нос задрал? — Грубый тычок локтем в бок прервал мои размышления.

Понятно, соседи по лавке ущемились скоростью моей работы и общим выпендрежем. Я покосилась на агрессора и вздохнула. Я взрослая тетенька, мне даже в нынешнем теле такое дите на один зуб. И словом могу шкурку снять, и руками-ногами добавить. Школу поварят я уже один раз проходила и экзамен на зубастость сдала. Но зачем мне конфликт? Еще больше привлечь к себе внимание? Да и мальчишек жалко, им в любом веке несладко, а уж в здешнем средневековье — подавно.

— На. — Я сунула свой остро наточенный нож агрессору и забрала у него тупой. — Смотри, вот так держать надо, тогда не соскользнет и пальцы не отрежешь. Меня папаша в таверне научил. Знаешь, как драл за толстую стружку или если медленно работать?

Удар попал точно в цель. Неожиданность — наше все. Плюс тонкое воззвание к солидарности — я такой же, как ты, мне тоже прилетало, еще как.

Сосед пару раз моргнул и шмыгнул носом. Потом чиркнул острым ножом по земляной груше и посмотрел на меня совсем другими глазами.

— Гусь меня зовут. А тебя?

— Юль... Юль. Большим пальцем вот тут придерживай, тогда эта скотина из руки не выпадет. Ага, вот так. У тебя прям сразу получается! Молодец!

— Конечно, если ты ему свой хороший нож отдал, — пробухтели с другой стороны. Рыжий и конопатый пацан, тощий, как еловая жердь, и такой же занозистый на вид, растер по веснушчатой щеке грязь. — Эдак каждый сможет. Пф! — Он демонстративно задрал нос. А потом добавил, протягивая руку: — Я Цанти.

— Юль. — Я бросила очищенный корнеплод в ведро с водой и пожала протянутую руку. — Эту так дорежем, а потом я вам покажу, как ножик подправить, раз жернов есть.

Все, пусть временно, но эти двое мои, да и остальные пацаны на лавке зашушукались. Громко знакомиться не лезли — господин Жуй как раз в нашу сторону обернулся. Но в целом воодушевились: носа я драть не стал, обещал чему-то научить. На средневековой кухне ведь как — поначалу все на тычках и подзатыльниках. Дали задание, отвесили стимулирующий пинок — и вертись как хочешь. Право на настоящее учение еще заслужить надо, а поначалу не зевай, смотри в оба глаза и запоминай, если успеваешь. Кто посмышленнее — тот поднимется уровнем выше, кто не тянет — черной и грязной возни всегда хватает, вместе с зуботычинами.

Увы, когда местная картошка в корзинах кончилась, устроить мастер-класс по заточке ножей у меня не вышло. Только я в сопровождении толпы парней направилась в нужный угол, как меня ловко и бесцеремонно цапнули за шиворот. Что за манеры тут у них, а?..

— Куда? Живо взял поднос и бегом в комнату герцога!

Тьфу, про эту неприятность я почти забыла.

Глава 9

— Куда бежать-то? — угрюмо уточнила я, глядя прямо в янтарный глазок рыбьего жира, дрейфующий в густой похлебке из форели. Запах... годный. Особенно на голодный желудок. А поднос-то тяжеленный, на нем кроме похлебки в фарфоровой супнице с цветочками еще куча тарелок. Бегать с таким грузом по этажам будет весело. — Не знаю я, где тут у вас герцогские спальни.

— Тьфу, напасть, — ругнулся господин Жуй. — Эй, кто-нибудь! — Он развернулся к толпе слегка разочарованных моей занятостью поварят. — Кого уже в прачечную на работу брали? Кто постели носил в господские покои? Только не врать!

— Ну я, — шмыгнул носом уже знакомый мне русский Гусь, — эта... знаю. Обоих, сталбыть, светлостей.

— Обоих не надо. Отведешь его к комнате герцога Раймона и рысью назад. А то ужина не дам!

Гусь снова шмыгнул носом и кивнул. А я заметила мимолетный проблеск хитринки в широко расставленных светло-серых глазах. С виду-то увалень и дурень, носом курносый вон шмыгает, чуть ли не рукавом утирается. А среагировать на зов повара успел первый, я же видела, что и рыжий Цанти, и еще пара-тройка парней уже открыли рты, собираясь вызваться.

— Ежели одну булку сожрать по дороге, никто не заметит, — первым делом выдал мне «проводник», как только мы свернули из общего коридора на узкую черную лестницу, ведущую к господским этажам. — Не считают их!

— Уверен? — Я откровенно ухмыльнулась в лицо хитровану. — До двух считать умеет даже петух в супе, не то что герцог. Булку на двоих хочешь, а отвечать буду я?

Гусь в ответ, ничуть не смутившись, пожал плечами.

— Ну не вышло — и ладно. Хотя брюхо подвело. Вона, третья дверь от лестницы, синяя со звездами, и будет герцога Раймона. Стучись, а я пошел.

И ссыпался по ступенькам с такой скоростью, что я заподозрила подставу: либо не ту дверь указал из мести за несожранную булку, либо с герцогом этим точно что-то не так.

А что делать, идти-то надо.

До заветной и опасной цели оставалось три шага, когда вдруг открылась другая дверь, напротив.

— Хм, кто это у нас тут? Малыш и ужин?

Мало мне было того герцога, к которому я шла. Они что, всегда парой выступают? Мастер иллюзий нарисовался. На мою голову. Я узнала его по голосу, мед и перец, ага.

Сильные руки перехватили поднос, и мужчина склонился над ним, втянув носом воздух.

— Как обычно, этот пижон устроился лучше всех. Ты ведь ему ужин несешь?

— Да, господин. — И что теперь? Отнимать герцогскую еду у этого клоуна? Чего он так вцепился, неужели здесь кормят только одного претендента в женихи, а второй вынужден сам рыскать по коридорам в поисках пропитания?

— Какой милый мальчик... Мне кажется или я тебя уже где-то видел?

Да чтоб тебя! Мало мне было одного такого наблюдательного.

— Конечно, видели, ваша светлость, я ж тут работаю. — Пришлось-таки поднять глаза и оценить, как эта смесь специй выглядит вживую. Ну... смазливый мальчишка. По глазам видно, что на самом деле не дурак и не шут, но с удовольствием играет эту роль. И наверняка он ровесник Раймона, хотя выглядит моложе.

— У господина Жуя я на подхвате, сталбыть. — Поскольку мед и перец так и продолжал держать поднос, я рискнула отпустить один край и быстро вытереть нос рукавом, беззастенчиво копируя жест, подсмотренный у Гуся. И тут же опять вцепилась в деревянный край. — Ваша светлость, я вам тоже ужин принесу, хотите? А этот для его светлости.

— Хм, сделаем наоборот. Его светлости ты принесешь другой поднос и попозже. А сейчас иди за мной. — Он кивнул на приоткрытую дверь. — Ты меня заинтересовал.

Час от часу не легче! Сговорились они, что ли?!

— Прекрати воровать чужой ужин. — Вот уж спасение пришло откуда не ждали. Синяя дверь со звездами тоже открылась, и меня обдало запахом полыни. — Этот мальчишка пришел ко мне.

— Откуда ты знаешь? — прищурился мед и перец. Вот блин, а я так и не знаю, как зовут второго жениха. Хорошо хоть, про первого в курсе. — Возможно, его прислали как раз ко мне.

— Не строй из себя идиота. Ты сам прекрасно слышал, что это для меня.

Герцогу Раймону надоело спорить, он шагнул в коридор и перехватил поднос. Я тут же, не будь дура, отпустила свой край и отскочила к стене. Если эти двое сейчас подерутся за ужин, мне совсем не хочется оказаться между ними.

Однако вопреки ожиданиям драки не случилось. Его пряность, тьфу, светлость второй жених тут же спокойно уступил добычу, словно и не цеплялся за нее вот только что.

— Да пожалуйста. Как я мог забыть, что тебя дома настолько плохо кормили, что ты теперь бросаешься на любую еду как дикий зверь?

Это явно была провокация и попытка надавить на неведомую мне болевую точку. Но она не сработала, поскольку Раймон никак не отреагировал, не изменился в лице, у него даже взгляд не дрогнул. Спокойно кивнул:

— В следующий раз не забывай.

Потом забрал несчастный поднос и развернулся к своей двери. О, это что, я могу свалить под шумок? Раз он сам справился? Отличненько, тогда бочком, бочком и...

До спасительной лестницы оставалось буквально пару шагов прокрасться, когда меня жестоко обломали:

— А ты куда собрался?

Самое смешное и страшное, что два чертовых жениха сказали это хором.

— Дык на кухню, ваши светлости. — Я сдвинулась еще на пару сантиметров в сторону желанной цели. — Дел полно, господин Жуй не велел задерживаться. Или вот... второй светлости... вашей... тоже, небось, ужин принести? — попыталась схитрить, намекнув, что никуда не денусь, вернусь со вторым подносом, раз уж им обоим так приспичило на меня полюбоваться. Что за странный интерес? Ну не могли они меня узнать, иначе уже как-нибудь выдали бы себя.

Конечно, возвращаться сама я не собиралась. Что мне стоит передать господину Жую «приказ» прислать другого мальчишку с ужином для пряного герцога?

Поэтому ползем, ползем к лестнице, осталось совсем немного. А там на бегу можно будет сделать вид, что я тороплюсь исполнить приказ и не расслышала других указаний.

— Стоять! — Они точно репетировали вдвоем. Долго и упорно. Иначе какой такой лысой брюквы все время орут хором?

— Иди сюда. — Ага, это уже полынное соло. — Я тебя не отпускал. Возьми поднос и накрой стол как полагается.

Ну терки-морковки...

— Слушаюсь, ваша светлость. — Даже притворяться почти не пришлось, изображая унылое шмыганье носом. — Иду...

— Что-то ты больно нерадив, малыш, — ехидно прокомментировал мое уныние пряный герцог. — Разве слуги не должны выполнять свои обязанности с рвением и радостью? Особенно такие доверенные, кому дозволено входить в личные покои самого герцога ар'Файера?

— Может, и должны, — пробухтела я, пробираясь мимо него и глядя исключительно в пол. — Только на голодный желудок радоваться получается плохо. Там щас на кухне-то тоже ужинают. Если не потороплюсь, всего и останется тарелки за другими вылизать!

Выдала я это с чистой совестью, не боясь попасться на лжи. Этот интересный нюанс мне сами поварята и рассказали, пока мы местную картошку чистили.

— Ах вот оно что, — разулыбался медовый шут. Я эту улыбку в его голосе услышала ясно. — Тогда не буду вас задерживать, господа.

И ушел к себе, только дверь хлопнула. И чего вылезал, спрашивается?!

— Долго я буду стоять с подносом и держать дверь? — вернул меня на грешную землю голос Раймона.

Глава 10

Поднос он мне так и не отдал, сам занес и поставил на заваленный книгами, бумагами и свитками стол, отодвинув весь этот хлам с угла. Потом герцог уселся в кресло, взял с тумбочки раскрытую книгу и уставился в нее, повелительно махнув на меня рукой.

И что бы оно значило? С ложечки покормить, что ли?

Так, ладно. Он просил стол накрыть по-человечески, вот и займусь, а то не по себе мне просто стоять и ждать, за какой брюквой странному жениху понадобилось мое общество. Опасения быть узнанной никуда не делись, но я уже не верила в то, что вот так запросто провалила всю маскировку. Эти два уха уже схватили бы и потащили жениться наперегонки, а не устраивали бы спектакль неясного назначения.

Так, к делу, светлость полынная то ли зачитался, то ли делает вид, а сам наблюдает. А я буду накрывать стол... м-да.

Ну что делать, руководить рестораном — это не только уметь готовить. Кто бы знал, какой грандиозный срач можно устроить на кухне и близ нее, если выпустить этот вопрос из-под контроля! А подрядчики и их бумажки?! У-у-у-у... Так что наводить порядок, сортировать и для всего находить правильное место мне не привыкать.

Дел-то на пять минут. Все книги в ровные стопки у стены, все свитки вот в эту квадратную корзину из медных прутьев, подозреваю, она для них и предназначена. Смятые бумажки без букв в мусор, сломанные перья туда же, все, что похоже на деловые записи, в одну сторону, все, что смахивает на невнятные черновики, но кто его знает, вдруг важное — в другую. Я вот две пустые коробки в гряде добра нашла, они игодились. В третью коробку, найденную тут же, пошли разные мелкие безделушки и непонятные фиговины, в изобилии рассыпанные по столешнице среди огрызков и клоков пыли. Как он тут вообще умудрялся что-то найти?

Когда есть правильный стимул, работа в руках горит. И смекалка сама собой активируется. В углу комнаты обнаружился медный умывальник системы «огородный с пимпочкой», в нем даже была вода, хватило намочить уже и без того замурзанное полотенце. А горничные тут тоже не особо трудолюбивые. Или герцог их к себе просто не пускает? Не мое дело...

Хорошо, что могучие заросли пыли хоть как-то сберегли полировку на столешнице, полотенце теперь стирать в семи водах, зато все тарелки, соусники, супницу и прочие приборы можно нормально расставить. Уф-ф-ф.

Герцог, похоже, и правда зачитался, делая какие-то пометки прямо в книге, во всяком случае он даже не вздрогнул, когда я подошла ближе. Отвлечь и напомнить о себе или просто сбежать? Эх, не стоит. Он потом очнется сам, обнаружит давно остывший ужин и мое отсутствие, решит, что его приказ нарушили, и устроит мне неприятности.

— Ваша светлость?

Не реагирует. Станный все же мужик.

Подобравшись поближе, я сначала осторожно заглянула в книгу, которую он читал. Хм. Юйриль вроде грамотная была... Почему эти буквы кажутся мне незнакомыми? Другой язык? Возможно.

И тут я заметила, что кресло, в котором расположился Раймон, не совсем обычное. Оно было на колесиках — каждая массивная ножка заканчивалась втулкой, к которой крепился деревянный диск в стальной оковке. Раймон читал, машинально покачивая ногой, и эти колесики от движения ездил по полу туда-сюда с амплитудой в пару сантиметров. А что, если?..

— Вы уж поешьте, ваша светлость, остынет же! — Это оказалось неожиданно легко — сдвинуть всю конструкцию с места подкатить к столу так, чтобы тарелка с похлебкой оказалась у Раймона под самым носом. А книгу у него стоит отобрать. Наверное...

Я не успела пожалеть о своем нахальстве, потому что мою руку с книгой перехватили железные пальцы. Затем последовал рывок, и я неожиданно оказалась очень близко от герцога — хорошо, не на коленях у него, а всего лишь на подлокотнике кресла. Меня крепко держали поперек груди и отпускать явно не собирались.

— Ваша светлость?! — Испуг изображать не пришлось. — Да отдам я вам книгу! Как поедите...

— Нахальный мальчишка, — усмехнулся Раймон, рассматривая меня в упор. — Но шустрый. Что ты сделал с моими записями?

— Ничего не делал, все вон там. Черновики, — мой палец уперся в нужную коробку, — документы,

— в другую, — книги...

— Хм. За то, что трогал бумаги без спроса, тебя следовало бы выпороть как следует. — В его голосе не было угрозы, потому я не особенно напряглась. Скорее, он о чем-то задумался. — Но на первый раз прошу.

— Спасибо, ваша светлость. — Я сделала попытку сползти с подлокотника, но не тут-то было. Уф-ф-ф... — Может, вы уже поужинаете? Я тогда смогу забрать посуду и уйду, чтобы вам не мешать?

— Кто сказал, что ты мне мешаешь? — Раймон взял в руки ложку и задумчиво размешал похлебку. Посмотрел на меня. И велел:

— Открывай рот.

— Чего?!

— Рот открой. Проверю, не отравлен ли суп.

— А-а-а... ладно...

Когда он скормил мне половину глубокой тарелки, я все же засомневалась: что за проверка такая? Для нее достаточно было дать мне пару ложек и подождать, помру ли в судорогах, или обойдется. А он что делает?

— Теперь жаркое, — как ни в чем не бывало заявил сумасшедший и оторвал от подрумяненного каплуна на блюде одну ножку. Сунул ее мне в руку и повелительно кивнул.

Я пожала плечами и впилась в поджаристую курятину. Может, у герцога паранойя? И он не лечится? Да мне какая разница, зато я впервые за день нормально поем.

Сняв пробу с последнего сладкого пирожка, я наконец почувствовала, что еще немного — и просто лопну. От переедания и усталости — все же денек выдался насыщенный и нервный — глаза начали слипаться. Сидеть на подлокотнике герцогского кресла стало вдвойне неудобно, учитывая, что безмятежно доедавший «проверенные» блюда чудик так меня и не отпустил, придерживая рукой за пояс.

— Э... ваша светлость? Можно мне собрать посуду?

— М-м-м? — Такое впечатление, что этот параноик обо мне забыл, даже не убирая ладонь с талии.

— Да, можешь убрать.

— Спасибо, ваша светлость, — обрадовалась я, делая попытку улизнуть. Но нет, длинные сильные пальцы только крепче вцепились в рубаху. — Э-э-э... ваша светлость?

— Чего тебе еще? — Поскольку вторая рука герцога больше не была занята столовыми приборами, он снова взял книгу и уже углубился в чтение. — Забирай свою посуду.

— Ваша светлость! — взмолилась я. — Так вы сначала отпустите! Я же не могу встать!

— Ах да, — усмехнулся Раймон и наконец убрал руку с моего пояса. Причем с таким видом, словно сам не понял, как она там оказалась. Хорошо еще, не начал пальцы о штаны вытирать, мол, фу, какая гадость. — Можешь быть свободен.

— Вот спасибо. — Еще никогда в жизни я так шустро не собирала грязную посуду на поднос и не улепетывала в сторону двери с такой скоростью.

— Утром принесешь мне завтрак через свечу после рассвета, — его слова догнали меня уже у самой двери.

Ну терки-морковки, а!

Глава 11

Разговор, которого никогда не услышит главная героиня:

— Нет, это не он. К Сорелану этот мальчишка не имеет никакого отношения.

— Уверен?

— Более чем. Неграмотных шпионов у них не бывает. А этот даже не понял, что именно было написано в книге. Глянул с любопытством, но не понял.

— Может, притворился? Они хорошие лицедеи.

— Хочешь сказать, он смог бы сыграть абсолютную невозмутимость, прочитав фразу «я знаю твой секрет»? Она крупными буквами была выделена на странице. Специально для него. А он глянул разок, понял, что не может прочесть, и больше в книгу даже не косился.

— Будем считать, это к лучшему. Но присмотреться к нему стоит. Ладно, что дальше? Что там наш соперник? Ты уверен, что Юйриль не у него?

— Наш дорогой соперник места себе не находит. Вот уж кого я прочту без всякой книги. Нет, он не знает, куда исчезла принцесса. Но его тоже интересует поваренок.

— Хм.

— Что, тебе тоже пришла в голову сумасшедшая мысль? Нет. Не считая того, что Юйриль должна знать сореланский и смогла бы прочесть надпись в книге, есть много других фактов.

— Каких, например?

— Принцесса всегда была глупа как пробка, и у нее не хватило бы мозгов на такую маскировку. Так еще и волосы. Ты веришь, что она согласилась бы их обрезать? Свою гордость и признак чистоты крови? Уже не говоря о том, что этим она практически уничтожила бы все свои магические силы, которые отращивала с раннего детства. Волосы режут простолюдины, принцесса бы себе скорее руку или голову дала отрубить. Но даже помимо этого железного доказательства. Куда бы она дела свой вздорный характер? А где принцесса могла научиться чистить картошку и накрывать на стол? Я уже молчу о том, что так быстро и толково прибраться не все опытные слуги сумеют.

— Как все сложно в твоих рассуждениях. Не проще было кое-что пощупать и убедиться?

— Чтобы напугать поваренка насмерть и заработать среди слуг славу извращенца, охочего до маленьких мальчиков? Нет. Я собираюсь и дальше за ним присматривать, и мне не надо, чтобы белобрысый хитрец начал от меня шарахаться и прятаться по углам. Пока он лишь слегка испуган и в основном недоумевает. Это даже забавно. Вот кстати — у него очень живая мимика. Такое не подделаешь. Вообще ничего общего с Юйриль. И глаза другого цвета. Забавный пацан. Смешной.

— Нашел время для игр.

— Что поделать. Есть в этом мальчишке что-то, что не дает мне покоя. Возможно, он не шпион и, конечно, не переодетая принцесса, тем более что лицо даже вблизи не похоже. Но что-то в нем есть... Кстати, насчет пощупать. За совсем неприличные места я его не трогал, а вот поперек тощего тельца один раз схватить успел. Он плоский, как доска. А у Юйриль были весьма заметные... формы. Вспомни ее декольте на балу.

— Да понял я, понял, что это бред. Но куда могла задеваться демонова девка посреди собственного замка, если полог был поднят почти сразу?

— Сразу, как мы обнаружили пропажу. А ее могли вывезти раньше. Но осаду пока снимать не будем. Нельзя исключать ничего. Вдруг эта дура отсиживается в некоем потайном месте, подвластном только королевской крови, и выжидает?

Юль:

Вот напасть. Ладно ужин, без баланды, в которую, кажется, просто свалили остатки всех блюд, что сегодня были на кухне, я обойдусь, у герцога неплохо кормят. Но спать на соломе, в которой,

простите, блох и прочих хитиновых жителей больше, чем самой соломы?! Увольте.

Безобразие какое. Я разочарована в господине Жуе — как он мог допустить подобную антисанитарию на вверенной ему кухне?

Впрочем, я несправедлива к главному повару. Спал младший подсобный персонал в длинном бараке, только одной торцовой стороной примыкавшем к кухонному коридору. То есть, можно считать, на отшибе. Но все равно! Они же с утра встанут с этой соломы и пойдут насекомых в завтрак трусить. Не, тоже белок, не спорю... Безобразие, безобразие!

— Ты куда? — высунулся из-под распущенного по шву мешка Гусь, когда я, скрежеща мысленно зубами и тихо ругаясь вслух, полезла через маленькое окошко на улицу.

— Щас вернусь, — дрыгнула я ногой, сбрасывая со щиколотки чужие пальцы. — Не ори... Да отпусти ты!

— Нельзя ночью на улицу!

— Я недалеко. До забора и обратно. Не шуми, главное.

— Псих!

— Зато непокусанный, — проворчала я, приняхиваясь к ночному ветерку. Ага, не показалось. Этот участок между бараком слуг и конюшней явно не пользовался популярностью у населения замка и потому сплошь зарос могучим бурьяном. Среди которого покачивала резными пальцами полынь.

— Ты что делаешь?! — снова зашипело, причем на несколько голосов, когда я принялась проталкивать в темноту пучки травы. — Тьфу, что за гадость?

— Сами вы гадость. — Я решила, что на первое время хватит, и ввинтилась в темную щель узкого, как бойница, окна. — А ну, лапы прочь, это моя постель.

— То есть твой тюфяк тебе не нужен? — первым сообразил свою выгоду на этот раз не Гусь, а рыжий Цанти. — Тогда забираю!

— Да пожалуйста, — фыркнула я, вспомнив копошение насекомых в прорехах редкой мешковины, набитой соломой. — Лучше на голом полу спать, чем так завшиветь.

Полыни я надрала от души, поэтому, быстренько сметя маленьким пучком остатки трухи с каменного пола, расстелила свежую и одуряюще пахнущую копну вполне приемлемым слоем. Не отель «Риц», конечно, и даже не надувной матрац в общежитии при кулинарном техникуме, но мне сейчас и так сойдет. Эх, жаль, одеяло из комнаты Юйриль стащить не получилось... Того огрызка обивочной ткани, что остался у меня после того, как я смастерила себе одежду, едва хватило ноги прикрыть. Ладно, я что-нибудь еще придумаю, вон парни по три-четыре распоротых мешка себе заимели, и я найду. Только постираю, прежде чем укрываться.

Спалось на полыни очень даже сладко. Вполне возможно, просто потому, что тело мне досталось молодое-здоровое, и умотала я его за день прилично, вот оно и отрубилось, как только приняло горизонтальное положение.

И ни одна насекомая падла меня не цапнула! Это победа.

В предрассветных сумерках тихо скрипнул засов на двери, створка приоткрылась, и в сонное царство проник тусклый луч магического светильника. Шаги пришельца были почти не слышны, его фигура скользила между разметававшимися на соломе мальчишескими телами, чутко прислушиваясь к сонному бормотанию и храпу. Уставшие за день подростки спали беспокойно, почесывались и шелестели соломой, ежась от предутреннего холода. Но ни один не проснулся, чтобы заметить неожиданное вторжение.

Таинственная фигура в плаще прошла вдоль центрального прохода, всматриваясь в спящих, и остановилась над одним из них.

— Хм... как интересно. К тебе стоит присмотреться, мальчик. Стоит присмотреться.

Но дольше рассматривать спящего на копне остро пахнувшей полыни никто не стал, необычный посетитель исчез так же тихо и быстро, как появился. Даже открытая второй раз дверь не заскрипела.

Глава 12

— Я тебе нож поточу, а ты мне что? — Альтруизм сдох еще до завтрака, когда выяснилось, что, пока я умывалась в конной поилке на задворках конюшни, где меня никто не мог увидеть, ушлые мальцы-поварята поделили между собой тот черпак каши и черствую булку, что предназначались мне. В целом — логично. Кто я им? Но неприемлемо, и вообще, раз уж я тут на какое-то время задержусь, с привычками мелкого шакаля нужно что-то делать.

— Ну-у... давай я вместо тебя завтрак его светлости отнесу? — хитро прищурился один из тех пострелят, с кем я еще не успела познакомиться.

— Нашел дурака. — Я пихнула ему обратно то недоразумение, которое он называл ножом. Конечно, мельничный жернов — не моя собственность. Но точить тоже надо уметь, а если лезвие такое паршивое, как у невезучего пацана, вообще придется постараться. Он уже попробовал сам, и результат ему не понравился.

— Ну...

— Скажешь мне, где вы берете пустые мешки, — велела я, отбирая обратно полоску металла на кое-как приделанной ручке, — и в расчете.

— Дык это! — подозрительно обрадовался пацан. — Вона! Едучий охлук в них! Кто почистит-порежет весь мешок, тот дерюгу и забирает.

И заулыбался, довольный такой. Не, не соврал, но, судя по бросаемым на меня и на мешки с луком взгляды, задачка тут считается не из простых. Лука в мешке много, а как сильно он пахнет и сколько слез проливает невезучий шинковщик — я вчера сама видела и осязала.

Пф-ф-ф, напугали печку караваем. Лук тоже уметь надо чистить, вот и все. Займемся...

— Эй, как там тебя? Юль? А ну, живо! Его светлость ждать не любит! Завтрак!

Ну иду, иду. Глупо, конечно, рассчитывать, что герцог снова меня покормит. Это, знаете ли, слишком хорошо было бы. И явно не просто так, уже и не знаю, хочу ли я есть настолько, или ну его.

— Опять завтрак на подносе для одного? — встретил меня в коридоре недовольный голос.

— Ваша светлость, так вы распоряжения не давали. — Я попробовала просквозить мимо медового герцога к своей цели. Не тут-то было. Это уже начинает раздражать, ибо какого хрена огородного? Свет им клином сошелся на каком-то поваренке?

— Ты вчера еще обещал принести мне ужин после того, как накроешь стол для герцога ар'Файера, — напомнил пристава. — И что же? Ужина я так и не дождался.

— А меня его светлость не отпустил. — От безнадежности и непонимания я решила сыграть в нахальство. Потому резко присела вместе с подносом и на полусогнутых проскочила под рукой загородившего проход мужчины. — У него ответа и спрашивайте! Доброе утро, ваша светлость!

И нырнула в приоткрытую синюю дверь. Очень вовремя Раймон высунулся, а то без стука я бы не рискнула влезать, все же нахальство средневековых слуг должно иметь границы.

Дальше все пошло по накатанной, тем более что сильно насвинячить со вчерашнего вечера Раймон не успел, быстренько протереть стол и сложить раскиданные книги стопочкой — дело трех секунд. Правда, угощать меня завтраком никто в этот раз не торопился, зато и руками щупать не лез. Равноценный обмен, я считаю. А, нет... ошиблась.

За талию меня все же схватили. Но, слава всем турнепсам, только для того, чтобы переставить в сторонку. Я мешала его светлости пройти к столу.

— Я тебя не отпускал, — пресек Раймон мою попытку прокрасться к двери и тихо слинять.

— Да, ваша светлость...

— Налей мне чаю.

Я, пользуясь тем, что герцог снова уткнулся в книгу, закатила глаза и пошла обратно к столу. Теперь я должна буду его с ложечки покормить?

Крепкий янтарно-зеленый напиток с запахом мяты мало чем напоминал мне привычный чай, но выглядел аппетитно. А чесночные булочки на подносе, с которого я сняла блестящую медную

крышку, пахли и вовсе одуряюще.

Стоп. Чесночные булочки на завтрак? К чаю? Это у него вкусы такие странные или здешний обычай? Но я не помню, чтобы от герцога вчера чем-то таким пахло. И вообще, чесноком несет так, что с ног сбивает. А под этим запахом мой опытный нос улавливает что-то... что-то...

— Нет! — Резкий удар по руке выбил булочку из пальцев мужчины, и она отлетела куда-то под стол. — Нельзя это есть!

Да терки-морковки, что я творю?!

— Что ты творишь? — вроде бы спокойно озвучил мои собственные мысли герцог Раймон. У меня холодный пот потек вдоль позвоночника от этой его интонации.

— Простите, ваша светлость... — Пришлось приложить нешуточное усилие, чтобы не втянуть голову в плечи и не закрыться руками. — Я всего лишь уличный мальчишка, сын трактирщика, которого в прислугу взяли, да только...

— Договаривай, — прозвучало все так же холодно, но чуть менее страшно.

— Может, ваша светлость, у аристократов и принято есть чеснок на завтрак, откуда мне знать, дурню. Да только... — Я набрала полную грудь воздуха, взяла еще одну булочку с подноса, понюхала сама и протянула мужчине.

— Это специальный хлеб, пропитанный соусом для блюда из говяжьего языка, — поморщился герцог, глядя на меня со смесью недоумения и отвращения. — Кто тебя учил так себя вести, мелкий невежа? Я поспешил, позволив тебе...

— Про говяжий язык ничего не знаю, — зло буркнула я. — Да только даже полный этот... аристократ не будет класть в чеснок горький миндаль!

Ух, как он весь подобрался! Лицо стало хищным и сосредоточенным, а от ледящего гнева, краешком которого мне уже прилетело, и вовсе захотелось спрятаться под стол. Но теперь злились, кажется, не на меня. И булочку он понюхал тщательно и осторожно. Ага, за чесноком, еще и таким ядреным, запах отравы почти потерялся, да только если знать, что искать, то учуять вполне реально.

— Кто дал тебе эти булочки для меня? — Голос все равно ледяной, ну прямо «злой следователь».

— Никто, поднос стоял на столе, я сам его взял. Синий, видите? На таких только вам подают. Я нож точил, а кто-то из старших окликнул и велел поторопиться уже, потому что свеча после рассвета и пора нести вам завтрак.

— Кто окликнул? — продолжал допрос Раймон.

— Да я не обратил внимания. На кухне вечно толпа народу. Спросите господина Жуя, — бессовестно сдала я начальство.

— Ладно... — Полюснул герцог, от которого с утра, кстати, меньше пахло этой полезной травкой, взял себя пальцами за подбородок и снова вперился в меня пронизывающий взгляд.

— А может быть, это ты все затеял? Отравил еду и предостерег меня, «спас», чтобы втереться в доверие?

Глава 13

— Ага, и напечь чесночных булок на завтрак тоже я велел. — Вот честно, стало немного обидно. А с другой стороны — глупости, с чего бы? Вполне логично на его месте так рассуждать. — Да в чем проблема, ваша светлость? Не подпускайте меня больше к себе, не зовите, да и все. Мне и на кухне работы хватит.

— Ладно, не обижайся, — хмыкнул Раймон и потянулся, чтобы похлопать меня по плечу. Не достал, потому что я отступила на полшага.

— Кто я такой, чтобы обижаться на вашу светлость?

— Вот и не обижайся. — Попыток дотянуться до меня руками больше не предпринималось, и мне слегка выдохнулось. — Я еще не выяснил, с чего вдруг тебе так захотелось меня спасти, раз ты пошел на такую немыслимую дерзость. Ты так полюбил меня за один вечер? Это за то, что я тебя накормил?

Я удивленно закашлялась.

— Ваша светлость. Если б вы померли, кого бы обвинили в вашей смерти-то? А? Оно мне надо, в пыточную ни за что ни про что, а потом и вовсе на плаху?

— Ах вот как. А я было подумал, что ты умеешь быть на редкость благодарным. Почти как благородный.

— Это мне без надобности, ваша светлость. — Я сердито потерла нос и все же не выдержала, чихнула. Запах чеснока в комнате стоял такой, что даже полынй забивал. — Я сын трактирщика, а не дворянина, и мое место меня устраивает. Еще немного подрасту — и совсем хорошо будет.

— Станешь взрослым слугой в замке? Это вершина твоих мечтаний?

— Посмотрим, — уклончиво ответила я. Не рассказывать же ему, что я вообще собираюсь смотаться отсюда при первой же возможности. А там... и правда посмотрим.

— Ладно. — Раймон вдруг сделал какой-то замысловатый жест, и поднос на столе словно накрыло стеклянным колпаком. Заклинание? Похоже. — Сиди тут. Я позову стражу и скажу им, что благодаря твоей бдительности удалось избежать покушения. О награде поговорим позже, и...

— Э, не надо! — всерьез перепугалась я и стала пятиться к двери. — Вот не дело вы придумали, ваша светлость. Не надо мне никакой награды, и про спасение не надо! Скажете, что сами запах заметили, да и все, а я пойду лучше.

— Почему? — Меня снова пронзили взглядом, как куропатку вертелом.

— Оно мне надо, чтобы тот злодей, что вас травануть хотел, на мне отыгрался?! — возмутилась я, причем совершенно искренне. — Я не герцог! Меня никакая стража на кухне сторожить не станет!

— Я прикажу, чтобы тебе отвели отдельную комнату и охраняли, поэтому...

— Ваша светлость! — уже в голос взывала я, с ужасом поняв, что еще немного — и я попаду в ту же клетку, из которой вроде как успешно сбежала на кухню. Отдельную комнату он мне предлагает, с охраной, надо же, счастье какое! — Вы хотите, чтобы меня точно убили? Если так приспичило... в смысле, простите, если вам так хочется меня наградить, денег дайте, и разойдемся каждый по своим делам! А охраняемую комнату себе оставьте, будьте добреньки!

— Денег? — Отчего-то это предложение изрядно развеселило герцога, у него даже зверское выражение с лица почти пропало, а полынный запах вернулся, или, точнее, усилился, прогоняя противную чесночную вонь. — А ты, оказывается, меркантильный парень.

— Пф! А кто не меркантильный? — Я пожала плечами. — Деньги всем нужны. Хотя не знаю, может, герцогам без надобности. А мне точно пригодятся.

— И сколько денег ты хочешь? — Раймон прищурился, с интересом разглядывая меня как какое-то забавное насекомое.

— А сколько стоит трактир? — вырвалось само, прежде чем я успела поймать себя за язык.

— Ого! — откровенно засмеялся Раймон. — Дороговато ты ценишь свои услуги, тебе не кажется?

— А что, ваша жизнь стоит дешевле трактира? — в свою очередь ехидно поинтересовалась я. И это даже не выпадало из образа неотесанного уличного мальчишки, чье детство прошло между столами

и за стойкой средней руки забегаловки.

— Логика в твоих словах есть. Но я не знаю, сколько стоит трактир. Никогда не интересовался. — Герцог снова взял себя двумя пальцами за подбородок в жесте задумчивости. Я смотрю, у него эта привычка уже в крови. — Но вряд ли дороже десяти золотых. Ладно. Будем считать, ты заслужил. Но! С учетом тех услуг, что ты мне еще окажешь в будущем, понял?

— Каких услуг? — сразу насторожилась я. — Это... давайте лучше половину, но чтобы без долгов. Мало ли чего потребуете, в будущем-то...

— Ты мне еще условия ставить собираешься? — Кажется, мое нахальство Раймона откровенно веселило. — Я сказал десять, значит, десять. И верная служба. Лови!

Это он, пока говорил, сходил к столу и вынул из ящика кожаный кошелек, заглянул в него, кивнул сам себе и точным броском отправил богатство прямиком мне в лоб.

Ну, положим, реакция у меня профессиональная, поварская. Кошель я поймала. И тоже заглянула внутрь, оценив тусклый блеск мелких золотых монеток — каждая примерно с пятьдесят копеек величиной.

Взвесив «гонорар» в руке, я вдруг почувствовала еще более насмешливый взгляд Раймона и моментально поняла, о чем он думает. Секунда на размышления, а потом точным броском отправила кошель обратно ему в руки.

— Спасибо, ваша светлость. Я его пока у вас тут оставлю на хранение, можно?

— Ну ты нахал...

— Дык! Я не виноват, что вы тут единственный, кто точно не сопрет мое золото. Ой, в смысле, не украдет.

— Иди на кухню, — отсмеявшись, велел герцог, и его лицо снова стало холодным и серьезным. — Молчи о том, что случилось. Никому ни слова, ни полслова, понял?

— Я вроде сам так хотел... Ладно-ладно, слушаюсь, ваша светлость!

— Смотри по сторонам внимательно, вдруг заметишь что-то странное. Если это случится — не вздумай лезть подслушивать или сразу бежать ко мне докладывать, понял?

— Да вроде не дурак.

— Посмотрим. Брысь отсюда.

М-да... Не-не-не, ни в какое расследование я не полезу, кто у нас целый герцог, тот пусть со своими делами сам и разбирается. Но смотреть и слушать буду, да. Ради собственной безопасности.

— Принесешь обед через три свечи после полудня.

— Опять я?!

— Ты еще здесь? Исчез!

— Да исчез я, исчез...

Не, вы видели? Что ж ему так свет клином сошелся на моей особе?

Возвращение на кухню прошло незамеченным, хотя я сама внимательно присматривалась к окружающим. Кто-то ведь начал те самые булочки цианидом поверх рецепта. Интересно, так совпало, что на завтрак подали блюдо из говяжьего языка, и злодей просто воспользовался случаем или это с самого начала спланированная акция? Разница-то есть, просто мимо крокодила из слуг сыпанул порошка в булку, или кто-то более влиятельный плетет паутину.

Интересно, подумает об этом Раймон? По идее...

Так, не-не-не. Юль Юрьна, тебе делать больше нечего? Не о том думаешь вообще. Сам пусть разбирается, а ты у нас кто? Повар. Не детектив ни разу.

— Эй ты! — В спину прилетело чем-то твердым и круглым. — А ну, иди сюда!

Глава 14

— Птичка напела, что ты рвался все мешки лука перечистить в одиночку? — Передо мной стоял светловолосый парень, выглядевший всего на пару лет старше, но с таким заносчиво-уверенным смазливим лицом и довольно раскованными движениями, что стало сразу понятно: это уже не поваренок. Или только перед младшими так выпендривается? Иерархия на большой кухне в принципе дело нормальное. Но вряд ли тот, кто умен, станет громко выступать перед младшими там, где ему в любой момент может прилететь подзатыльник от старших.

Значит, либо дурак, либо почему-то не боится подзатыльника от господина Жуя и его ближайших помощников. Почему? Ладно, позже разберусь.

— Ну? Чего молчишь, как в рот воды набрал?

— А что говорить? — Я пожала плечами, незаметно осматриваясь. Угу, внимание мы привлекли немалое. — Надо будет — почищу. Работа как работа. А на спор я никого не звал.

— Да ты много о себе думаешь, как я вижу, — насмешливо протянул персонаж. Вот странно, чего он вообще ко мне прицепился? — Не люблю хвастунов.

— А я при чем? — Тут уж либо сразу лечь тряпочкой под чужие ноги, либо ставить себя. Проходили.

— Да ты!

— Я спросил, где парни мешковину берут, чтоб ночью укрыться и не околеть. И если их из-под лука можно взять — так почищу и порежу, в чем проблема?

— Вот прямо весь мешок в одиночку? Или вообще весь лук, что сегодня к блюдам понадобится? — продолжал издеваться парень.

— Да пожалуйста. — Я пожала плечами, глянув в ответ чуть насмешливо. — Другой вопрос, что ты потом с этой горой нарезанного лука будешь делать?

И покосилась туда, где обычно орудовал за персональным столом господин Жуй. Ага-а-а... а вот главного-то на кухне и нету. Остановить этот дурдом некому. И меня то ли проучить хотят за то, что излишне высунулась, то ли подставить перед начальством.

— А вот это не твое дело, мелкий. Ставлю заклад на то, что ты просто болтун!

— Ну давай поспорим, — согласилась я, начиная подозревать, что это пари и есть цель блондина, — что я один почищу и порежу столько лука, сколько сегодня надо для готовки. Но ты тогда при всех побьешься, что, если почищу больше, ты сам потом придумаешь, в какое блюдо его запихнуть. А не придумаешь — из своего кармана новый купишь, чтоб дворцовый запас не пострадал!

— Да ты полмешка не осилишь, хвастун! — засмеялся красавчик, уперев руки в боки. — А врешь, что заменишь десяток поварят.

— Ну тем более — чего тебе бояться? Забьемся по-честному? — Я краем глаза заметила все-таки появившегося на пороге главповара. Господин Жуй застыл там и явно наблюдал за развитием событий не без любопытства.

— Если проиграешь... если не справишься с сегодняшней нормой, причем вовремя, — на год становишься моим рабом! И шагу не сделаешь без моего приказа, станешь выполнять всю работу, что я скажу.

Ах вот оно что. Хм... кажется, я еще вчера заметила, что у некоторых парней постарше есть помощники из мелкотни, которые крутятся исключительно около этих персонажей, и вид у них более забитый и голодный, чем у остальных.

— Идет. Но в обратную сторону договор тоже работает. — Я прищурилась, окидывая противника взглядом профессионального повара, словно прицениваясь, какую часть пустить на филе, а из чего только бульон и получится.

— Ха! Ну мечтай. Все слышали условия? — Самоуверенный болван плюнул на раскрытую ладонь и протянул ее мне. Я подумала пару секунд и повторила маневр, хлопнув своей обслюнявленной со всего размаху. Фу, негигиенично как. Зато вроде как приравнивается к письменному договору.

— Ну и где тот мешок, что надо почистить-порежать?

По гадкой улыбке блондина я уже в принципе догадалась, что будет дальше. Явно сегодня планировали какие-то блюда, где этого самого лука надо не просто много, а очень много. И угадала.

Спорщик театральным жестом указал в сторону ниши, потом потащил меня туда за руку и отдернул занавеску, предъявив пять плотно набитых мешков, каждый килограммов по двадцать минимум.

— Сегодня к обеду запланирован бык под сливочным соусом, и все это надо почистить до полудня!

— злорадно заявил он. — Вот и посмотрим, как ты справишься. Учти только: если не успеешь — отправишься на конюшню за розгами. Так что подумай — может, лучше сразу признать поражение?

Угу, явно на это и расчет. Потому как всерьез запортачить меню — самому блондину не поздоровится. Впрочем, наверняка он рассчитывает за час-полтора до срока подключиться и «спасти» положение, а меня с гарантией закабалить.

— Пф. Как резать? — Я вернулась к одному из разделочных столов и бесцеремонно ухватила с него здоровенный тесак из неплохой стали.

— Что? — Блондин явно удивился.

— Как резать? Соломкой, перьями, кубиками? Или вообще полукольцами? Крупно, мелко?

Не дождавшись ответа, я обернулась к господину Жую, тот как раз подошел ближе и невозмутимо наблюдал. Интересно, почему он позволяет эти игры в дедовщину? Или ему все равно, что не делает чести хорошему руководителю, или... есть другая причина. Надо будет присмотреться.

— Что, правда справишься один? — Одним взмахом руки главный повар закрыл рот блондину и прищурился на меня.

— Справлюсь, — без тени сомнения кивнула я. — Так как резать-то?

А дальше было то, что в моем мире принято называть кулинарным шоу. Полно разных передач, а еще больше роликов на ютубе, где разные повара устраивают представления и мастер-классы. Особенно популярны видео из Индии и Китая, где повар, двадцать лет проработавший возле уличного мангала на резке овощей, реально может показать фокус космического масштаба. Неважно, что он часто ничего другого, кроме как с бешеной скоростью кромсать все, что под руку попадет, не умеет. Зато режет так, что впору рот открыть и любоваться.

Я в свое время стажировалась и на лучших кухнях, и вот в таких палатках на улице. Не чуралась брать уроки у базарных лапшичников и продавцов другой дешевой еды навывнос.

А поэтому... не отказала себе в удовольствии устроить сегодня на кухне настоящий мастер-класс по резке лука.

Зрители, правда, старательно держались поодаль и зажимали носы, а я не обращала на запах и текущие слезы внимания. Тут ведь в чем секрет — перетерпеть первые пятнадцать-двадцать минут. А потом у того, кто ближе всего к источнику запаха, слизистая просто перестает реагировать. И в результате рыдать будут все, кроме резчика.

Никаких особых изысков для луково-сливочного соуса не требовалось, просто нашинковать овощ мелкими кубиками. Нож я схватила подходящий и поэтому отрывалась вовсю: буквально как по волшебству в одну сторону летела луковая шелуха, попки и хвостики, падая аккуратно в предназначенный для них мешок, а в другую почти непрерывно сыпались мелко нашинкованные желтовато-белые кубики.

— Ох и ни демона ж себе... — сказал господин Жуй, понаблюдав за этим цирком минут десять. — Этот мальчишка и правда знает, с какой стороны братья за нож!

Более приятной похвалы я, кажется, еще не получала в обоих мирах.

Лучше были только квадратные глаза блондина, которыми он смотрел на мое представление. И чем дальше, тем квадратнее и мрачнее они становились. А какие натуральные слезы текли из этих глаз!

Дорогие читатели, моя муза трепетно ждет лайков;) Они у нее вместо печенек))))

В синенькую кнопочку, а?))))

Глава 15

— А не слишком много ты хочешь?! — прошипел парень мне в лицо побелевшими от злости губами.

Я пожала плечами и заправила волосы под белый колпак. Этот символ статуса вручил мне лично господин Жуй после того, как пять мешков лука превратились в сливочный соус для говядины, а вся кухня обрыдалась от интенсивного лукового запаха. Самое смешное, что в эпицентре фитонцидового ада, где я находилась, через пятнадцать минут стало можно дышать и не рыдать, а вот там, где вредных веществ в воздухе летало меньше, носы и глаза не успели впасть в шоковое состояние и продолжали лить слезы-сопли в полном объеме.

— Я? Не-а, не слишком. Всего лишь чтобы ты держал данное слово.

— Ты!

— Я. Как тебя зовут? А то мне теперь целый год с тобой возиться, а ты даже имени своего не назвал.

— Я тебя сейчас просто прибью, ушлепок, и никакой год не понадобится.

— Лиу! — рявкнул вдруг у него над головой чей-то голос. Ну как чей, господин главный повар отвлекся от бычьей туши и снова обратил внимание на поварят. — На этой кухне договор принято соблюдать! Подставился — плати. В другой раз не будешь таким самоуверенным. Я позволяю старшим помощникам играть в покровительство для уличных мальчишек потому, что вы их не только гоняете зазря, но еще и учите чему-то. Все мне забот меньше. И заодно из ваших игр сразу видно, кто чего стоит. С твоим дурным норовом ты рано или поздно все равно бы нарвался, хвали богов, что тебе еще повезло. Потому как не зря проиграл, есть чему у него поучиться!

— Да, дядя, — крайне уныло согласился блондин с красивым именем Лиу. Племянничек начальства, вот это мне «повезло».

— Кланяйся, как положено, и проси покровительства. Придумали себе ритуал, прямо как благородные? Наслаждались в роли господина? Отведай другой стороны, полезно будет, — отрезал господин Жуй и отошел на пару шагов, но смотреть в нашу сторону не перестал. И добавил совсем громко, чтобы присутствующие с гарантией услышали:

— На этой кухне принято соблюдать данное слово и честно платить по счетам! Всем понятно?! Думайте три раза, прежде чем биться об заклад на всякие глупости. Беспорядка я не допущу!

В наступившей тишине красно-белый — пятнами — Лиу прожег меня ненавидящим взглядом, несколько раз вдохнул-выдохнул, а потом встал на колени и поклонился чуть ли не в пол:

— Милостивый господин Юль... — Такое впечатление, что бедолага этими словами давился, но упорно выталкивал их наружу. Правда, старался говорить не слишком громко. — Прошу... возьмите за меня ответственность. Я низайше прошу учить меня... хорошо работать и почитать старших... и наказывать, если заслужу...

— Кхм! — Больше всего мне хотелось... не знаю, чего мне хотелось. То ли поржать от абсурдности происходящего, то ли сбежать на фиг из этого средневековья, то ли... э, а это еще зачем?!

За спиной нежданно-негаданно свалившегося мне на голову начальственного племянника торопливо пристраивались на колени еще четверо парней, и среди них рыжий Цанти.

— А мне что-нибудь говорить надо? — Я наклонилась к отшатнувшемуся от неожиданности парню (кажется, он думал, что я ему врежу), едва успела схватить его за воротник и вопросительно заглянула в глаза. — Эй! Ваш же ритуал... чего дальше делать-то? Подсказывай, блин, теперь, раз втянул нас!

Лиу вытаращился на меня так, словно у меня из ушей начал расти тот самый лук, зелеными перьями в разные стороны. Потом судорожно сглотнул и прошептал:

— Скажи... скажи, что принимаешь под покровительство и согласен наставлять и нака... наказывать.

— Вот мне делать больше нечего, — пробухтела я тихонько, только он меня и услышал. А вслух повторила положенные слова и снова вопросительно подняла бровь, мол, ну и? Дальше что?

— Спасибо, наставник! — чуть прибодрившимся голосом и погромче так выдал Лиу и еще раз поклонился в пол. Парни за его спиной повторили слова и жест как болванчики. Это уже пугает, терки-морковки.

— Вставай, хватит тут поклоны бить, — снова шепнула я парню и... подала ему руку, помогая подняться.

Больше ошалеть, кажется, было уже нельзя, но он сумел. За руку сначала схватился машинально и только потом нарисовал на своем лице сову, которой показали светофор.

— А...

— Бэ. Эти вот — чего за тобой повторяют? — Я невежливо ткнула пальцем в группу «синхронного кланянья». Не то чтобы я не догадалась... но была надежда: вдруг пронесет?

Лиу поморгал совой, оглянулся и вроде бы немного пришел в себя. Даже хмыкнул. И пояснил:

— Это мои рабы... в смысле, они под моим покровительством. А я под твоим. Значит, теперь они принадлежат и тебе тоже.

— Да етицкая ваша морковка! — искренне ужаснулась я. — Издеваешься?!

— Почему? — не понял Лиу и посмотрел на меня с откровенным недоумением, даже где-то с обидой, что ли. — Я, между прочим, выбирал, кого взять. И они самые лучшие.

— Самые лучшие дурни, которые повелись на детскую подначку с закладом, — вздохнула я. — Дурак ты, Лиу, хотя, может, и умный, этого я еще не знаю. Мне и одного-то много, а теперь вас целая толпа. Это же ужас.

— Да почему ужас-то? Наоборот!

— Наоборот работает только у дураков. — Я поморщилась. Вот оно мне надо, прописные истины управленца каким-то средневековым олухам разъяснять? А куда деваться? — У того, кто поумнее, понималка есть: подопечными не только командовать надо, чтобы свалить на них грязную работу или неприятные обязанности. За них еще и отвечать придется. Следить, учить и защищать. Мне, по-вашему, заняться больше нечем было?

— Защитник нашелся, — фыркнул носом Лиу, обзрев меня сверху вниз. Ну да, белобрысый племянник главного повара уже вымахал на голову выше меня, а учитывая, что я, по сути, все еще хрупкая принцесса, в будущем разрыв только увеличится. Но если кто-то думает, что рост влияет на возможность командовать, он сильно ошибается.

— Не я нашелся, ты сам искал и нарочно выпрашивал. И кажется, не напрасно.

Нет, я таких неприятностей все же не ждала, не хотела, и вообще. Мой внезапный выигрыш явно перебаламутил местную устоявшуюся иерархию, и теперь она грозила выплеснуться на меня перебродившими помоями, в которые неосмотрительно сунули палку и помешали там.

— Ха-ха, посмотрите только! — Очень похожий на Лиу парень, только с чуть более темными волосами и серыми, а не зелеными глазами, подошел к нам вовсе не с добрыми намерениями. — Сладкий пончик-братец угодил в рабы к...

Его вполне отработанную подсечку со спины я заметила в последний момент. Еще секунда — и Лиу полетел бы не просто на пол, а головой мне под ноги. Ах ты ж!

Не, я не мастер боевых искусств. И вообще не драчунья. Но реакция у меня хорошая, и дернуть неожиданного подопечного в сторону я успела. А вот потом...

Глава 16

— Завидуй молча. — Я открыто ухмыльнулась, глядя прямо в глаза новому персонажу. — Если твой друг оказался умнее тебя, что поделать.

— Что? Завидую? — расхохотался парень.

— Это вообще кто? — Я чуть повернула голову в сторону своих новых «миньонов».

— Мой брат Силье, — очень мрачно ответил Лиу. — И он...

— Не может смириться с тем, что ты его опять обошел на повороте? Сочувствую. Ладно, хватит стоять, господин Жуй уже косится, и правильно делает. Пошли работать.

Господин Жуй не косился, он стоял посреди кухни, сложив руки на груди, и смотрел пристально, с прищуром. Именно поэтому Силье, или как его там, пару раз глотнул воздух раскрытым ртом и временно отступил.

Я развернулась, проследила, чтобы Лиу и четверо его подопечных повторили маневр, и потопала к скамейке возле мешков с местной картошкой. Ее всегда чистить — не перечистить; если заняться нечем, сажай скоблить — не прогадаешь.

— У-у-у... — разочарованно протянул кто-то за спиной, но я не обратила на это внимания.

— Смотрим сюда, показываю, как держать нож, чтобы шкурка снималась тонкой ленточкой. Все наточили или есть еще инвалиды?

Ребята оживились, и с полчаса ничто не нарушало нашу кулинарную идиллию. А потом всю дорогу задумчивый Лиу слышал смехи из угла, где окопался его братец, и снова заметно сник.

Я на него оглянулась, шевельнула бровью и как бы невзначай уронила:

— Тебе решать, кто ты. Самоуверенный дурак, который подставился, или дальновидный хитрец, который раньше всех понял свою выгоду.

Лиу замер, глядя на меня и даже не моргая. На меня, на стол, где я устраивала луковое шоу, на нож в своей руке, правильно наточенный и легко скользящий по картофельному боку... А потом вдруг улыбнулся. Понравилась мне его улыбка — хитрая такая и предвкушающая. Она говорила о двух весьма важных вещах: во-первых, он понял мою мысль, значит, точно не дурак. Во-вторых, дальше ему подсказок не нужно, теперь весь его накопленный за годы на кухне авторитет будет работать на меня. Ведь если он не олух с сомнением, а продуманный политик, который воспользовался случаем и заполучил ценного наставника, значит, он таки чего-то стоит!

— Если подумать, ты ведь ничего не терял в этом пари, — подмигнула ему, развивая свою и его мысль. — И проверил, и получил что хотел. Если бы я проиграл, был бы у тебя еще один раб, а раз я выиграл... значит, ты не зря подставился. И все это видели.

Глаза Лиу расширились, и он заухмылялся совсем уж пакостно. Чтобы не перестарался, пришлось дернуть за ухо и посоветовать убавить свечение, а то уже перебор. И нож держать аккуратнее, пока от радости без пальцев не остался.

Сидя на скамейке, я незаметно окинула свое новое «войско» взглядом и вздохнула. Не высываться, да? Очень хорошо получается, просто замечательно. А что делать? Если я не могу удрать из замка сейчас и в ближайшем будущем, значит, надо как-то организовать себе сносное существование. Притворяться криворуким сачком у меня все равно не вышло бы, значит, легенда про сына трактирщика должна быть подкреплена правильными действиями. Пока я нигде за их рамки не вышла, а мальчишки... незапланированный приход.

На самом деле мне этот геморрой не нужен. Особенно если я рано или поздно сбегу отсюда. С другой стороны — неизвестно, когда это будет. Что мне стоит научить парней чему-то полезному?

— Эй ты! — окликнули меня вдруг. Я отвлеклась от своих подопечных и мыслей о них, повернулась на зов и досадливо цыкнула зубом.

Полдень, три свечи, синий поднос. Опя-а-ать! Ну ладно, буду считать, что иду проводить свой будущий трактир. Деньги-то на него у светлости в ящике. Интересно, что он там выяснил про отравление? Вряд ли расскажет. А я не буду спрашивать — еще чего. У меня своих дел по горло, вон, пока с луком колдовала и миньонов зарабатывала, даже успела забыть о полынном герцоге и его проблемах.

— Стоять! — одернул меня господин Жуй, когда я уже подхватила со стола синий поднос. — Насчет

тебя отдельное распоряжение.

По спине побежали мурашки — сверху вниз, от затылка к копчику. Да терки-морковки, что опять?

— Не знаю, чем ты их светлостям приглянулся, только герцог Ривердан тоже требует, чтобы обед ему доставил именно ты.

— И что мне, разорваться? — тихонько пробурчала себе под нос, ибо вслух возмущаться было чревато. — Где я буду этого Риверанс... Ривердана искать?

— Дурака-то не валяй! Покои их светлостей дверь в дверь, так что хватай два подноса и пошел. За раз справишься. Трактирный как-никак, дело-то знакомое.

Ах, это мед с перцем мне так удружил! Ну спасибо ему, чтоб он к стулу прилип своей же сладкой задницей... Чтоб ему самому когда-нибудь по лестнице бегать, держа в каждой руке по тяжеленному подносу. Да-да, это я тоже умею, на практике в ресторане и за официантов приходилось поработать. Как иначе ими командовать, если в суть профессии не вникнешь? Но это не значит, что я в восторге. И мускулов у моей принцессы негусто, кстати, и координация... ну, с этим, видимо, танцы и верховая езда подсобили. Но все равно тяжело.

На мое счастье, эти два «жениха» не высовывались из своих покоев. Мне не пришлось между ними с подносами вытанцовывать. Я, еще пока по лестнице карабкалась, придумала, как поступить. Не идеально, но...

Отдышавшись в коридоре и прикинув время — расстояние — свою скорость, я проплыла с подносами в руках и постучала в одну дверь локтем, а в другую пяткой. А упс, больше нечем. У меня всего две руки, и обе заняты.

Как по заказу, оба герцога высунулись в коридор одновременно. Поскольку ростом здешний создатель моих «женихов» не обидел, сначала они увидели друг друга, очень, кажется, удивились и только потом догадались опустить глаза.

— Обед, ваша светлость! — жизнерадостно объявила я, ловко ткнув в каждого его подносом: в полынй синим, в мед — бронзовым. И расчетливо сработала на рефлекс: когда они машинально потянулись навстречу, чуть опустила руки, делая вид, что убираю ладони. На самом-то деле не убрала, а ну как я все неверно рассчитала и обед полетит на пол? Кому за это голову оторвут? Ну не герцогу же.

Парни справились, чем заслужили по очку в моем личном рейтинге. То есть подносы подхватили, как все нормальные люди. Был, был шанс, что привыкшие к прислуге мальчики такого рефлекса в принципе не имеют. Но пронесло.

— Приятного аппетита, ваши светлости, за посудой я попозже забегу, а теперь мне пора, ужас сколько на кухне работы, ничего не успеваю, и от господина Жуя мне влетит, если задержусь! — пулеметной очередью выдала я и со всех ног припустила по коридору в сторону лестницы.

— Стоять!

Терки-морковки, они опять хоровой ор заранее репетировали?

Глава 17

Не знаю, где эта принцесса научилась так быстро бегать. Возможно, это мое сознание начало менять тело, я никогда не была слоупоком. Но до того, как их светлости сообразили гаркнуть свое хоровое приказание, я уже исчезла из коридора и даже ссыпалась на один пролет по лестнице, так громко стуча подошвами, что имела полное право заявить, что никаких приказов не услышала.

Не услышала, не услышала, очень торопилась! Уф-ф-ф...

Я лучше займусь воспитанием миньонов и поисками дыры в защите, через которую можно слинять. Кстати, интересно... Принцесса пропала, обе светлости сидят в запечатанном замке и не чешутся, слуги ведут себя в целом так, словно ничего и не произошло.

Ну ладно, допустим, к Юйриль и до побега относились как к пустому месту, подушечке из-под короны. То есть, конечно, те слуги, которых она допекала своими капризами, ее очень даже замечали. Но они, скорее всего, пяткой крестятся от радости, что эта дрянь сама куда-то подевалась. Наверняка каждый или каждая из несчастных не раз мысленно желал поганке провалиться к чертям.

А остальным от принцессы ни холодно ни жарко. Похоже, здесь и до ее исчезновения всем уже заправляли их светлости. Старый король умер три месяца назад, и полын с медом примчались еще до похорон. Вот с тех пор и заправляют. Интересно, если они соперники и даже враги...

Хм. Вообще, кроме таинственной пропажи подставки под корону, больше никакого бардака в замковом хозяйстве я не наблюдаю. И разговоров о том, что в городе-стране начались беспорядки, тоже не слышу. Это значит что?

Это значит, все сложно. Поскольку большое хозяйство по всем законам логики и мироздания не может нормально работать, если два начальника тянут его в разные стороны. Раз работает — значит, не тянут. Значит...

Два варианта. Либо собачатся они только для вида — в это я мало верю, если честно, потому что на кону корона, а в таких играх не бывает командной работы. Либо всем управляет кто-то третий — невидимый хозяйственник, серый кардинал от бухгалтерии и все такое. Вот тут не знаю. Просто потому, что я тут всего сутки с небольшим и оглядеться толком успела лишь на кухне. Какие там министры, канцлеры, секретари — в голове Юйриль, кроме смутного раздражения на неких некрасивых бородатых придворных, ничего не обнаружилось. Ей было неинтересно.

Пока я думала об этом, ступеньки кончились. Бежать по лестнице вниз без двух здоровенных тяжелых подносов — одно удовольствие. Даже настроение улучшилось, хотя, признаться, последние сутки оно у меня было не ахти. Потому что ни один нормальный человек не будет радоваться попаданию в средневековую задницу из собственной теплой кухни!

И надо же мне было с разбегу налететь на господина Жуя! Да еще в отличие от меня главповар был чем-то озабочен и весьма сердит.

— Чего носишься как ненормальный? — рявкнул он, отвечивая подзатыльник, от которого я почти увернулась.

— Обед светлостям отнес! — доложила я, вытягиваясь по стойке смирно чуть поодаль от мрачного начальства. Так, чтобы продемонстрировать усердие и чтобы еще одним подзатыльником не достали.

— Толку-то, — проворчал мужчина, махнув рукой. — Ужин их светлости велели подать в большой зал, будут приглашены все господа, что сейчас в замке. И надо же с этой завесой такому случиться! Сахар почти кончился, а в последнем обозе торговцев с Тростниковых островов ни одного мешка не было. В другое-то время горя нет — послал в лавку и они хоть телегу, хоть две привезут в течение часа. А теперь что делать? Ни одного сахарного зверя не отлить, чем я буду господ удивлять?!

Я бы не поняла, если бы господин повар мне одной так подробно отчитывался, но он говорил громко, на всю кухню, и явно ждал сочувствия или дельных предложений оттуда.

— Главное, перед исчезновением принцессы как раз послы из Шагрэ прибыли, — вздохнул один из помощников, полный улыбчивый дядька в белоснежном накрахмаленном колпаке и таком же фартуке. Это, кстати, на средневековой кухне дорожного стоит, тут нет стиральных машин, отбеливателей и химчисток. — Как перед ними в грязь лицом не ударить? Они своими медовыми десертами кичатся на все Междуземье и тростниковый сахар считают за безделицу, мол, ничего интересного из него и приготовить не выйдет. Мы б им показали! Да только осталось всего полмерки. И что делать?

— Плохо дело, — прошептал мне в ухо Лиу, когда я под причитание поваров пробралась к лавке и уселась в рядок со своими миньонами. — Дядька Жуй как-то поцапался с поваром тех шагренцев, что, мол, их медовые пряники всем уже надоели, а новинка с южных островов сто злотников вперед даст этому старью. А теперь эти тут, и повар в свите посла. Дядька желчью исплюется, если нос ему не утрет. А главное, нам всем жизни не даст потом месяц. Знаешь, какой он вредный, когда злой?

— Не знаю и знать не хочу. — Я почесала переносицу. — А что, много надо того десерта? И это обязательно должны быть сахарные звери?

— Ну, сахарных зверей дядьке один его друг с Тростниковых показал, их больше никто не делает, очень красивый и необычный десерт. Не просто вкусный, но еще и такой, какого раньше даже господа не видели, понимаешь? Но сахара на них надо много. Полмерки едва на одного хватит.

— Хм-м-м... — Я вдруг вспомнила легкий способ продать чайную ложку сахара по цене мешка. Это дело в каждом парке, кинотеатре или другом публичном месте купить можно. И народ покупает — нравится им. Особенно детям.

Интересно, у меня получится воспроизвести технологию? По идее, ничего сложного вроде нет.

— Сможешь мне одну чашку сахара раздобыть? — спросила я Лиу. — Если получится, сделаю один десерт секретный. Сахарное облако называется. Зуб даю, что такого еще никто не пробовал, мой папаша его придумал перед самым пожаром, мы только-только хотели посетителей привлечь...

— Что еще за сахарное облако? — рявкнуло у меня над головой. Оказалось, что господин Жуй уже отвлекся от своих громогласных страданий и стоит прямо за скамейкой, внимательно прислушиваясь к разговору поварят.

А не затеял ли он это все специально? С целью выведать, нет ли у меня секретных рецептов? Да ну, чушь. Просто совпало так.

Стакан сахара мне выдали. А я, разжившись красителями в виде свекольного, щавелевого и ягодного сока, приступила к созданию сахарной ваты разных цветов.

Технология нехитрая. Медный котелок подходящих размеров, палка, на которую насажено жестяное блюдечко с проколотыми в нем кончиком ножа дырками, расплавленный сахарный сироп и сильные руки, чтобы раскрутить всю эту конструкцию внутри котла.

Когда первые сахарные нити нежно-салатового цвета начали оседать на начищенной меди, я тихонько выдохнула. Надо же, получилось! А то мало ли... В теории знать технологию — это одно, а пробовать на практике мне не доводилось. Именно поэтому я со своим котелком, палками и сиропом ушла в кладовку и прикрыла дверь. Не хотелось опозориться. А еще не хотелось вот так запросто палить рецепт. Повара, знаете, те еще жуки.

А когда я собрала первую порцию ваты на специально выданную мне двузубую вилку, вышла из кладовой, неся ее как стяг, и выдала на пробу господину Жую, на кухне воцарилась мертвая тишина.

Глава 18

Накрутить из тонких сладких нитей четырех цветов — розового, салатного, ярко-оранжевого и кремово-белого — всяких смешных фигур труда мне не составило. Благо не так давно отдыхала за просмотром роликов в ютубе, где продавцы этого лакомства в парках и кинотеатрах изгалялись, насколько богатство фантазии позволяло. Вроде бы несерьезно все — зайчики-котик-цветочки из «сладкого облака», но я получила лишнее подтверждение, насколько народ здесь не избалован ни хлебом, ни зрелищами. Обрывки «ваты», оставшиеся после оформления фигурок для господского ужина, кухонный персонал смаковал с таким видом, словно это пища богов — и не только повара, но и взрослые люди. А смешные звери и выполненные в виде радужных цветков облачка вызывали искры настоящего восторга даже в глазах господина Жуя. Хотя казалось бы — серьезный мужик, опытный повар, мне ли не знать, какие затейливые и сложные блюда умели готовить специалисты его уровня в эти непростые времена. И это учитывая, что возможностей, продуктов, инструментов и приспособлений для кухонной магии здесь в разы меньше!

Время пролетело незаметно, я даже не чувствовала усталости, крутя в своей кладовке блюдце на палочке, сахарной ваты для пира понадобилось много. А пока руки заняты, мозги хорошо работают. Например, я задумалась над тем, как использовать здешнюю людскую неискушенность и неизбалованность себе на пользу. Причем не на дворцовой кухне, а потом, позже, когда я отсюда сбегу наконец. Деньги на трактир от полынной светлости — это хорошо. Но не факт, что я сумею унести их из замка, давайте будем реалистами. Значит, стоит задуматься о том, как заработать денег самой. И вот здесь показательный вариант со сладкой ватой дает мне много подсказок.

С чего логичнее всего начать заработок человеку моей профессии? С уличного фастфуда. Очень не прав тот, кто думает, что у предков такого не было. Конкуренция в этом деле во все времена была зверская. И чтобы заработать не просто на пропитание, а на что-то большее, нужно выделиться.

Во-первых, то, что ты предлагаешь клиенту, должно быть вкусно, во-вторых, дешево. И при этом — рентабельно. А еще ты должна привлечь внимание именно к своей закуске, пробившись сквозь плотные ряды уличных разносчиков, продавцов жареной требухи, устриц, которые по нынешнему времени считаются пищей самых бедных, и прочего, прочего, прочего.

Что поможет в этом? А вот и ответ: шоу! Надо не просто готовить вкусно и дешево прямо на улице, надо делать это так, чтобы вокруг собралась толпа восторженных зевак, которые в процессе наносят вкусных запахов и не смогут устоять перед соблазном попробовать что-то новое и любопытное.

— Сахар кончился, — сбил меня с мысли Лиу, приоткрывая дверь кладовки и с любопытством косясь на котелок. — А жалко... Дядька Жуй от жадности все облака забрал, велел на блюда большие сладких пудингов напечь, и в них будет втыкать вилки с облаками. А нам ничего не останется...

— Заработаем на сахар, сделаем себе еще лучше, — пообещала я, рукавом вытирая лоб. Уф-ф-ф... — Что у нас сегодня, ради званого ужина работы прибавится или наоборот?

— Наоборот не бывает, — фыркнул Лиу. — Оно, конечно, повара не лакеи, в зал нас не отправят, но и здесь найдут куда запрячь.

Я понятливо вздохнула. Ну да, ну да, могла бы и не задавать глупых вопросов. А то я не знаю, что такое бронированный банкет для начальства в твоём ресторане. Задницы и все остальные части тела будут в мыле не только у официантов, весь коллектив загоняется.

Так и вышло, собственно. В общем дурдоме сменяющихся блюд, которые надо было разложить, порезать, сервировать и всячески украсить перед самой подачей на стол, я всего-то и сумела обратить внимание на то, что вертел с кабаньими тушами — в руках у двух довольно щуплых мужиков, а того борова, что мне проходу в первый день не давал и на герцогские яйца покушался, не видно. Капельку подумав, я вспомнила, что с того момента его больше и не замечала на кухне.

— В конюхи перевели, да в самую задницу, на черный двор, — заметив и правильно истолковав мой взгляд, доложил Цанти, пристраиваясь рядом на скамейке и начиная довольно ловко счищать цедру с очередного лимона. — Сверху указание пришло. Сам, дурак, подставился. И вовсе не из-за тебя, не воображай. Просто светлости страсть громогласных и скандальных дураков не любят. Ну и одно дело нам втихую по углам выяснить, у кого завязки на штанах крепче, а другое — драка в коридоре, где господа пройти могут.

— А меня, значит, не наказали...

— Обычно-то обоих, кто шумел, пинком под зад, — согласно кивнул рыжий. — Но тебя сам герцог

затребовал и не ругал. Потому решили — не виноватый ты.

— Он сам пришел, — машинально продолжила я, поправляя на голове колпак. М-да. Правосудие тут своеобразное. Либо, не разобравшись, и агрессора, и жертву наказывают, либо милуют не за то, что ты прав, а за то, что начальству приглянулся.

Хотя чему я удивляюсь? У нас разве не так? Масштаб другой, иллюзий больше, а суть не меняется.

Время шло, суета начала спадать. По довольной, так и излучающей сладость физиономии господина Жуя я поняла, что десерт удался и «сахарные облака» имели успех не только среди знати этого королевства, но и среди гостей.

Я так устала, что мысли ворочались в голове медленно-медленно, как груши в густом цукатном сиропе, когда их варишь на маленьком огне. Вот кстати... цукаты. Это идея на будущее, как и марципан. Ингредиенты, правда, ни разу не дешевые... но я что-нибудь придумаю.

— Отнесешь господам герцогам горячее вино с пряностями и можешь быть свободен, — обратил на меня внимание господин Жуй. Я вяло кивнула, не было сил даже про себя возмущаться, какого рожна этим светлостям от меня опять нужно. Медом им намазано, что ли? Или полынью? М-м-м?

И вообще... странно все это. Принцесса у них пропала, единственная легитимная дорожка к короне, а у меня такое впечатление, что, кроме завесы вокруг замка, никаких мер по поискам не предпринято. Никто не чешется. Или просто мне с моего места не видно? Черт, может, и не так плохо, что я приглянулась герцогам, буду таскаться на господский этаж — есть шанс подслушать или увидеть что-то полезное.

М-да. Мысль все же материальна. В смысле — накаркала.

Я еще на лестнице, плетясь нога за ногу, думала: а какого мандаринового лешего чужое посольство забыло в замке, где еще идет борьба за власть и будущий хозяин не определен? Вообще, по законам средневекового существования логичнее присылать послов, когда победитель, слизнув с когтей и зубов кровушку других претендентов, уже пристраивает свой афедрон на тронной подушке.

А в период нестабильности по гостям обычно шастают не послы — агенты влияния. Те, что поддерживают одну сторону и норовят грохнуть другую. Или обе стороны прихлопнуть в пользу третьей...

Мне бы мои мысли да не в задницу, куда они, судя по всему, слились, а в голову. Тогда, наверное, я так тупо не влетела бы в коридор между двумя дерущимися магами.

Глава 19

Точнее, не так. Если бы я реально оказалась между двумя людьми, пуляющими друг в друга синеваыми сгустками пламени, от меня бы даже мокрого места не осталось, несмотря на всю мою скорость реакции. А так я выскочила со своим подносом за спиной группы странных индивидуумов, наседавших на полынного герцога.

Одного взгляда на синие вспышки и сполохи по чему-то, похожему на фантастический щит из силового поля, хватило, чтобы я с задущенным писксом споткнулась о ковровую дорожку и растянулась в весь рост на полу, прикрываясь подносом. Кувшины с подогретым вином и фрукты с серебряной тарелки с грохотом рассыпались-раскатились по всему коридору, меня окатило пряными брызгами и хмелем, а увлеченно воюющие маги за треском и хлопками разрядов даже не услышали всю эту бздынь-катастрофу.

Через пару секунд я даже смогла выдохнуть и выглянуть из-за подноса.

Не поняла, а где все? В смысле, почему замотанных в тряпки по самые глаза вражьи морд целых три, а полынной светлости одна штука? Где стража? Войска, не знаю, телохранители? Что за нафиг такой, если в огороженном щитом замке шляются посторонние убийцы и нападают на герцогов?!

Ему вон несладко приходится. Одна вражья морда держит щит, через который Раймон не может пробиться своими сине-лиловыми стрелами, а две другие шмалют с двух рук в ответ по силовому полю самого герцога. И мне даже отсюда видно, как ему тяжело одновременно защищаться и отстреливаться. Раймон медленно отступал, бледнея на глазах.

— У тебя больше нет права на трон, ты потерял королевскую кровь! — прошипел один из закутанных в черное. М-да... это все из-за меня, получается?

Самое странное, что трое нападавших меня заметили, но словно бы... Один что-то прошипел соседу, явно матерное, и шмальнул синим сгустком, я уж на секунду подумала, что кранты мне, но серебряный поднос, которым я с перепугу закрылась, только дернулся в руках и немного нагрелся. А вот убийца с чего-то решил, что мне и одного выстрела хватит, швырнул огнем и отвернулся, как от раздавленного таракана. И снова давай добивать герцога.

Ну знаете... это уже наглость. Не то чтобы я прям злилась или герцог мне был особенно дорог, но он хоть маленечко уже свой, а эти три морды точно чужие. И вообще. У него мои десять золотых на хранении!

Единственное, что я могла в этой ситуации сделать, я сделала: большое крепкое яблоко с размаху вцепилось в затылок того, кто держал щит. Он дернулся, вскрикнул, буквально на мгновение потерял концентрацию, силовое поле мигнуло, и...

— А-а-а-а! — Я не видела, что там дальше, с воплем неслась вниз по лестнице, причем орала реально во всю глотку. — Наших бьют! На помощь! Герцога убивают-у-у-ут!

Два голоса в полутемной комнате. Треск дров в камине и теплые отсветы на резных завитушках потемневшего дерева старых кресел.

— Артефакт говорит, что королевская кровь все еще в замке. Значит, принцесса не покинула собственный дом, просто очень хорошо спряталась.

— И куда могла забиться эта ду... прости... эта девчонка? Я методично обшарил два верхних этажа, простучал каждую стену, просканировал магией каждый камень. Там нет потайных комнат. Ходы потайные есть, но в них только пыль и крысиный помет. Ни следа девчонки. Буквально — слой пыли не тревожили уже лет сто.

— Но она все еще здесь. И это, признаться, обнадеживает. Дальвейг прислал своих людей, только лишь заподозрив, что мы ее потеряли. Учитывая, что я на всех жителей замка, от придворных до слуг, наложил полог невнимания и молчания... они не просто не могут никому рассказать о произошедшем, они о нем практически не думают. Знают, что принцесса пропала, но не придают этому значения, занимаясь своими повседневными делами.

— Но Дальвейг узнал. Более того, смог провести тройку синих сквозь барьер и напасть. Если бы не этот пацан... Что с ним, кстати?

— Оступился на лестнице и грохнулся лбом о ступеньку, шишка будет, а так ничего серьезного. Зато поднял тревогу. Я одного не понял...

— Вот и я не понял. Синие поставили барьер, я потом проверил. Никто не смог бы войти в тот коридор, пока они меня не прикончат. А пацан его вообще не заметил. Более того... один из синих бросил в него звезду.

— Чего?!

— Того. Я думал — все, останется только пепел на коврик. А он... он подносом загородился. Представляешь?! Серебряным подносом с королевским гербом. Думаю, в этом все дело. Я проверил, это часть старинной утвари, еще от первого короля осталась. А тогда гербы, ты же знаешь, еще не были просто рисунками, в каждый вплеталась магическая печать принадлежности. Как она попала из сокровищницы на кухню — другой вопрос. Но благодаря этому совпадению выжили мы оба. Мальчишка прошел сквозь завесу синих, остался жив после удара звезды и в конце концов спас меня.

— Тем, что позвал на помощь?

— Тем, что отвлек щитовика. Он в него яблоком бросил, представляешь? Так просто и так... глупо. Влепил прямо в затылок. Щитовик настолько не ждал удара со спины, что потерял концентрацию, и мне хватило этого мгновения, чтобы поджарить всех троих. Но сам факт. Тройка синей смерти, магический поединок и какой-то поваренок с яблоком!

— Главное, сработало. Я не хочу терять брата.

— Выпьем за это.

— И что ты собираешься делать дальше?

— Продолжу искать, что еще. Пока кое-кто не подсуетился раньше.

— Думаешь, он имеет к этому отношение?

— Не знаю... время покажет.

— Кстати, ты разобрался с той попыткой отравления?

— Да, это один из новых поваров. Взяли мерзавца под наблюдение, ждем, может, выведет нас на более крупную рыбу. Хотя и так понятно, что это тоже человек Дальвейга. Но он мелкая сошка, в замке явно есть кто-то, от кого шел приказ.

— Понятно...

Я открыла глаза и первым делом схватилась за голову. Терки-морковки... что это было? Меня сбила машина? Или что? Напали гопники в подворотне? Почему так темно и пахнет странно? В моей квартире таких запахов никогда не было и...

Рядом кто-то заворочался и застонал, хрустя соломой. Соломой?

Реальность сорвала последнюю сонную одурь с моих глаз, и я все вспомнила. Ах ты, зараза какая, а!

Гребаное средневековье. Да, я помню, что оно уже почти возрождение! Все равно гребаное.

Я тут тревогу подняла, герцога спасла и голову чуть не размозжила о последнюю каменную ступеньку, и что? Хоть бы спасибо сказали. Сунули какую-то грязную тряпку, велели ко лбу прижать — чтобы не заляпала кровью каменные полы, очевидно. И все. Поваренку больше не положено.

Бадейку кипяченой воды, растертую в порошок ромашку и полоски чистого полотна мне принесли Лиу с мальчишками в пристройку, где мы все ночевали. Кажется, я все же вовремя обзавелась миньонами. Иначе совсем бы худо. В ушах звенело, перед глазами плавали разноцветные круги, и я до своей охапки полыни еле добралась. И, кажется, отрубилась.

— Да сними ты с него совсем рубаху, тогда и оботрешь нормально, — послышался вдруг шепот над моей головой, и чьи-то пальцы неуверенно потянули с плеч мою самосшитую дерюгу. Ой!

Глава 20

— Стоп! — Я подскочила на подстилке и схватилась обеими руками за рубаху, уже стянутую с одного плеча. Слава тебе брюква, в этом возрасте отличить меня от мальчика можно было, только тщательно присмотревшись и подключив фантазию, ибо уродилась я плоская как доска. Точнее, сейчас это принцесса такая уродилась, вся в меня, но оно и к лучшему. Так вот, и при свете дня сразу не разберешь, отросла там девичья грудь или так, только зеленой впадинку на этом месте помазать. А в жидкой полутьме пристройки и подавно не разглядеть.

Но лучше все же не раздеваться.

— Очумел? — шикнул на меня Лиу. — Ты, мастер, слишком сильно башкой о ступеньку приложился или как? Что, по-твоему, мы делаем?

— Уф-ф-ф... — Я даже притворяться не стала, что у меня голова кружится, ибо она и правда норовила пуститься в пляс отдельно от остального туловища. — Все нормально. Показалось... извини.

— Ты правда синих видел? Настоящих?!

— Э-э... не знаю, не помню. — Лучше сразу отмазаться, ну его. Убийства, покушения, баклажаны какие-то, то есть, простите, синенькие... да, баклажаны в Одессе синенькими называют, а здесь так именуют убийц? Тьфу, о чем думает моя ушибленная голова?

— Жа-а-аль... Ладно. Господин Жуй дал тебе завтрашний день отлежаться. Можешь на работу не выходить.

Обалдеть! Целый один день больничного ребенку с пробитой головой, какое милосердное средневековье. Ладно... один лучше, чем несколько. Кстати, из смутно припоминаемых разговоров стражи я уяснила интересный момент: эти баклажаны пришли из-за завесы. То есть проникли сквозь нее. Значит, это возможно?

Подумаю об этом утром.

— Давайте спать... вам-то выходного не давали.

— Че это не давали? — поднял с соломы голову рыжий Цанти. — А за мастером кто будет ухаживать? Я вот первый вызвался, мне и поручили. А остальные... валят в кухню.

— Рыжая блоха! — ругнулся Лиу, который, оказывается, перетащил свою солому вплотную к моей подстилке и сейчас с криком и хрустом устраивался на ней.

— А ты что тут забыл? — спохватилась я сквозь полусон. — Ты же племянник господина Жуя, ты со старшими поварами в другом крыле живешь.

— Жил, — зло засопел мой белокрылый миньон. — А теперь живу здесь.

— М-м-м?

— Силье. Подговорил всех, что раз я твой ра... ученик, то и ночевать должен около своего мастера, а не на мягкой постельке.

— Понятно. Не бойсь. Придумаем что-нибудь, — утешила я, почти уплывая в царство снов. Потом спохватилась и спросила: — А чего это ты такой добрый, даже не обругал меня за то, что из-за меня потерял нормальную спальню?

— А толку? — пробурчал в темноте парень. — Сам дурак. Но признавать это перед другими? Ха! Я сказал... что вернусь в чистое крыло раньше, чем они думают, вместе с моим новым мастером.

— И об заклад побился, — тут же наябедничал рыжий. — От твоего имени. Потому что от своего он теперь не может.

— Брюкву тебе в зад, — простонала я, утыкаясь лицом в согнутый локоть. — А я-то обрадовался... ну спасибо.

— Пожалуйста, мастер, — очень ехидно хрустнул соломой поганец. — Теперь у тебя выхода нет. Станешь самым крутым на кухне после дядьки.

Утро началось раньше, чем мне бы хотелось. Я села на своей уже подвядшей полыни и машинально

схватила за перебинтованный лоб. Вокруг в сереньком полусвете вяло потягивались и зевали просыпающиеся поварята, быстренько стряхивали со штанов и рубашек солому и бежали к бадье во дворе — умыться. Лиу тоже проснулся, одарил меня многозначительным взглядом и отправился на работу. Только рыжий остался безмятежно дрыхнуть.

Я уже хотела пнуть нахаленка, но тут вдруг обратила внимание на то, что голова у меня не кружится и не болит. И вообще я чувствую себя на редкость хорошо.

Покосилась на спящего и отвернулась, чтобы снять кое-как бинты. Зеркала у меня нет... так, погоди, почему нет-то?

Я убедилась, что Цанти действительно сладко дрыхнет, пользуясь редкой возможностью, и через знакомое уже окошко вылезла в полынный простенок между бараком и замковой стеной. Заодно веников нарву новых...

Круглый кусочек зеркала, в отличии от дневника, закопанного в самой гуще бурьяна, все это время пролежавший у меня в пришитом к штанам изнутри кармане, был завернут в несколько слоев ткани, и разворачивала я его очень медленно и осторожно, помня визгливый голосок принцессы. Но к моему удивлению, на этот раз никто не стал орать или закатывать истерику. Осколок зеркала спокойно отразил кусок замковой стены, заросли бурьяна и мой лоб, поперек которого тянулась почти зажившая розовая полоска шрама. Терки-морковки, как? За одну ночь? Вот это да...

Я так удивилась, что даже не сразу расслышала тихие всхлипывания.

Понятно, рыдала принцесса. Она уменьшилась и теперь была похожа на приклеенную к зеркальцу картинку из детского журнала.

— Ну и чего рыдаем? — спросила я, налюбовавшись собственным лбом.

— Дура! Знаешь, как мне страшно?!

— Примерно представляю. Сама виновата. Скажи, у вас в роду были люди с выдающейся регенерацией?

— Что?! — Она даже слезы лить почти перестала и вытерла распухший нос подолом шелкового платья.

— Неуч. Живало все на ком-нибудь из твоих предков как на собаке?

— Королевская кровь стоит дорого, — еще раз шмыгнув носом, выдала Юйриль таким тоном, каким рассказывают заученный намертво стишок. — Поэтому никогда не льется попусту. Короля можно ранить, но его святость полностью излечит уязвленное тело прежде, чем золотая и серебряная луны встретятся дважды.

— Угу, понятно... за сутки. — Я угрюмо намотала грязноватые бинты обратно на лоб. Нет, ускоренное заживление — подарок. Но может выдать меня с головой. Придется носить повязку и притворяться так долго, как только смогу.

— Ладно, раз уж я тебя расчехлила, приноси пользу. Расскажи подробнее о своих женихах и о том, почему их могут пытаться убить баклажа... синие.

— Издеваешься?! — поперхнулась слезами Юйриль. — Откуда я знаю?!

— Господи, у всех принцессы как принцессы, одной мне досталась такая дура, — щадить чувства плаксы у меня не было настроения. — Ты как собиралась королевством управлять, коза убогая, если ничего не знаешь?! А ну, цыц! Только взвизгни, я точно решу, что бесполезный кусок стекла мне больше ни к чему, и грохну в осколки, поняла? Молодец. Давай, вспоминай хоть что-то.

Через пятнадцать минут запредельных умственных усилий, которые я стимулировала едкими подколками и зверскими угрозами, принцесса все же выдала мне ворох самых разных сведений.

Синие — клан наемных убийц. Простым людям от них защиты нет, но они не могут навредить особам королевской крови. Герцогам могут. До коронации. Угу, а я грешила на поднос... хотя Юйриль напрягла остатки мозга и сказала, что если там был королевский герб, то кусок серебра действительно можно было использовать как щит. Папа как-то рассказывал принцессе сказку про злых нападающих и серебряный ночной горшок, которым наследник защитил министра. Уф-ф-ф... то есть отмазка у меня есть.

Раймон и Джейнс — два тупоголовых петуха, которые с детства не могут поделить на этом свете примерно все. Если один захотел — другой непременно попробует отобрать себе. А первый упрется не отдавать. И мне, судя по всему, «повезло» оказаться на месте этого «чего-то».

И нет. Оба жениха принцессы не по мальчикам вообще. Когда я об этом спросила, Юйриль от возмущения едва из зеркала не выпала. Уж что-что, а постельные сплетни мимо этой барышни никогда не пролетали. Лучше бы она так географию и экономику собственной страны изучала, коза.

— Эй! — Из окошка в стене барака высунулась рыжая макушка, и я едва успела спрятать зеркальце под рубашку. — Юль! Ты где? Тебя тут по приказу его светлости ищут!

Глава 21

— Не дело вы придумали. — Я угрюмо ковыряла носком сапога ковровую дорожку и старательно не смотрела на полынную светлость. Настроение было так себе, а плюс ко всему жутко зудел под повязкой лоб. Разматывать бинты было нельзя ни в коем случае, а почесаться хотелось нестерпимо.

— Что?! — Раймон аж будто бы привстал со своего кресла на колесиках. — Ты не хочешь быть моим личным слугой?! Ты хоть понимаешь, какая это честь и насколько вырастет твой статус среди других слуг?

— Да, понимаю. — Очень много мне хотелось сказать герцогу по этому поводу, но я старательно держала себя в руках. Я для чего с господского этажа в барак к поварям сбегала, чтобы меня через два дня за шиворот обратно тащили? Да сейчас! — Только... ваша светлость, дело в том, что работа на кухне — мое призвание.

— Что?! Призвание — чистить жирные сковородки и таскать мешки с кореньями? — ядовито как высказал, аж дальше некуда.

— Ну, без сковородок и кореньев тоже не обойтись, конечно. — Я старалась говорить рассудительно и веско. — Только я про другое. Нравится мне готовить. И у меня получается, без хвастовства скажу, ваша светлость. У меня мечта есть — свой трактир, где я буду всему сам хозяин и стану готовить для гостей такие блюда, что они в очередь выстраиваться будут. Ваше предложение, оно очень лестное, но... не про меня. Простите.

— А ты на редкость нахальный мальчишка. Не боишься, что я приму твой отказ как оскорбление и вместо награды накажу тебя?

— Еще как боюсь! — Я неприятно поежилась. — А только против себя идти не привык. Все равно плохо кончится: и вы рады не будете скверному слуге, и я получу по полной. То есть мало того, что все равно накажут, еще и свою мечту предаю.

— М-да... хм... ты ставишь меня в трудное положение. Я должен и даже хочу наказать тебя за дерзость и в то же время, как честный и благородный человек, должен наградить за то, что ты спас мне жизнь. Причем уже второй раз. И как быть? — Его полынность склонил голову к плечу и просвечивал меня взглядом, как рентгеном.

— Ну давайте так на так? — предложила я, переминаясь с ноги на ногу. Очень хотелось, чтобы он меня уже отпустил побыстрее. — Вроде как наказание с наградой сложим — и они друг другом зачтутся? И ничего не надо будет со мной делать, а?

— Не только нахальный, еще и хитрый, — усмехнулся Раймон. — Нет, не годится.

Я так душераздирающе вздохнула, что даже камень бы разжалобился. Но не герцог. Сидел, ирод, разглядывал меня как насекомое какое. Хмыкал мыслям своим. И молчал. Минуту, две, три... я уже почти дырку носком сапога в полу проковыряла.

— Не годится, — наконец повторил Раймон. — Награда тебе все равно положена. Сам выбирай. Только не деньги! — остановил он меня. — Второй трактир тебе не светит, имей в виду. И вообще, я подумал и решил, что моя жизнь стоит дороже золота. Откупаться им от спасителя ниже моего достоинства.

— Ну и зря, — еле слышно пробурчала я себе под нос. — Нормальная цена...

— Что ты сказал?

— Нет-нет, ничего!

— Ну ладно. Выбирай сам, как тебя наградить.

Я задумалась. Не отстанет ведь. И золота больше не даст, жмот. Второй трактир мне не нужен, как же... много он понимает в трактирах. Деньги лишними не бывают.

И тут, на мое счастье, случилась неприятность: меня укусила блоха. Какая-то особо устойчивая противоположная блоха, чтоб ее, залезла мне под рубашку и цапнула, дрянь такая, точно между лопатками. Я чуть не взвыла от досады и зуда, а потом мозг включился и выдал картинку вчерашнего вечера. Полутьма, ябеда Цанти и слова Лиу: мы с мастером будем жить на чистой половине скорее, чем вы очухаетесь!

— Ваша светлость, придумал!

Когда я изложила герцогу свою идею, тот на пару минут задумался. А потом посмотрел на меня с

каким-то непонятным прищуром и сказал:

— Распределением рангов среди кухонной прислуги ведает господин Жуй, и даже его королевское величество никогда не вмешивался в эти дела. А ты хочешь, чтобы я нарушил обычай? Не боишься, что главный повар дворцовой кухни будет очень недоволен тобой? Если господин Жуй тебя невзлюбит, не видать тебе спокойной жизни.

— Я все придумал, ваша светлость, — с готовностью доложила я. — Мне не нужны привилегии на пустом месте. Но мне пригодится возможность себя проявить. Давайте сделаем так: я буду готовить для вас по-настоящему необычные и вкусные блюда в течение... ну, скажем, семи дней. И если вам действительно понравится, вы вслух похвалите мое поварское искусство. А уж дальше я с господином Жуем как-нибудь сам договорюсь. Тут главное, чтобы мне вообще позволили готовить то, что я пожелаю, а не гоняли с мелкими поручениями.

— И с какой радости я вдруг приказал тебе для меня готовить?

— Да все просто. Я вам нахвастал, что мой папаша вызнал, разведал, придумал и передал мне кучу секретных рецептов для блюд, достойных самих королей. И вы решили меня проверить и проучить, если я вру. Проучили бы сразу, но раз я вас спас, то вы дали мне шанс. Годится такой план?

— Ну-ну, — только и сказал герцог, откидываясь на спинку кресла. — Надеюсь, ты меня хотя бы не отравишь своей стряпней. Глупо выжить в двух покушениях и умереть от кривых рук какого-то поваренка.

— Пф-ф-ф! — не выдержала я. Полынная светлость явно был настроен дружелюбно и пребывал в хорошем настроении, поэтому можно было разрешить себе немного вольностей. — Я вам буду приносить свою «стряпню», но есть-то не заставлю. Сами захотите, когда увидите и понюхаете, вот увидите — не сможете сдержаться!

— Посмотрим. Что с твоей головой? Тебя показали лекарю?

Я торопливо схватила за свои бинты и попятилась.

— Да, ваша светлость, все нормально, ваша светлость! Господин замковый лекарь еще тогда, на лестнице, меня посмотрел, намазал лоб чем-то и сказал, что ничего страшного, подумаешь, голова. В смысле, заживет как на собаке.

— Хм. Надо бы сказать ему, чтобы осмотрел еще раз.

— Не надо, ваша светлость! — Я уже была у самой двери. — Честное слово, со мной все нормально. Я пойду, ваша светлость? Мне подумать надо, папашины рецепты вспомнить... все такое. С вашего позволения, ваша светлость...

— Ты что, лекарей боишься? — «догадался» Раймон. И засмеялся. — Вот не думал, что такой дерзкий и нахальный мальчишка боится чего-то. Неужели веришь глупым сказкам про то, что они пациентов режут на куски и прижигают раскаленным железом?

— Не боюсь я лекарей и в сказки не верю, — пробухтела я, изображая недовольное смущение и наигранную браваду. — Просто со мной все в порядке. Пойду я, ваша светлость! А?

Глава 22

Господин Жуй старательно хмурился и гремел посудой, выражая свое неодобрение вмешательством всяких герцогов не в свое дело. То есть Раймон совершенно правильно предположил, что прикажи он меня просто перевести из общего барака в «номера» — был бы если не скандал, то конкретный саботаж.

А сейчас саботажа не будет, потому что гнев у главповара напускной. Ему самому любопытно, что же такого я собираюсь приготовить. Здешняя кухня своеобразная, но не сказать, чтобы примитивная. Плюс она привычна любому местному жителю, и я на своем опыте знаю, что экзотика заходит далеко не всем, как бы великолепно она ни была приготовлена. Значит, не стоит сразу пугать герцога и всех окружающих маринованной саранчой и прочими изысками. Для начала нужно что-то простое и эффектное.

Итак, что мы имеем? Я тут понаблюдала за меню и могу сказать, что больше всего оно соответствует тому, как питались богатые и знатные люди времен примерно Елизаветы в земной Англии. То есть много мяса, много специй, сахар, сухофрукты и самые дикие сочетания всего этого между собой.

Один «холодец» чего стоит. Его тут варят из телячьих ножек, как и положено, но приправляют бешеным количеством невероятно дорогой корицы, вином, похожим на херес, розовой водой и сахаром. То есть это не фруктовое желе, привычное в моем времени, это именно холодец, он имеет привкус бульона и пахнет смесью мяса и странного парфюма. Не могу сказать, что это блюдо так уж нравится всем, но его почему-то продолжают упорно готовить. Возможно, из-за того, что здесь принято пускать в дело вообще все части забитого животного, от носа до хвоста, всему обязательно следует найти применение. А еще это блюдо считается страшно полезным для суставов (в целом верно) и почему-то для потенции.

Вот с этого, пожалуй, и начнем. Горчичный соус тут известен, уксус тоже, чеснок имеется. Лавровый лист нашла, и он, в отличие от той же корицы или, не дай бог, гвоздики, которую выдают поштучно, как золотой запас, стоит дешево.

С холодцом все ясно, что дальше? Он будет к обеду. А вот завтрак следует начать с чего-то более легкого и... хм. А не поиграть ли мне в блинчики? Огонь и чугунные сковородки есть, остальные продукты тоже. Здесь пекут лепешки и что-то вроде жестковатых оладий, а вот моего фирменного кружева здешние герцоги точно не пробовали.

— Ну и что за странную похлебку ты пытаешься соорудить? — Пока Цанти надраивал мне самую маленькую сковородку так, чтоб блестела, Лиу, сбивавший по моей команде масло из сливок, скептически сунул нос в миску с блинным тестом. — И муку дешевую зачем с дорогой смешал? Господам хлеб только из самой тонкой и белой надо печь, это все знают.

— Смотри и учись, — хмыкнула я, пристраивая сковородку прокаливаться на треноге над углями. Потом подцепила на двузубую вилку кусочек свиного сала и смазала разогретую поверхность. Вооружилась поварешкой, примерилась к тяжелой деревянной ручке. Ну, поехали!

— Ой! — дружно сказали миньоны, когда первый блин взмыл в воздух, перекувыркнулся с румяного бока на бледный и упал обратно на место.

— А ну, делом займитесь! — Через десять минут и еще пять блинчиков на запах и толпу прибежал господин Жуй и принялся разгонять зрителей подзатыльниками. Еще бы, на представление почти все сбежались, побросав свои занятия. А запах... упоительный запах настоящих блинов плыл под каменными сводами, заставляя давиться слюной абсолютно всех и даже меня.

Народ, разочарованно гудя, поплелся на рабочие места, но и оттуда продолжал наблюдать. Возле меня остался один Лиу под предлогом того, что смазывал горячие блины сливочным маслом.

— И что это? — хмыкнул господин Жуй, подцепив верхний золотистый кружок. Поднял, оценил, принялся...

— Погодите. — Я стряхнула очередной блин на тарелку, сунула сковородку на кирпичный приступок у очага и моментально организовала два блюда: одно с густыми вчерашними сливками, другое с давленной в меду клубникой. — Сюда надо макать. Вот так сложить... можно по отдельности, можно и туда и туда. Или ложкой накладывать сверху — тоже хорошо, как раз для господ.

Несколько минут главный повар молча жевал, макая блинчик в сливки, густые как сметана, и в клубнику. Кружевной золотистый кусочек теста кончился, и он взял еще один. И еще. Потом крякнул и вынес вердикт:

— Ладно, сгодится.

И ушел.

— Вот это да! — просипел у меня над ухом Лиу. — Вот это да! Чтобы дядька Жуй такое сказал про чужое блюдо?! Я тоже хочу попробовать!

— Кыш! — Мальчишка получил по рукам и надулся. — Четверть свечки до завтрака, сейчас его светлости напеку горячих, сервирую, отнесу, а потом остальных побалую. Теста с запасом.

— Тогда ладно. — Мой миньон повеселел и даже успел, не отрываясь от смазывания блинов маслом, растереть новую порцию клубники.

Я же, соорудив на двух тарелках две румяные стопочки блинов, отставила в сторону кувшин с пивом — тут его пили как воду, поскольку саму воду пить было рискованно, — пошла к столу с травами и наскоро соорудила нечто вроде дачного чая: как разгодились листья клубники, мята, лимонная трава, чуть-чуть кардамона, буквально несколько крупинок черного молотого перца. Заварила прямо в кувшине. В двух кувшинах.

Ага, плавали — знаем. Понесу одному герцогу блинов и обязательно встречу второго. У меня ни настроения, ни сил бодаться с медовой светлостью за полынный поднос. И встревать между ними, если опять вздумают бодаться, тоже. Поэтому проще сразу дать каждому свое и выдохнуть.

Как в воду глядела. Только добралась до коридора, ведущего от лестницы к покоям светлостей, как одновременно открылись обе двери. Я только хмыкнула про себя и смело ринулась в бой с двумя подносами наперевес.

— Завтрак, ваша светлость. — И по подносу под нос каждому. Чтобы сразу унюхали, чем пахнет.

— Хм, — высказался Раймон. — Что это? Как это едят?

— Сейчас все покажу, ваша светлость, я ж к вам самый преданный, и вообще, — а сама шмыг под рукой медового в его комнату. Тот и оглянуться не успел, не то что дверь закрыть, а завтрак я ему уже сервировала. — Берете по одному, ваша светлость, вот так сворачиваете, ложечкой сливок и клубники... а вот этим запивать. Приятного аппетита, ваша светлость!

И рысью, рысью обратно в коридор. Никто опомниться не успел, а я уже влетела в покои герцога Раймона, воспользовавшись тем, что он хоть и стоял на пороге, но все же внутри комнаты. И дверь аккуратно так прикрыла.

— Уф-ф-ф, ваша светлость. Идите, я вам покажу, какое это чудо!

Глава 23

Блины герцог ел так, что за ушами трещало. И это при том, что поначалу он хмурился и морщился, осматривая незнакомое блюдо. Ну и еще ему не понравилось, что один поднос я занесла в медовую светлость. Но тут я сделала морду кирпичом и упорно стояла на позиции «моя твоя не понимай».

Их разборки. Я просто слуга. Вот мне делать нечего, только спасти полынные блины от медовых покушений. Я и так ему два раза жизнь спасла, в конце концов!

Вот кстати... странные они тут. Ну правда: принцесса исчезла, покушатели по замку шастают как по родному дому, а два дебила блины друг у друга на тарелке считают вместо того, чтобы что-то предпринять уже.

Хотя я несправедлива. Откуда я знаю, чем герцоги занимаются в мое отсутствие? Я просто из кухни никакого результата не вижу, но это другое. Даже поваров на допрос по поводу отравы не таскали... и сколько бы я ни смотрела по сторонам, ну в упор ничего такого не заметила. М-де. Но спрашивать не буду — не мое дело.

Мое дело — бежать готовить обед! Здесь он происходит в любой момент от полудня примерно до трех дня по моему внутреннему ощущению и считается главным приемом пищи за день. Тут надо постараться и не ударить в грязь лицом.

— Это было странно, но действительно вкусно, — задумчиво констатировал Раймон, вытирая губы салфеткой. — Я не привык есть утром всего одно блюдо и удивился такой скудности. Хотел тебя отругать. Но эти странные лепешки такие сытные, что я действительно наелся и больше ничего не хочу.

Я тихо хмыкнула. Еще бы. На непривычный желудок пять-шесть горячих блинов с маслом, сливками, клубникой и медом ложатся заметным грузом, и после них уже вряд ли что-то влезет.

— Что за напиток? — Герцог, пока я размышляла, налил себе из кувшина еще «чаю», положил в бокал, как я и учила, две ложки меда и с удовольствием откинулся на спинку кресла.

— Называется «чай», — не стала я выдумывать ничего нового. — Тоже папаша у каких-то восточных странников подсмотрел. Главное, воду надо кипятить не менее... м-м-м... одной двадцатой части свечи. Чтобы все это время ключом бурлила. А потом чуть остыла. Тогда вкусно.

— Понятно... Ладно, завтрак одобрен. Завтра еще раз приготовишь. Свободен.

Я спускалась по лестнице и жмурилась, как довольный кот. И думала, что завтра тоже сделаю ему блины. Но другие! Потому что повторяться скучно.

На кухне, как всегда в преддверии обеда, стоял дым коромыслом. И я сразу окунулась в бурную деятельность, проверяя, как там мои миньоны выполнили задания, которые я раздала, прежде чем уйти с подносами.

Господин Жуй, кстати, не протестовал и не пытался припахать мальчишек выполнять другую работу. Кажется, ему самому было очень любопытно, что из всего этого выйдет. А вот другие повара и поварята уже потихонечку начинали роптать. Точнее, взрослые дядьки только фыркали, а вот у молодежи тон задавал Силье. И этот старался на всю катушку.

— Что, братик, после ночевки на соломе опустился до того, что гнилую капусту чистить заставляють? — подлез он к Лиу, сосредоточенно шинковавшему кочан. Я над ним бдила долго и нудно, показывая, как держать нож и сдвигать пальцы, чтобы получилось именно то, что мне нужно. — Твой «мастер», — Силье это слово так произнес, что сразу был понятен весь скептицизм и все пренебрежение к самозванцу, — решил кормить их светлостей козьей едой вместо нормального обеда?

Я со своего места видела, как покраснели уши у блондина и как расширились глаза. Он еще кромсал капусту (но уже крупнее, чем нужно), еще держался, но явно из последних сил.

Эх, назвался миньоновладельцем — полезай в кузов. В смысле — спасай.

— Я так понимаю, это камень в очаг господина Жуя? — Творить слоеное тесто было удобнее за другим столом, но я взяла доску, скалку и миску с маслом, разом перетаскивая добро к своему капусторезчику. Раз уж он самый уязвимый.

— Это еще при чем? — надменно задрал нос Силье, глядя на меня сверху вниз, как тапок на таракана.

— У хорошего хозяина гнилой капусты на кухне не водится, — пожала я плечами. — А раз ты

выискиваешь и все же углядел, значит, не доверяешь господину Жую.

Вокруг послышались смешки, уши Лиу вернули нормальный цвет, и он снова стал смотреть на свои руки, нарезаая капусту тонкой соломкой. А вот Силье не сразу нашелся что ответить, может быть, потому, что упомянутый господин Жуй оторвался от куропатки, которую он фаршировал смесью чернослива и специй, и многозначительно сказал:

— Кхм.

Я в очередной раз раскатала тесто в тонюсенький слой и смазала его маслом, перед тем как свернуть в рулон, а недовольный Силье так и не придумал, какую бы еще сказать гадость. Поэтому просто фыркнул и ушел в другой конец кухни. Вот и умничка, вот и молодец. У меня и без него забот хватает.

Тут ведь проблема-то в чем? Супы готовить местные не умеют от слова «совсем». Та похлебка, которой потчуют высшую знать, ну, как бы... куски каких попало частей очередного несчастного животного, плавающие в жирном клейстере, — это потолок. Не спорю, сытно и, если бухнуть туда побольше чеснока, даже съедобно. Но...

И вот тут главное — не переборщить. Даже с борщом, которым я и задумала шокировать светлостей. Все же слишком непривычный вкус может отпугнуть. Поэтому за целый прием пищи не стоит подсовывать клиенту больше одного нового блюда — это правило хорошего повара. У меня сегодня будет тот самый борщ. А к нему опять же сливки вчерашние, загустевшие, вместо сметаны, обязательно ржаной, тонко нарезанный хлеб, который я чуть подсушила и подрумянила на чугунном дне сковороды и натерла чесноком с солью, и малюсенькая стопочка настойки, которую я после долгих раздумий все же постановила считать водкой. В таких дозах для пищеварения полезно, особенно учитывая, что пиво они тут привыкли хлестать вместо воды. Воду почти никто не пьет, потому что кипятить не догадывается, а сырая здешняя — это тот еще бульон из бактерий. Связь между сырой водой и диареей местные вполне улавливают. Про канализацию, правда, не в курсе, хотя как раз в замке с туалетами более-менее нормально. Имеются специальные помещения с выгребными ямами, которые регулярно чистят. Ну и ночные горшки никто не отменял.

Через две свечи после полудня на синем подносе с бронзовыми звездами стояла супница с борщом в окружении всего, что к тому борщу положено; блюдо с двумя пирогами: капустник с мясом и бельгийский штрудель; маленькая розетка с хитро наструганным салатом из редьки; ваза с настоящим мясным холодцом (пришлось ставить на ледник, чтобы ко времени застыл) в окружении соусников с уксусом и горчицей.

По местным меркам слегка простовато и маловато, здесь принято подавать в обед шесть-семь блюд. Но тут мое поварское чутье говорило четко: пусть сначала съест что дали. Потому как если не лопнет — уже, считай, повезло.

— Бери второй поднос и пошли, — скомандовала я Лиу. Таскаться по лестнице грузовым верблюдом мне надоело.

Глава 24

— Это что? — Полынная светлость недоверчиво сунул нос в фарфоровую супницу. — Почему он красный? Зачем ты вообще сварил салат? Это твоя знаменитая кухня? Что-то...

— Вы вместо того, чтобы бухтеть, попробуйте сначала, — хмыкнула я, ловко наливая борщ в глубокую тарелку и выкладывая туда же кусочек сочной грудинки. — Да нет! Погодите. Я покажу как.

Добавила сливок, насыпала прямо в тарелку мелко нашинкованной зелени, положила давленого чеснока, вручила герцогу в одну руку ложку, в другую стопочку перцовой настойки и велела:

— Залпом, а потом сразу закусывайте!

— Покомандуй мне тут еще, — отозвалась скептическая полынь и понюхала спиртное. Герцог с сомнением покосился на тарелку, но все же решился и опрокинул стопку.

— Х-ха...

— Быстро закусывайте, быстро! Во-о-от! И гренку. Ага... Ну? Если скажете, что это плохо, как есть соврете, ваша светлость!

— Ух-х-х... — выдавил Раймон, покосился на меня непонятно и... как начал наворачивать борщ!

Я отошла на пару шагов и любовалась этой картиной, словно великий художник бесценным полотном собственной работы. Нет, а что? Так и есть. Лопают же, лопают! Аж за ушами трещит!

Когда тарелка опустела, мне задали один-единственный вопрос:

— Еще есть?

— Да вон, целый горшок, — хмыкнула я. — Сейчас налью. Но вы не увлекайтесь, ваша светлость, у меня не только супы вкусно получаются.

— Его светлости Джейнсу ты тоже объяснил, как правильно начинать трапезу? — об этом герцог спросил, только когда тарелка во второй раз показала дно.

— Не-а, не успел. Я к нему вообще помощника отправил... с инструкциями. Но не знаю, будет ли его светлость слушать. Если нет, ну... сам как-нибудь разберется.

Раймон хитро ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла. Снял медный колпак с очередного блюда и обнаружил там застывший в форме холодец.

— Фу, — скривился он. — Вот это точно невозможно сделать вкусным. Лекари придумали, что оно полезно для суставов, но мне о них думать рано. Забери.

— О суставах думать никогда не рано, — заупрямилась я. — А ваши лекари просто готовить не умеют. И есть его тоже надо по-особенному. Так, берите ложку. Во-от... теперь немного горчичного соуса, чуть-чуть чеснока и капельку уксуса. Пробуйте.

— Сладкое желе с чесноком? Бр-р-р!

— Не «бр-р-р». Вы обещали!

— А ты не обнаглел?! Я не обещал давиться всеми твоими придумками. Я вообще кто тут, герцог или хвост собачий?

— Испугались холодца? Ну-у-у... тогда не знаю. В смысле, насчет герцога и этого... что вы сказали.

— Чтоб тебе провалиться, дерзкий мальчишка! Ладно, одну ложку. Не понравится — выверну эту дрянь тебе за шиворот и еще по заднице наподдам!

— Ха.

— Ты обнаглел просто до нево... хм. Хм.

Короче говоря, пироги он лопал, уже не препираясь. И к концу обеда выглядел слегка осоловелым — объелся. Ну что поделать, это уже профессиональный риск каждого дегустатора, который со мной работает.

Шел пятый день нашего с герцогом «спора». Их светлости помимо борща и холодца уже продегустировали несколько особо изысканных направлений кавказской кухни, оценили печенные на решетке овощи как приправу к любому мясу и более-менее согласились со мной в том, что селедка в сладком пироге с черносливом — не совсем то, что друг другу подходит. Изыски местной кулинарии даже меня, привычную ко всякой экзотике, иногда вгоняли в дрожь, а местные ничего, так и лопали клубнику с рыбой. Морщились, правда, — мол, полезное блюдо, но...

Я приучала светлостей постепенно, начиная с простых вкусов, старательно не смешивая сладкое-острое-кислое. Потом начала играть с доступными специями. Дорогуших привозных мне по-прежнему не особо давали, а я в пику всем скрягам уже и не просила. Если постараться, в маленьком дворике, предназначенном специально для выращивания разных съедобных и лекарственных трав, можно было найти уйму интересного.

Розмарин вообще нашелся на грядке, а это ведь один из столпов изысканного вкуса. Мята, базилик, кинза-укроп-петрушка — о них и говорить нечего. А вот, например, то, что дорогой южный тимьян вполне можно заменить самым обычным чабрецом из придорожной канавы, знают не все. Отсутствие семян аниса или вовсе экзотического фенхеля успешно компенсирует простецкий бадьян. А, скажем, аир болотный? Сорень-травка, пакость и бесполезина. Вот только эта пакость может спасти там, где корень имбиря стоит золотом по весу. И растет не только в болоте, но и вдоль забора за конюшней, там, где купают лошадей.

Короче говоря, знания — сила. А еще важно применять их в меру. И тут тонкость одна: хороший повар может записать пошаговый рецепт, разложив его даже по временной шкале. Но нечто неуловимое всегда будет присутствовать и отравлять жизнь подражателям.

Интуиция называется. Я словами не объясню, почему во время готовки руки сами иногда тянутся добавить щепотку того, плеснуть капельку другого, снять минуты на три с огня и снова вернуть. Это надо чувствовать. Чуть в едва уловимых оттенках плывущего над сковородой или кастрюлей запаха. И уметь слушать эту чуйку.

Мои миньоны поначалу кривили лица, когда я отправляла их в огород с травами, помогать старенькой симпатичной даме, заведовавшей этим богатством. Еще бы, разжалование из кухонных служек в огородные им не могло понравиться, и так парни с трудом отбивались от дразнилок разной степени злобности. Всем в нашем беспокойном хозяйстве уже стало понятно, что мое положение наособицу и ночевки в блошином сарае долго не продлятся, но тем больше народ, которому не повезло, возмущался. А Силье довольно умело, надо отдать ему должное, подогревал это недовольство.

Нам пришлось всей компанией перебраться в дальний угол барака, там дуло из множества узких окошек, а еще было почему-то больше всего блох, но зато ни одной заразе ночью было не подобраться незаметно. Только пришлось решать проблему геноцида насекомых. Мы целый вечер дружно таскали с кухни ведра с кипятком и ошпаривали старые доски пола и камни стен отваром полыни, ходили на господскую конюшню и за пару моточков «сладкого облака» выменивали у конюхов свежую солому, перемешивали ее опять же с полынью, зашивали в мешковину, но обзавелись одним большим общим тюфяком, в котором не было ни одной шестиногой твари.

Кто бы знал, сколько было нытья и попыток бунта в процессе! Хорошо хоть, с этим диким стадом пацанов работало основное правило вожака: командует не самый сильный, а самый уверенный. Тот, кто не сомневаясь раздает команды и подзатыльники, тот, кто имеет четкую цель и сам идет туда напролом.

Да, по результатам спора с герцогом Раймоном я рассчитывала перебраться совсем в другие условия. Но это когда будет? И будет ли вообще? Лучше подстраховаться и с самого начала жить как человек, а не как блохастая шавка.

Тот еще был квест — приучить свое упертое стадо ослят к гигиене. Мыться каждый день — причем не размазать грязь по физиономии слегка влажными лапами, а нормально умыться и оттирать руки. Вычищать грязь из-под ногтей, коротко стричь их (с последним я и сама замучилась, маникюрных ножниц тут не водится, и местные обходятся специальным маленьким ножом, жуть неудобно и опасно). Мыть уши, шеи и головы в целом хотя бы раз в три дня (мыльный корень с огорода доброй старушки очень пригодился). Стирать свою одежду. А впереди был мною запланирован большой банный день, и я себе весь мозг сломала, как пацанов заставить выкупаться, а самой при них не раздеваться.

Глава 25

— С ума, что ли, сошел?! — с искренним ужасом выдал Лиу, косясь на полную горячей воды старую поилку для лошадей, которую он же получасом раньше притащил в тот самый уже почти лишившийся бурьяна и полыни закут между баракom и крепостной стеной. — Кто тебя таким ужасам научил, голяком и целиком в воду лезть?! Хочешь заболеть и умереть?! Или, того хуже, стать этим...

— Так, судя по всему, вас туда придется силой запихивать, — недовольно констатировала я. — Стеснительные какие нашлись... Чего приседаете, никто ваши прелести не похитит! — это я специально для рыжего и его ближайшего друга со смешным именем Пух. Эти двое боялись воды больше всех и теперь пятились на полусогнутых, явно намереваясь задать стрекача. — Стоять! Вот так... Вы же не девицы на выданье!

— И не эти... — резонно возразил Лиу. — Как их... вот нахватался в папашинoм трактире ерунды, теперь нормальных парней совращаешь! Сразу видно, в порту ваша обжираловка была, там все бесстыжие и от иноземцев плохому ученые. Голыми только постельные мальчишки восточных купцов моются, те, которых там в каждом гареме по десятку! А мы честные ребята и...

— Ты сейчас на что намекаешь? — сладко-сладко улыбулась я, уперев руки в боки. — На то, что я пытаюсь сделать из вас свой гарем?

— Э... — Лиу от такой моей улыбочки тоже отступил на пару шагов. — Ну... нет... но...

— Бес с вами, стеснительные девственники, — уже откровенно глумилась я, про себя ухохатываясь, а еще довольно потирая лапки. Ну да, мне и самой раздеваться страсть как неохота. Если я уговорю контингент лезть в корыто прямо в штанах и рубахах — не страшно, и сами вымоются, и одежда чище станет. И мой секрет в целости. — Раз вы такие невинные и целомудренные, будете мыться не раздеваясь. Показываю один раз!

И, сбросив только сапоги, смело полезла в поилку.

Парни смотрели на этот цирк квадратными глазами. А я вдруг вспомнила кадр из какой-то старой передачи про путешествия. Там показывали некую реку в некоем месте мира, где раскосое население про цивилизацию было в курсе, но руками еще не щупало. И вот там мальчишка, выменявший у иностранных моряков в порту связку бананов на кусок мыла, входил в зеленоватую воду прямо в одежде и начинал усердно мылиться прямо поверх штанов и рубахи. Он так рьяно растирал по себе пышную розоватую пену, что скоро превратился в немного подтаявшего земляничного снеговика. А потом нырнул в реку с головой и вынырнул чистый-прополосканный от кучерявой коротко стриженной макушки до мешковатых штанов.

Ну что... отвар мыльного корня такой шикарной пены, конечно, не дает. Зато его у нас было целое ведро, и я, с головой окунувшись в поилку, выбралась обратно и напузырилась им от души. Потом заставила Лиу поливать меня из ведра. Потом, уже почти чистенькая, снова нырнула с головой. И финальным аккордом — ускакала за сшитую из дюжины разномастных мешков занавеску, натянутую между углом барака и держалкой для факела, торчавшей из стены.

Из-за занавески выбрался к миньонам совсем другой Юль. Чистый, причесанный лошадиным гребнем, который я выменяла на пару блинчиков, в свежем костюме из все той же мешковины. Собственно, «костюм» — громко сказано. Один мешок с дырками для головы и рук — туника, другой раскроен в примитивные штаны на веревочке. А что? Не ходить же в мокром. Пока старая одежда сохнет — и так сойдет.

— Порядок действий понятен? — спросила я, натягивая сапоги. — Сами или вас силком макать? И мыть, как маленьких?

— Псих! — убежденно выдал Лиу, глядя на меня странными глазами. Остальные тоже пялились, но хоть больше не пятились.

— А кто вам виноват? — пожала плечами в ответ. — Сам выбрал, с кем на лук спорить. Вот теперь первый лезь в корыто. Костюмчик на смену за занавеской. Сразу переоденешься, вот и не заболеешь.

— Чтобы я... вот это напаялил?! Когда ты успел?!

— Там и успевать нечего, мешков нам в последние дни перепало щедро. А будешь капризничать, приду и сам тебя одену. И да, чтоб тебе не так грустно было... и остальным тоже. Кто будет регулярно мыться — научу делать сахарное облако, без дураков. Со всеми секретами.

— Псих... — звучало уже обреченно. Ну да, ну да, положительное подкрепление после

подзатыльника всегда работает лучше, чем каждый из компонентов по отдельности.

Через два часа, когда солнце уже спряталось за крепостную стену, а горячая вода остыла окончательно, я любовалась на свое войско с нескрываемым удовольствием. Еще бы! Например, темно-рыжий Цанти внезапно превратился в золотистого кудрявого ангелочка с морковными веснушками на щеках и носу. Его дружок Пух и вовсе оказался очень светлым блондином с младенчески-розовым личиком. Кори, Бори и Наталь тоже как-то внезапно посветлели и перестали казаться смуглыми. Еще бы, этих я собственноручно, наплевав на все, оттирала мыльной мешковиной до скрипа. Они самые мелкие среди нас, поэтому справиться оказалось просто.

Один Лиу не сильно изменился — все же он изначально жил в лучших условиях и так сильно замурзаться не успел. Но все равно вымытые и собранные в низкий хвост светлые волосы, распушившись вокруг довольно тонкого лица с острым подбородком и большими зелеными глазами, превратили мальчишку в красавчика.

— Ну вот, приятно посмотреть, — констатировала я. И про себя заметила, что нашла еще одно отличие этого мира от Земли. Здесь почти нет некрасивых или просто заурядных людей. Если такие встречаются — вот, например, как господин Жуй, — то, наоборот, привлекают всеобщее внимание своей необычностью. Потому что в основном люди здесь на редкость хороши собой.

— Было бы на что любоваться, — фыркнул тем временем мой первый помощник. — Сам-то... наряди в платье — и никто не догадается, что ты не девчонка.

У-у-у, опасная тема.

— Иди на свое собственное отражение в лошадиной поилке полюбуйся, — съехидничала я. — Косы заплести, губы накрасить клюквой, как у горничных, и ни один ловелас не устоит.

— Да ну тебя, — сразу всполошился Лиу. — Я вообще...

Он посмотрел на меня пристально и очень странно, а потом вдруг стремительно покраснел и отвернулся.

М-м-м? Чего это с ним?

Переглянувшись с остальными миньонами, я вопросительно подняла брови и дернула подбородком в сторону зарумянившегося помощника. Мол, что? А?

Но те в ответ только пожали плечами. Дружно и немного испуганно. В их глазах было то же самое недоумение.

— Эй! Придурки! — В окошко высунулась взлохмаченная голова, и я с трудом опознала в этом чучеле Гуся. — Че вы тут устроили? Ща вам будет! Юль, тебя обыскались уже!

Глава 26

— Кому там нейдет в очередной раз? — бухтела я, протискиваясь в узкое окошко барака и хмуро наблюдая за тем, как следом за мной лезут миньоны. Лиу надо было страховать — это мы с мелкими селедки те еще, проскользнем в любую щель, как таракан под дверью кладовки, а этот товарищ наотрачивал себе широченных плеч и застревает ими где попало.

— Бегом давай, — пихнул меня в спину Гусь и обиженно шмыгнул носом. Этот хитрован давно и явно завидовал миньонам, но держался подчеркнуто в стороне и ни о чем не просил.

Как оказалось, «неидет» господину Жую. Он встретил меня на кухне дежурным подзатыльником, по силе которого я легко определила, что Гусь слегка сгустил краски: повар в благодушном настроении, хотя о чем-то слегка обеспокоенно начинает думать.

— Значит, так, Юль, — без долгих предисловий выдали мне. — Что вы там с его светлостью напорили, то мне дела нет. А про чистые комнаты дурак не догадается: хочешь статус свой повесить и переехать, но хитришь, чтобы приказа сверху не было. Правильно хитришь, за такие интриги турмалином полетел бы отсюда. Так вот. Баранина у нас залежалась. Много. Олухи с бойни сразу все стадо закололи, а гостей больше не предвидится. Наши светлости баранину не жалуют. Ни в похлебке, ни в жарком. Часть самого нежного я уже использовал. А остальное... Пропадет продукт. Совсем. Давай. Предложишь что-то дельное, чего господа еще не пробовали, чтобы все мясо ушло, будет тебе комната.

— И моим пацанам! — быстро вставила я, сразу отскакивая на полшага.

Угадала.

— Наглый мальчишка! — взревел господин Жуй. Но ни ногой пинка дать не достал, ни рукой с подзатыльником не дотянулся. — Две комнаты. И селитесь, как хотите, хоть кодами, хоть поодиночке. Но только если справишься, понял?

— Понял... сделаем. — И я отошла в уголок. Посидеть, подумать.

Что значит — светлости и прочие придворные не любят баранину? В чем причина нелюбви? У этого мяса весьма специфический привкус, не спорю. Но при местной любви к дорогим специям как к признаку статуса и «бохатства»... эти самые специи фигачат в любое блюдо горстями, и не одну какую-то, а три-пять видов. Частенько не поймешь, что там под ними — баранина, говядина, ослятина... или вообще хорошо отваренная запчасть от вертолета.

Может, в этом все и дело? Стараясь замаскировать специфический вкус, в баранину сыпят этого дела еще щедрее. Тут не только герцог какой-нибудь взвоят, даже автоматическая хлебрезка подавится.

Значит, что? Значит, нам нужны блюда, в которых привкус этого мяса надо не забивать, а только оттенить. Так, чтобы он стал приятным.

Хм. Хм. Ну все просто.

Будут им классические хинкали, будут им котлеты... туда, правда, и другого мяса надо добавить, но это мелочи, выбью из кладовщика. И будет им классический кавказский шашлык.

Дым стоял коромыслом весь следующий день. Я сначала показывала мастер-класс, как сделать фарш из трех сортов мяса, не имея мясорубки. А всего-то и нужно, что массивная деревянная доска для рубки и два тяжелых ножа с широким полотном, похожие на топоры с короткими рукоятками. И пошло веселье. Потому что именно этот фокус был моим козырным в студенческие времена. А еще потому, что я по неким необъяснимым даже для себя самой причинам обожала этот процесс.

В результате нарубила фарша аж два ведра. Котлет — не хочу. Кстати, пюре из местных кореньев получается не хуже картофельного — только лучка туда, обжаренного на сливочном масле, да пару крупинок мускатного ореха. Для полных гурманов можно обжарить и размолоть в пасту несколько печеных каштанов, такая добавка вместе со сливками, маслом и сырыми желтками превратит в пищу богов почти что угодно.

А когда я принялась жарить на углях в очаге замаринованное по всем правилам мясо... пожалуй, я и сама прибежала бы на этот запах.

— А неплохо в портовых тавернах кормят. — Лиу, всю дорогу крутившийся поблизости, в который раз сглотнул слюну. Но под руку не полез, уже пару раз схлопотал ложкой в лоб и научился. К тому же все мои миньоны знали, что ту долю, которая причитается мне как «автору блюда», я всегда

честно делю на всех.

— Очень много народу приезжает, на каждом корабле свои секреты и обычаи. — Я перевернула шампуры, покосилась в сторону греющего уши Силье и усмехнулась. Лиу, сам того не подозревая, помогал мне строить легенду моего прошлого и выдавал кучу информации, которая могла бы пригодиться в будущем. Про портовый кабак — он додумался, а потом на ходу дорисовывал подробности, я сама старалась поперек батьки в пекло не лезть, зато слушала очень внимательно и время от времени вставляла выверенные комментарии. — Папаша мой, светлого ему небушка, страсть любил все необычное. Привечал с бесплатной выпивкой тех гостей, кто мог многое рассказать, а еще лучше — показать. И не боялся допустить в кухню каждого, кто после трех бокальчиков вина заводился на спор показать, что приготовит лучше местных.

— То-то погорел ваш трактир, — злорадно ухмыльнулся Силье, рассчитывая, видимо, пнуть меня в болевую точку. Просчитался, хотя я старательно изобразила замершую на секунду руку. Мол, прониклась, но вида показывать не хочу. Пусть думает, что попал, и не ищет других путей уেষть.

— Придурок! — ожидаемо вызверился на брата Лиу и не кинулся в драку только потому, что я жестко поймала его сзади за пояс. — А к тому же еще и дурак. — Блондин чуть выдохнул. — Тогда половина порта сгорела. Люди до сих пор это несчастье помнят, один ты, как стервь последняя, в горелые кости норовишь вцепиться! Тьфу!

У-у-у... держим за пояс, держим. Потому как братик наш позеленел от злости и сейчас что-нибудь ответное выдаст, отчего у Лиу окончательно снесет приборную панель. Плавали — знаем.

— Ты! Предатель! Не надоело лизать задницу малолетке, да еще тому самому, что метит на место твоего родного дяди?! Явно в главные повара рвется, сопля! А ты ему подмахиваешь!

У-у-у... В большом шумном помещении как-то разом стало тихо.

А я подобралась как кобра перед броском. Потому что эту песню я узнаю с первой ноты. Кухня — это не только место, где готовят разные вкусности. Тут варят интриги, выпекают подставы и взбивают крутую пену сплетен днем и ночью. Здесь надо держать остро не только ухо, но и ножи. Здесь надо успеть предугадать шаги противников, и если не ударить первым, то хотя бы достойно парировать.

Господин Жуй пока на такую глупость даже не обернулся. Но это пока. Тут словечко, там шепоток. Разговоры среди поваров. Многозначительные взгляды. Нарочитые похвалы моему искусству перед господином главным поваром.

Сама не замечу, как получу врага вместо лояльного начальства.

— Да уж скорее ты сам на место дяди метишь, — громко, чтобы все услышали, и побольше уверенной насмешки в голос. А брыкучего миньона не только за пояс удержать, но еще и за задницу ущипнуть от души, чтобы смирно стоял. — Мне-то оно зачем? Я папашину память завсегда уважал и изменять ей не собираюсь. Будет у меня свой трактир, буду так же гостей встречать и новое у них узнавать. А с господином Жуем будет у нас полное уважение, уж не откажусь хорошему наставнику рецепт-другой поинтереснее рассказать. И выпить вместе. Слухи пойдут, что я с самым королевским поваром в дружбе и учился у него — от клиентов в кабаке отбоя не станет!

Еще пару секунд было тихо. А потом господин Жуй обернулся ко мне, осмотрел с головы до ног и... заржал в голос.

Глава 27

— Наглый, самоуверенный мальчишка! — продолжал веселиться главный повар. — Выпивать, значит, со мной собрался? Кто тебе сказал, что я налью?

— Почему вы? — невинно удивилась я. — Вот еще. Когда я заведу самый посещаемый трактир в этих землях, это мне будет честь угощать вас самым дорогим и редким вином.

Новый взрыв хохота вышел таким заразительным, что поневоле начали подхихикивать сначала кухонные мальчишки, потом парни постарше, а потом дружно ржали уже все.

Кроме Силье. Тот смотрел на меня такими глазами, словно я только что у всех на глазах зарезала всю его семью.

Вот же ему нейдет.

— Размечтался, — буквально прошипел парень. — Ты приютский оборвыш, нищий, как помойная крыса. Да ты за сто лет ни на какой трактир не заработаешь, а языком мелешь про лучшее вино-о, как же. Посмотри на себя, думаешь, ты особенный?

Но я смотрела не на себя, а на него и пыталась понять, почему его так плющит. С чего? Не, бывают просто так психи, с рождения, не спорю. Мозг — место темное. Но я не слепая и все время незаметно приглядывалась к опасному чудиле. Хотя бы на предмет вовремя отреагировать, если у него очередной пинок на кончике сапога зачесется.

Так вот, Силье не псих. Нормальный он. И со всем остальными обитателями кухни общается как вменяемый человек, и своих собственных миньонов шпынует в меру и по делу. Клинит его только... только на брате. Причем, насколько я поняла, с того момента, как Лиу все свое время стал проводить в качестве моего «раба», клин этот превратился в шило, вырос в разы, раскалился и обзавелся моторчиком, поскольку вращается у близнеца в заднице не переставая. Вот увидел меня, увидел брата рядом — и понеслось, разогреблось, раскрутилось, пробурило.

— Обычный я. Руки есть, ноги есть, голова в наличии. Заработаю и на трактир, и на лучшее вино в королевстве. И тебе не мешаю тем же самым заниматься.

— Очень надо мне, — словно обрадовался парень, — сравнил какую-то вшивую забегаловку и дворцовую кухню! Только дурак уйдет отсюда на улицу, с дурацкими же мечтами про дурацкий вонючий трактир для пьяных матросов.

— На вкус и цвет все специи разные. — Я пожала плечами и вернулась к шампурам. Ага, пора переворачивать. И разведенным уксусом сбрызнуть. — Тебе дворцовая кухня милее, у меня своя мечта.

— Вот и вали в свою мечту, нечего другим голову морочить и за собой сманивать!

Я склонила голову к плечу. Посмотрела на Силье. Потом обернулась и с ног до головы оглядела своего первого помощника. Лиу старательно переворачивал дальние шампуры и делал вид, что разговор его больше не касается.

— Разве я кого-то сманиваю с собой? — этот вопрос был мне нужен, чтобы кое-что проверить. Жаль, у меня нет разбегающегося косоглазия, смотреть сразу в две разные стороны мне очень трудно. А надо.

Ну да. Точно. Вскинулся не только Силье.

Лиу тоже дернулся, и я получила от миньона тако-ой взгляд...

Подумаю об этом позже, пожалуй. У меня шашлык готов, и пора нести его товарищам герцогам. На двух подносах.

— Помогай, — коротко скомандовала, и Лиу, несмотря на свои огненные взгляды, даже не подумал ослушаться. Подхватил поднос для медовой светлости, я мельком проверила, все ли там на месте: шампуры с горячим нежным мясом, бутылочка с уксусом, нарезанный крупными кольцами злой лук, посыпанный сухим майораном, мелко нашинкованная зелень, холодная, с ледника, бутылка с красным вином, немного похожим по вкусу на сухое «Саперави», только лучше. Тонкие лепешки — не лаваш, конечно, но я сделала все, что смогла. Отлично, двинули.

— Сегодня ты зайдешь ко мне, а твой брат отнесет обед Раймону, — с ходу огорошил меня медовый, стоило нам с Лиу оказаться в нужном коридоре. Такое впечатление, что он караулил стоял. Днем-то мы тут уже дважды побывали, принеся среди прочих блюд, приготовленных остальными поварами, сначала хинкали, потом котлеты. Шашлык у нас шел соло, потому как иначе тяжеловато на ночь,

уморить светлостей мне не хотелось, хотя господин Жуй и ворчал, что где это видано, такой скудный ужин. А сам принохивался и хищным взглядом пересчитывал палочки с мясом, оставшиеся на импровизированном мангале после того, как прислуга разобрала порции, предназначенные разным там придворным. Хорошо, я нашу с пацанами долю сразу отложила.

Поскольку дверь полынного герцога на этот раз оставалась закрытой и других приказов не поступало, я пожала плечами и пошла куда сказано, взглядом придав ускорения Лиу — мол, не стой столбом, корми второго.

И только сервируя ужин на аккуратно прибранном столе в покоях герцога Джейнса, вдруг задумалась: а почему он назвал нас с Лиу братьями, интересно? Спросить? Или ну его? Пусть так и думает?

— Приятного аппетита, ваша светлость. Мясо надо сразу есть, пока горячее, и поливать вот этим... ага. И луком закусывайте. Вино сейчас налью...

— Который день удивляюсь странному меню, — заметил медовый герцог, с интересом наблюдая за моими действиями.

Я налила ему вина в бокал и уставилась вопросительно.

— Твои придумки?

— Папашины. У него трактир в порту был, да погорел. Помните большой пожар два года назад? Вот. Там папаша и остался. Но научить многому успел, светлого ему небушка.

Хорошо, что я наблюдательная и память у меня ничего так. И перепалка с Силье пригодилась, и словечки, подслушанные и подхваченные у местной прислуги, вворачивались легко, как родные. А всего-то три вечера порепетировала в бурьяне за бараком.

— Понятно. А брат твой вроде давно здесь работает. Отец отдал в замок в услужение?

Упертый какой, и вопросы задает неудобные. Я только обрадовалась, что он счел нас с Лиу родственниками и это само по себе снимает много подозрений, как на тебе.

— А почему вы про братьев говорите, мы так похожи, что ли?

Пойдем еврейским путем. Кто к нам с вопросом придет, тот его и огребет в тройном размере.

— До сегодняшнего дня не обращал внимания, а теперь вот показалось. Хм. То есть он не твой брат?

— Нет, — была вынуждена все же ответить я. — Да тут половина пацанов на одно лицо, вы в кухню загляните.

И даже не слишком соврала, одна копия Лиу на кухне точно есть. Но вообще, кто бы мне ответил: чего эти два ко мне так прицепились? Ладно, соперничество. Но не из-за слуги же?

— Много вас таких там, говоришь? — как-то задумчиво протянул Джейнс и подозрительно прищурился. — Ладно, иди. Мне надо подумать.

Глава 28

— Возможно, мы допустили ошибку. — Тонкая рука потянулась из-за спинки кресла к резному столику, в полированной поверхности которого отражались мерцающие в камине угли и два серебряных бокала с вином.

— Мхм? — Второе кресло темнело неподвижной глыбой.

— Я сходил и посмотрел специально. На кухне минимум трое мальчишек похожи на отпрысков серебряной династии. Естественно, это всего лишь поварята, но... — Кресло чуть скрипнуло, бокал с едва слышным стуком опустился на широкий подлокотник.

— А чему ты удивляешься, собственно? — Второй бокал тоже взяли, и он исчез за широкой спинкой. — Слуги в королевском замке живут поколениями. Да и не только в королевском. Вспомни своего дворецкого. Этот старый зануда гордится тем, что его родословная длиннее твоей. Еще его предок в двенадцатом, что ли, колене работал дворецким в замке Браганта. Ничего удивительного, если где-то в этой тьме веков королевские отпрыски уделяли внимание хорошеньким служанкам. Куда потом, по-твоему, девались эти дети? То есть кого-то отсылали от греха подальше, а кто-то оставался. И давал потомство.

— Это понятно. Я о другом. — Первый голос звучал задумчиво и слегка встревоженно.

— Мхм?

— Артефакт не называет имен и не дает никакой подробной информации. Он только показывает в замке наличие королевской крови. С чего мы решили, что это именно принцесса? Откуда мы знаем, что она не покинула резиденцию до того, как мы подняли завесу?

— То есть ты думаешь, что... — Мужчина в темном кресле резко выпрямился, и на фоне медленно тлеющих углей очага стал четко виден хищный профиль герцога Браганта.

— Именно. — Его собеседник, первым пригубивший вино, так и прятался в глубине своего кресла. — Именно, Раймон. Несколько достаточно близких к основной линии бастардов могут создать помехи для артефакта. Или вовсе обмануть его.

— Так, погоди. — Раймон сцепил руки в замок и наклонился к собеседнику, перегнувшись через ручку своего кресла. — Погоди... но этот мальчишка появился здесь недавно. Из приюта. Жаль, пока не могу проверить из какого. А осторожные расспросы через моих людей ничего не дали — новый набор мелкоты был привезен буквально за несколько часов до исчезновения принцессы, они все были из разных приютов, причем, я так понял, часть беспризорников вообще только отловили на рынках и дорогах. Они друг с другом незнакомы. Но оставим это на время. Этот Юль, если подумать, похож на потомка серебряной династии больше, чем сама Юйриль. И он не родовой замковый слуга.

— Я же говорил — не все дети оставались там, где появились на свет. Кого-то увозили к родне или отдавали на усыновление, например. Или просто бросали на крыльце магистрата. Так что ничего удивительного. К тому же есть еще один вариант. Покойный папочка Юйриль в молодости был красив, как бог похоти, и так же любвеобилен. Причем развлекался он не только в своей королевской резиденции. И по слухам, особенно любил хорошеньких трактирищиц.

— Понятно... и что теперь делать?

— Нет, до того, как все это постираем и прокипятим, в комнату нести не дам! — категорически заявила я, глядя на кучу сваленного посреди барака барахла. — Тем более что там есть кровати и... так. Лиу, а ты когда там жил, тебя блохи не кусали?

— Не так, как здесь, но бывало, — недоумевающе пожал плечами парень. — Так везде кусают. Даже у господ.

Он был в последнее время непривычно тих и исполнительен. Делал все, что я ему поручила, на пять баллов, быстро и ловко, но при этом словно о чем-то своем постоянно думал. А порой я ловила на себе его немного странный взгляд.

Я мысленно содрогнулась, вспомнив, как читала, для чего высокородные дамы этих и даже более поздних времен заводили себе маленьких собачек. Да-да, именно для того, чтобы блохи с дамы перебирались на более вкусную для них собачку... какой ужас.

— Терпеть не могу кусачих тварей, вот такая у меня странность. Поэтому в моих комнатах и на моих помощниках их не будет, — решительно заявила я.

— Да мы заметили, — пробухтел Цанти, — что ты ненормальный с этими блохами, стирками и мытьем. Угораздило же...

— Ты чем-то недоволен? — Моя слегка выгнутая бровь произвела должное впечатление.

— Не-не, очень доволен! Очень!

— Тогда иди и принеси горячей воды. Все идите. Воды надо много.

— У-у-у-у! — хором сказали миньоны.

И пошли за водой, потому что за две недели знакомства уже поняли, что спорить со мной бесполезно.

Дальше все было весело. Нам выделили две комнаты в крыле для слуг более высокого ранга, в самом конце коридора и на самом последнем этаже.

Поскольку лифтов тут не придумали, а для того, чтобы поесть, сходить в отхожее место или просто включиться в бурную жизнь, надо без конца скакать по узкой темной лестнице с риском свернуть шею, было понятно, что жилье наше далеко не элитное. Для примера, господин Жуй жил на первом этаже, Силье с остальными старшими поварами на втором, а нас загнали на пятый.

Ничего, кто в пионерлагере отдыхал, тот пешком не ходит, он им бегаёт. И пятым этажом нас не испугать.

Если подумать, господин Жуй все равно сделал мне поблажку. Мог бы и послать куда подальше вместе с выигранным у герцога спором. Но старший повар, на мое везение, честный человек. Он не просто так позволял мне хозяйничать у огня все это время. Он перенимал рецепты. А как иначе? С чего бы товарищу главповару на пустом месте альтруизм разводить?

Нет, он четко и осознанно позволил мне показать ему новые горизонты. Мало того, что перенял все, что хотел, — как по-настоящему творческий человек, господин Жуй сразу и дополнил, и изменил, и улучшил в чем-то. Сегодня с утра сам блины жарил и даже подкидывал их к потолку почти так же ловко, как я. Мастерство не пропьешь.

Уважаю и считаю это честным обменом. Положение начальства от моих экзерсисов не только не пошатнулось, но и укрепилось, он теперь будет сам баловать хозяев новыми блюдами, я вернусь на свое место... нет, не поваренка, все же повара, хотя и первого с конца. Оба мы получили выгоду. А я еще и отдельную комнату, откуда прямо сейчас изгоню все лишние организмы.

— Я буду спать здесь. — Сумрачный первый помощник с мокрой головой и охапкой соломенных тюфяков проводил глазами ускользнувших за водой младших миньонов и решительно направился ко второму топчану в комнате.

— Кто тебе сказал? — удивилась я. — Вообще-то, мне компания не нужна.

Еще бы, блин-оладушек. У нас тут в комнате ночной горшок с крышкой, если что. Чужая естественная физиология меня не волнует — ну встанет мальчишка ночью пописать. Эка невидаль. А вот моя собственная вовсе не хочет каждый раз по-маленькому бегать с пятого этажа на первый. Я-то не мальчик, и в таких интимных подробностях только дурак не заметит разницы. И вообще, хоть помыться бы нормально, раздевшись!

— Ах, не нужна? — Внезапно покрасневший пятнами Лиу рывком развернулся ко мне и уставился в упор.

Глава 29

Ой, беда-беда, огорчение. Понятия не имею, что с ним происходит, мы знакомы меньше двух недель. Откуда у меня чувство, словно я за этого мальчишку уже всерьез отвечаю? И перед кем, главное?

Перед самой собой. Впрочем, вот это так всегда было. Мой единственный судья всегда — моя совесть. На мнение окружающих мы кладем набор с прибором при первой же возможности. А вот от себя не убежать.

— Так! — Я стремительно шагнула к Лиу вплотную, отобрала тюфяки, отбросила их в сторону и положила ладонь опешившему от такого быстрого развития событий парню на лоб. — Понятно. Жар. Ты почему голову нормально не вытер?

— Чего? — Сбитый с толку и с воинственно-непонятного настроя блондин попятился, а я ринулась завоевывать плацдарм, пока там на оборонительных позициях не опомнились.

— Заболел. Сейчас как пойду, как позову господина лекаря... не знаю, что он с тобой сделает. Может, пиявку поставит на лоб, может, ведро горького отвара заставит выпить. Но это явно поможет прочистить тебе мозги.

Лиу еще раз моргнул и обиженно прикусил губу. Все еще обиженно, да, но уже без той обжигающей злости, под влиянием которой люди обычно делают те самые глупости, о которых потом жалеют всю жизнь.

— Да что ты несешь! — опомнился наконец старший миньон, раздраженно подхватил с пола свои тюфяки и плюхнул их на топчан. — Я сплю тут. Все. Иначе Силье нам обоим прохода не даст, будет изводить тем, насколько ты не ценишь родственные связи нашего дядьки.

— Ах во-от в чем дело. — Я задумчиво почесала нос. — И ты из-за этого завелся?

— Нет, — коротко буркнул блондин, поворачиваясь ко мне спиной и аккуратно расстилая тюфяк.

— А из-за чего? — Если он думал, что я так просто отстану — у-у-у... плохо меня знает, ребенок.

Лиу на секунду замер и снова занялся делом. Молча. Пришлось ждать целую минуту, прежде чем он, быстро оглянувшись, напоролся на мой пристальный взгляд. Переглотнул и зло поджал губы:

— Из-за того, что я так решил. Я теперь с тобой. Все.

— А меня спросить?

— Нет.

— Ахуе... афиге... потрясающе! — Я еще пару минут осмысливала эту нелепицу, попутно решая, сколько пинков понадобится, чтобы выбить эту самоуверенность из моей комнаты вместе с тем организмом, в котором она так некстати взошла и заколосилась. И надо ли выпинывать?

— Ты умный. Но при этом в некоторых вещах полный придурок. — Лиу устроил наконец свою постель, окинул меня взглядом с ног до головы и нахмурился на дверь. В которую как раз вошел Цанти с какой-то циновкой на палках. Я не сразу поняла, что это такой примитивный аналог ширмы, которую рыжий по команде старшего миньона расставил в середине комнаты.

— Нормальные люди вот так делают, — пояснил мне сие действие Лиу. — Если уж такие стеснительные. А не гонят друзей на улицу.

Я промолчала. Потому что, когда парень, который вызвал тебя на спор, чтобы превратить в мальчика на побегушках, а потом, пусть и не без выгоды для себя, приспособился очень быстро и в целом показал себя умным, не подлым и достаточно стабильным психически, называет себя другом... надо быть полной идиоткой, чтобы его грубо обламывать.

Понятно, что до настоящей дружбы тут как до Китая на китайских палочках вместо ходуль. Ее, настоящей, наверное, и не успеет зародиться. Я не собираюсь задерживаться в замке дольше необходимого. Но пока я здесь — плевать в колодец неразумно. А еще — буду последней свиньей, если не оставлю парням о себе что-нибудь на память. В виде хороших рецептов, полезных навыков и некоторых хитростей. Много не успею, но что-то всяко лучше, чем ничего.

А при наличии ширмы, репки-турнепки, ужиться как-то можно. Хотя миньоны и ворчат про господские замашки, которые непонятно где подхватил беспризорник и трактирщиков сын.

В общем и в целом дальше жизнь наладилась. Конечно, одной в комнате мне было бы проще, я бы даже дневник принцессиной бабушки выкопала из бурьяна и принесла в комнату, если бы могла просто ее запереть. Но с соседом не рискнула. И со своими гигиеническими делами старалась разобратся в его отсутствие, что было в целом не сложно: миньону всегда можно найти задание вне комнаты.

Завтраки-обеда-ужины я так и таскала их светлостям в четыре руки, разве что, кажется, господа герцоги о чем-то между собой договорились и менялись мною, как детсадовцы машинкой, через раз. То медовый кивал на дверь, встречая нас в коридоре, и я послушно тащила ему поднос и накрывала на стол, и тогда к полынному топал Лиу, то наоборот.

Напрягало только то, что оба с поразительным упорством рвались со мной беседы беседовать. А вот с моим помощником никто никаких разговоров не заводил.

Господин Жуй все время ставил меня работать где-то поблизости от себя и наблюдал. Я, конечно, помнила, что у меня впереди свой собственный трактир и для него стоит приберечь некоторые секреты, но и не жадничала. Да я и сама смотрела в оба, мне было чему поучиться. А то! Все же я повар из двадцать первого века. И хотя я довольно успешно приспособила свои навыки к нынешнему времени, полно осталось вещей, которые легче перенять с рук опытного человека, а не изобретать велосипед самой.

Например, тот же очаг — он тут король всего. Никаких вам плит, духовок и прочего изыска. Как в нем регулировать температуру, как обеспечить равномерную прожарку или запекание?

Одним мужиком у гигантского вертела тут не обойдешься. И просто котелок воды, подвешенный над огнем на цепи, при варке по-настоящему вкусного супа — не выход. Приходится быть изобретательными.

Кстати, пироги и коржи тут пекутся в больших и глубоких чугунных сковородках с такими же большими и глубокими, точно подогнанными крышками. Это сооружение правильно размещается в углях, и, если повар не дурак, выпечка получается отменная. Но с налета эти хитрости не освоить — мало подглядеть, надо, чтобы руки запомнили. Моторика в нашем деле вообще не последняя вещь.

Кстати, у меня с ней поначалу были те еще проблемы, потому что это все же тело принцессы, а не опытного повара. Но избавилась я от них как-то на удивление быстро. А ведь думала, что придется долго и нудно нарабатывать нужную память мышц. Ан нет. Тело словно само «вспоминало» то, чем я владела в прошлой жизни. И так же привычно бодро осваивало новые приемы: вот уж этим я всегда гордилась и не зря имела репутацию уникама, снимающего рецепты «с рук».

Допрос зеркальца никаких ответов мне не дал. Юйриль ничего не знала и ужасно злилась, когда видела мои новоприобретенные мозоли, мелкие порезы (а без них даже самый крутой ас не проживет на кухне и недели) и прочие свидетельства «чернавкиной души». И ругалась, даже не обращая внимания на мои угрозы закопать к бабкиному дневнику. Единственная дельная мысль, ею озвученная, пришла ко мне в голову и сама: возможно, моя душа пришла в этот мир не одна. В смысле, притащила с собой весь опыт прожитой жизни в виде «матрицы сознания», и теперь эта самая «матрица» меняла мое тело так, чтобы оно ей больше соответствовало.

Хм. А интересно, к концу процесса я не превращусь в себя саму — прежнюю увесистую тетеньку под сорок, способную камаз на скаку остановить? Было бы забавно...

Глава 30

Я так и знала. Я так и знала! Надо было наплевать во все колодцы сразу и выпнуть назойливого миньона из личной спальни, невзирая на вопли совести и прочие проявления дебилизма...

Что вот делать теперь?! Могла бы заранее подумать, кретинка, почти до сорока лет теткой дожидаясь, а таких простых вещей учитывать не научилась!

Ну вы поняли, да? Они пришли. Ежемесячные женские неприятности. Полным комплектом: с тянущей болью в животе и пояснице, с отвратительным настроением и желанием покусать не только ближнего, но и всех подряд. И ладно бы это, сжать зубы и пережить. Но что делать с отсутствием прокладок?! И невозможностью спокойно помыться. И соседом за соломенной перегородкой, которого днем-то еще можно выставить, а ночью куда девать?!

Ох, брюквы наши тяжкие. Ладно. Придется вспомнить молодость. Я еще застала «благословенные» времена, когда никаких одноразовых средств не было, кому повезло — тот покупал вату и марлю, кому нет — замачивал тряпки в тазу и прятал под ванну, чтобы утром постирать.

Был у меня тогда так называемый гигиенический пояс. Зверское пыточное приспособление, придуманное чертями в аду, не иначе. Но работало на все сто.

Теперь мне предстояло соорудить себе такое же собственными руками. Благо хоть поясница и болит, сам трындец только на подходе и еще не наступил.

Значит, так... слава богу, что я уже успела переместиться из общего барака хотя бы за ширмочку. И очень мне повезло, что в связи с повышением статуса я уже не одеваюсь в штаны из дерюги — господин Жуй выдал поручение кастеляну, и я обзавелась нормальным по здешним меркам гардеробом, а также получила нечто вроде постельного белья. То есть тюфяк, который надо самому набивать сеном, не слишком новую простыню и шерстяное одеяло. А также некоторое количество просто ветхих тряпок, из которых нужно было выкраивать кусочки, чтобы ставить заплатки на выданные штаны и тунику.

Нижнего белья, кстати, никто не обеспечивал. Кажется, его тут в принципе не носили.

Ну вот. Я уже выменяла на универсальную валюту — сладкую вату — иголку с ниткой у одной из горничных (те, что я забрала из шкастунки принцессы, пришлось прикопать вместе с дневником от греха. Слишком дорого и тонко выглядели, заметит кто в руках — вопросов будет много) и теперь старательно вспоминала уроки кройки и шитья из средней школы. Ну а что? Рубаху и штаны я себе сшить сумела, так что трусы с подкладкой и карманом подавно осилю...

Главное, чтобы зрителей не набежало. Который день пытаюсь приучить это дикое стадо. Я аж палку себе завела возле кровати — выдавать по заднице каждому миньону, который с воплем врывается в личное пространство, забыв постучать не только во входную дверь, но и в ширму. Даже Лиу разок получил, страшно изумился, но почему-то не обиделся. Только весь день смотрел на меня странно, когда думал, что я слишком занята и этого не замечаю.

Ладно, сейчас четыре утра, за окном серенький рассвет, и для шитья его хватает, а сосед мой будет спать еще минимум два часа — подъем для поваров здесь в шесть. У меня есть время.

Через час я с трудом разогнулась и сдержала горестный стон: да, гигиенический пояс я сшила и даже надела, но спина разболелась неимоверно, к ней добавилась голова, и в целом мне хотелось не начать новый день, а, например, закончить этот мир. Чтобы раз — и конец света. И не надо вставать и идти на кухню работать...

— Я схожу к госпоже Барбре, — сказал вдруг совершенно не сонный голос за ширмой. — Она даст обезболивающий отвар. Сейчас принесу.

Я так и застыла со штанами в одной руке и иголкой в другой. Как давно этот паразит не спит и как много он... подглядывает?!

— У отца так родовая лихорадка начиналась, — по-прежнему мрачно произнесли за ширмой. — Приступы бывали каждые два-три месяца. Я уже по звуку научился догадываться, когда к аптекарю бежать. Проснулся даже от этого ощущения, не сразу понял, что ты вовсе не папаша. Сейчас схожу, лежи. Дядьке могу сказать, что...

— Не надо. — Я выдохнула застрявший в горле воздух и закашлялась. — Все не так плохо. Но отвар принеси. Спасибо.

И подумала, что до начала следующего «приступа» надо уносить ноги. Наблюдательные тут все такие, а еще по звуку дыхания во сне угадывают проблемы. Даже надеяться не стоит, что не

заметят, насколько регулярно они возникают.

Впрочем, пока все оказалось не так страшно, как мне казалось поутру. Отвар госпожи Барбры хоть и оставил на языке непроходящую горечь, но оказался действенным. Правда, от него немного шумело в голове и хотелось спать, но боль он снял. А мою тормознутость успешно маскировал первый миньон, без конца перехватывая работу из рук, стоило мне чуть зависнуть. И никто даже не обратил на это внимания — вроде как нормальная практика среди поваров сваливать рутину на помощников и вообще отлынивать временами.

— Как много ты узнал? — На этот раз огонь в камине пылает ярко и оба кресла отодвинуты подальше. Вино в бокалах мерцает глубокими красными искрами, отражая сполохи пламени.

— Для начала не очень. — Полынный герцог не смотрит на собеседника, его взгляд прикован к пляшущим оранжевым теням. — О мальчишке из трактира сведений добыть не удалось, зато двое других парней на кухне совершенно точно потомки серебряной династии. Но не прямые бастарды. Поскольку многие знали их родителей и парни похожи на отца как горошины из одного стручка. И еще одна деталь... их отец страдал родовой лихорадкой. У него были сильнейшие приступы. Сам знаешь, отчего это бывает. Запертая в крови магия ищет выход и, если не находит...

— Понятно. А за Юлем наблюдают? У него не было таких приступов? Если он бастард отца Юйриль, магия должна сильнее рваться на волю и... — Собеседник герцога словно нарочно прячется в тенях, его лицо неразлично в глубине огромного кресла.

— Может, еще слишком молод. — Раймон пожмает плечами и хмурится. — Наследие проявится позже. Пока ничего подозрительного заметить не удалось. Плохо другое.

— Что? — Тень в кресле чуть подается вперед, еще секунда — и ее лицо высветится в теплом оранжевом мареве огня.

Раймон сжимает резное серебро бокала и со стуком ставит его на столик.

— За этими тремя мальчишками следим не только мы. Причем, боюсь, наше внимание навредило, хотя я приказал своим людям быть осторожными. Не помогло. И теперь надо подумать, как вывести их из-под удара до того момента, пока они не понадобятся нам самим.

— Всех троих? Или парочкой более дальних потомков собираешься пожертвовать? Возможно, с их помощью получится убедиться, насколько верны наши догадки?

Глава 31

Уф-ф-ф, трудные три дня остались позади. Хотя намучилась я — врагу не пожелаешь. Гигиена в средневековье — это развлечение для отдельных мазохистов. А женская гигиена — пытка даже для извращенцев!

Ночами тряпки стирать, под соломенным матрасом сушить, днем в уборную не как обычно — словно партизан на водопой, а в три раза бдительнее и скрытнее... и еще умудриться маленький горшочек теплой воды протащить так, чтобы никто не заметил, потому что не мыться в эти дни я физически бы не смогла... м-да.

Поневоле вспомнился Гринпис земной и его новая мода обвинять женские одноразовые прокладки в том, что они, дескать, больше всего загрязняют планету. Я в сети это их выступление видела и долго ржала от комментариев озверевших ровесниц, успевших нахлебаться перестиранными тряпочками по самое не могу. Нашли, репки-турнепки, главных загрязнителей.

Дома я смеялась — мало ли дурней в интернете. А вот в средневековом замке придушила бы каждого эколога той самой многоразовой прокладкой, которую надо на работе менять и в пакетике тащить до дома, чтобы выстирать в семи водах.

Ладно, и это мы пережили. Можно было выдохнуть на целый месяц. И заняться более насущными делами.

Я радостно потирала руки и сковородки. Мои круги, мои кружочки! Это я про подставку под кастрюли и сковородки, такую, чтобы ставить прямо в очаг и больше не мослаться с крюками для подвеса и не держать тяжеленный чугун просто в руках, на глазок регулируя температуру прожарки, опуская дно сковородки к огню или поднимая ее повыше.

Теперь у меня есть нормальные человеческие треноги с регулируемым диаметром окружности и ножками разной длины! Ура цивилизации!

И ура мне, потому что я вспомнила экскурсию в Лотарингии, когда нам с гордостью демонстрировали мини-заводик начала двадцатого века, где подобные приспособления делали на продажу. Тогда уже и плиты были, конечно, и цивилизация шагала по планете. Однако далеко не каждый крестьянин мог позволить себе дорогую технику, зато очаг имелся в любой пастушьей хижине.

Поскрипев мозгами и изобретя метод рисования чертежа на утрамбованном в поднос с бортиками влажном песке, я таки добилась своего: смогла объяснить местным металлургам, какого именно рожна мне надо.

Дальше стало проще. С помощником кузнеца торговался Лиу, я только обеспечивала материальную базу этих переговоров. Ну как обеспечивала? Из того, что мне как полноправному повару выделяли на пропитание, нужно было не только накормить ораву миньонов, но и сэкономить достаточно для приготовления вкусностей на обмен.

Это мне еще повезло, что вместо меда господин Жуй выделил по пять ложек сахара в день на всю компанию. Считай, аттракцион невиданной щедрости. Три дня — и целый короб сахарной ваты готов, а по нынешним временам универсальнее валюты не придумаешь.

Жаль, кузнецам ее мало. С одной стороны, понять парней можно: помаши молотом целый день, живо поймешь, что одними сладостями сыт не будешь. А с другой стороны — мне лишняя головная боль. Прямо вспомнила бабушку и ее рассказы про то, как советская домохозяйка готовила из одной курицы обед на всю неделю. На семью из трех-четырех человек. И чтобы вкусно было!

Вот и я изгалялась, скармливая одну запеченную на вертеле птичку ненасытному воинству под жареные корнеплоды, а потом вываривая ее кости в котле с разрезанными пополам луковичками и морковью — это в целом многим известный секрет вкусного бульона. А вторую разделявая как бог черепаху, чтобы потрошки опять же в суп, мелкие запчасти на холодец в маленькие формочки, рубленые окорочка в большой пирог с кашей, сытный, как три обеда сразу, грудку запеченную порезать на тонюсенькие ломтики и с листьями сурепки обыкновенной — в салат... уф.

Главное, все сыты, а третья тощая и слегка синеватая птица из запасов на неделю — сэкономлена. Можно приготовить огромный котел ирландского рагу и отнести его в кухню. И получить свои возделенные круги на ножках!

— Это чего у тебя? — Естественно, господин Жуй первым пришел интересоваться, что за железяки я сую в его очаг.

— Это папаша мой придумал, небушко ему периной, — привычно переложила я ответственность на

несуществующего трактирщика. — Чтобы, значит, удобно. В трактире у нас столько слуг-то не было, все сковородки держать. А вот так ставите... Можно вниз углей подгрести, можно наоборот — самую малость оставить. Повыше-пониже... А вот этот маленький круг вставляется внутрь большого, и дырка меньше становится, под мелкий горшок, например с приправой или соусом.

Господин Жуй какое-то время сосредоточенно хмурился, глядя, как я жонглирую горшками и сковородками. Потом молча забрал мои треноги и ушел.

Ну вот вам здрасте. Чуть губу себе не прокусила с досады, но сдержалась и на скисших миньонов глянула предупреждающе. Самому мелкому, Кори, откровенно шмыгавшему носом, пришлось пообещать блинчиков на ужин, специально для своих.

И конечно, Силье не мог не воспользоваться ситуацией.

— Что, придурки, зря харчи потратили? — Его ехидный голос было слышно, кажется, по всей кухне. — А нечего было выпендриваться. Еще пожалеете, что попали в рабы к этому странненькому, он вашу жратву начнет всем направо и налево за свои игрушки отдавать, а вы с голоду начнете пухнуть.

— Не обращай внимания. — Я поймала дернувшегося Лиу за запястье и притянула парня к себе.

— Я считаю, надо уже сказать дяде Жую, что хватит этих игр, — тем временем выступал Силье дальше. — Споры дурацкие, заклады. Ничего мой брат какому-то пришлому не должен. Хватит, расплатился! — Поскольку он обращался не столько к нам, сколько к остальным обитателям кухни, говорил громко, и его все слушали. — Отменяем к демонам все зарок, да и все!

Силье знал, куда бить: совсем взрослые повара и так могли приказать любому поваренку, а ровесников оратора в кухне было всего трое: он сам, его брат и еще один парень, угрюмый и настолько неразговорчивый, что даже на своих вроде бы «рабов» слов не тратил и почти их не трогал, предоставляя мальчишкам выживать самим, как умеют.

То есть поганец верно оценил расклад сил: взрослым по барабану, и жертвовал рабами по факту только сам Силье и еще пара его прихлебателей заметно младше, а этих он, кажется, подготовил заранее. Потому и не рыпались, хотя физиономии были кисленькие.

А вот «рабов», желающих получить свободу, было гораздо больше. Многим надоело вместе со своими обязанностями выполнять еще и чужие, и никакая учеба в перспективе не могла перевесить сиюминутное желание отдохнуть, наконец, от бесконечных пинков, тычков и пахоты до зеленых чертиков в глазах.

Глава 32

— Не дергайся, — шепотом проговорила я на ухо Лиу, хотя для этого пришлось схватить его за волосы и потянуть, чтобы, во-первых, наклонился, а во-вторых, никуда не делся. — Смотрим, что дальше будет.

— Все согласны? — между тем разошелся Силье, поглядывая в нашу сторону со скрытым торжеством. — Тогда решено. С этой минуты никакие прежние зарок не имеют силы! Каждый может делать так, как захочет.

Пацанва помладше заорала от радости, прыгая по кухне. Повара наблюдали за этим бедламом кто равнодушно, кто с легким интересом. Взрослые-то прекрасно понимали, что ничего не изменилось. Это только мелкие на волне эмоций могли поверить, что их оставят в покое. Увы, кто сильнее, тот и прав. Уже завтра мальчишки убедятся: заставить их работать за других легче легкого без всякого карикатурного «рабства». А вот защищать их отныне не будет даже «хозяин», и есть возможность получить вдвое больше тычков и колотушек.

Жалко их, но я не всеобщая спасательная служба воспитателей. Мне бы со своими проблемами разобратся.

А мои проблемы застыли сусликами. Ладно мелкие, те просто смотрели по очереди то на меня, то на Лиу, побросав свою работу и выжидая, что мы скажем. А вот сам первый миньон... охохонюшки.

— Выдыхай. Твой брат на самом деле тебя просто ревнует и хочет, чтобы ты жил с ним, а не со мной, — выдохнула я в плечо застывшему блондину.

Тот окаменел еще больше, а взгляд стал только злее. И этим злым взглядом он так прожигал довольного близнеца, что улыбка на лице Силье увяла, сдулась и осела, как неудачный бисквит в духовке.

— Раз все решили, что прежние договоренности отменяются, так тому и быть. — Голос Лиу был морозно спокойным, и я поневоле поежилась, начиная понимать, что первый помощник выкинет сейчас что-то еще более невообразимое. А я не сумею его остановить, поскольку брюква его знает, что он собирается делать.

— Это даже к лучшему, — продолжал между тем Лиу. — Наши игры в зарок и рабство — детские и несерьезные.

Он осторожно высвободил свой рукав из моих судорожно сжатых пальцев, отошел на полшага и развернулся. Посмотрел на меня и вдруг опустился на одно колено.

— Мой господин, я с вами навсегда, перед гранью и за ней.

По тому, какая абсолютная повисла в кухне тишина, даже дыхания не стало слышно, я поняла, что брюквец действительно полный. И окончательный.

Да вашу душу на грушу и в карамель! А мне что делать? Судя по ошалевшим взглядам окружающих, он как минимум вассальную клятву сюзерену приносит. Даже отставив в сторону идиотизм ситуации — какие, к хренам, вассалы и сюзерены на кухне среди поваров, — надо же как-то отвечать. Чтобы, не знаю... принять, не принять, главное — его не слишком опустить при этом.

Черт, ну у него глаза сейчас такие, что не принять нельзя. И что теперь?!

Для начала этот черт инициативный удостоился от меня не менее прожигающего взгляда, которым я попыталась передать ему всю палитру моих эмоций, увенчав эту кучку большим знаком вопроса — мол, и чо?! Чо делать-то? Нашел, понимаешь, время для рыцарских обрядов. А предупредить? Не знаю, отрепетировать... хотя бы слова на бумажку выписать!

До Лиу, заколбашенного адреналином и собственной решимостью по самые уши, не сразу дошло, чего я там ему семафорю глазами. Пауза затягивалась, и к концу ее блондин попытался изобразить на лице нечто вроде отчаяния и выжженного в пепел доверия. А потом его мозг таки продрался через волны гормонов и перевел мою огненную пантомиму правильно. Потому как отчаяние сменилось пониманием, потом растерянностью, а потом...

А потом я плюнула, шагнула вплотную и положила руку ему на плечо. Постаралась, чтобы смотрелось не сильно смешно и чтобы одновременно чувствительно ущипнуть за такую подставу.

И прошипела, не разжимая губ:

— Убью, с-сволочь. Что говорить?!

— Принимаю... — выдал придурок еле слышно, до меня даже не сразу дошло:

— Что?

— Принимаю... Просто скажи: «Принимаю!»

— Принимаю! — озвучила я во весь голос, а потом шепотом все еще коленопреклоненному герою: — Ну, погоди у меня! Ты еще сто раз пожалеешь, поганец!

— Не-а, — счастливо выдохнул нахал и быстро поднялся с колен, перехватывая мою руку с плеча и молниеносно прижимаясь губами к костяшкам. Я крикнуть не успела, как меня уже отпустили.

Кто-то в дальнем углу кухни со всхлипом втянул воздух. Все зашевелились. Один Силье стоял неподвижно и таращился на меня и своего брата-близнеца так, словно увидел целых два привидения разом.

Мне показалось, что в какой-то момент его глаза загорелись чуть ли не безумием. У-у-у... у стола стоит, там ножей — у маньяка-расчленителя выбор хуже.

Не знаю, чем все это кончилось бы, если бы рыжий Цанти и Ко не выкинули номер.

Хрен их разберет, что у мелких за местная азбука Морзе из перемигиваний, но я пискнуть не успела, не то что отскочить или убежать, а эти пятеро хлопбысь — и уже на одном колене возле меня, и все тянут хором ту самую песню. Поубивала бы! Только решила, что груз с шеи сняли, а тут... а тут их даже не пятеро. Их шестеро.

Самое паршивое, что я додумалась пересчитать обновленных миньонов только после того, как вслух в шестой раз произнесла «принимаю».

Э?!

Цанти.

Пух.

Кори.

Бори.

Наталь.

И... Гусь?!

А я, главное, уже слово волшебное ляпнула, обратно не забереешь.

— Что здесь происходит?! — прервал представление громкий и грозный рев вернувшегося в свою вотчину главного повара. Господин Жуй принес обратно мои драгоценные круги для очага, сначала отдал их мне, а потом сурово развернулся к остальным. Барабанная дробь подзатыльников прозвучала волшебной музыкой, и это несмотря на то, что мне самой прилететь могло почти стопроцентно. — Совсем ополоумели? Что за представление?! А ну, по местам и за работу!

Уф-ф-ф... знаете что, господин Жуй? Чтоб вам сто лет везло, как владельцу казино на игровых автоматах. А то я серьезно думала уже прямо сейчас сбегать из этого дурдома, будь что будет.

Оно, конечно, судя по взглядам, которые дядюшка бросает на своих племянников и на меня, ждет нас серьезный разговор. Ну и что? Может, хоть понятно станет, что все это значило и как нам дальше жить.

Главное, продержаться до вечера и следить, чтобы Силье, от которого натурально прикуривать можно, никого не зарезал.

К вечеру от напряжения у меня начало двоиться в глазах. И я даже не поняла, кто на просьбу напиться подал мне чашу с холодной водой. Выпила махом, только на пятом глотке почувствовала странный привкус.

Чашка выпала из рук и со звоном покатилась по каменным плитам.

Глава 33

— Хуже не придумаешь. — Двое опять разговаривали у камина, и тот, что прячется в тенях, тяжело вздохнул, глядя в свой бокал с вином. — Я разобрался — обычные мальчишеские глупости и игры в иерархию. Плюс соперничество двух братьев. Но в результате имеем что имеем. Два бастарда разбавленной крови и один свежий. Бастард разбавленной крови принес клятву первому поколению. Все это отразилось в артефакте, ты понимаешь?

— Понимаю, как и то, что артефакт крови есть не только в Серебряном Замке. В резиденции династии он самый сильный, но в крепостях влиятельных вассалов есть камни королевской силы, которые наверняка сегодня сияли и звенели как ненормальные.

— Одно хорошо, — после паузы проговорил собеседник герцога. — Даже центральный артефакт крови не может показать, кто именно принял, а кто дал клятву. Если бы принцесса сегодня приняла клятву будущего консорта как своего первого вассала, родовые камни в крепостях вели бы себя точно так же.

— Да, если посмотреть на все с этой точки зрения...

— Как там твой соперник?

— Увы, мальчишка привлек его внимание, — вздохнул Раймон. — Про клятву он не знает, я постарался. Но надолго ли эта новость задержится внутри кухни — не уверен. Хотя... не думаю, что это сильно повлияет на расклад сил. Он всего лишь бастард. Главное, чтобы никто не сопоставил это происшествие и огненную феерию родовых камней.

— И что ты собираешься делать?

— Пока не знаю. Если не найдем принцессу — а я все больше и больше уверяюсь в том, что дрянь сбежала из замка в самый первый день до поднятия завесы, — то этот мальчишка — наша единственная надежда как-то удержать стабильность в стране. В конце концов... он в таком возрасте и настолько смазлив, что переодеть его девчонкой нетрудно. Накрасить...

— С ума сошел?! Хочешь выдать его за Юйриль?! — Тень застыла в изумлении.

— А если получится? — Глаза полынного герцога загорелись азартом. — Подумай сам. Я принесу присягу серебряной династии как консорт, он подтвердит это своей кровью, а дальше...

— А дальше ты на нем женишься и он родит тебе наследников? У тебя все в порядке с головой вообще?

— Конечно, нет, — передернул плечами Раймон. — В смысле — никто ни на ком не женится. Но у нас будет фора, это раз, и те силы, что помогли дуре сбежать, наконец себя проявят. Они будут вынуждены хоть что-то делать, доказывать, что наша принцесса ненастоящая, начнется движение... половим рыбку в мутной воде.

— А мальчишку тебе не жалко? Его уже попытались отравить, хорошо, не выпил все, а его «вассалы» сообразили моментально оттащить несчастного к аптекарше. Промыли желудок. Но это первая птичка из стаи, — человек, потерявшийся в тенях, спросил это легко, без упрёка, но его собеседник невольно поежился.

— Мне всех жалко. Всех мальчишек этого королевства. Ты представляешь, что начнется, если серебряная династия падет и об этом узнают все? Сорокалетняя война начала правления нам покажется шутками заезжих фигляров. Кто травил, нашли? — Раймон нахмурился.

— Старый знакомый, — кивнул неизвестный из тени. — Тот, что на жаловании у Дальвейга. Мои люди уже устроили ему приговор после жесткого допроса на скорую руку. Донести хозяину эту тварь не успела, а пацана отравили не за принятую вассальную клятву и не за смазливое лицо последнего короля. Всего лишь из зависти и служебного рвения — этому молодчику приказали занять его место в постели герцога Раймона.

— Чего?! — Полынный герцог едва не выронил бокал.

— Того. Слишком часто привечаешь мальчишку, и слишком много времени он проводит в твоей комнате. Плюс из низших служек выбился в повара за три недели. Ясно же, что по протекции. Этому поганцу приказали занять его место, благо тоже достаточно смазлив. И травануть тебя, наконец, с близкого расстояния.

Ох ты ж зараза... никогда в жизни... в обеих жизнях мне не было еще так плохо. При том, что, считай, повезло.

Едва почувствовав странный привкус, я уронила чашку, но сознание уплывало, и сунуть два пальца в рот я не успела.

Слава всем брюквам, с этим вполне справился старший миньон. Лиу не только заставил меня буквально вывернуться наизнанку у крыльца, на которое вытащил, но еще и чуть ли не на руках отнес к старушке-огороднице, с которой у нас были теперь прекрасные отношения.

Эта добрая женщина пропихнула бессознательной мне в пищевод чью-то кишку (натурально кишку, как-то специально засушенную и обработанную) и закачала через нее смесь воды, угля и белой глины, которой меня через какое-то время снова вывернуло.

Короче говоря, в сознание я вернулась, но теперь у меня болело ВСЕ. Желудок, диафрагма, поцарапанное распухшее горло. Слезились глаза, и текло из носа. Полный конец обеда!

Зато осталась жива. А поскольку трое суток валялась в задней комнате старушкиного жилища, откуда она выгнала даже миньонов (спасибо ей за это большое, риск спалиться был нешуточный), я не видела казнь отравителя. Одному из молодых поваров, смазливому парню чуть старше Лиу, отрубили голову, выстроив всех слуг в одном из внутренних дворов замка. Оказалось, этот поганец пытался отравить герцога в тот раз, а теперь вот и меня.

Во всяком случае, так звучала официальная версия. Не знаю, кто вел расследование и насколько ему можно было доверять, я могла только радоваться тому, что не видела всего этого своими глазами и вообще не присутствовала при жуткой сцене. Мне хватило сине-зеленых миньонов с остановившимся взглядом — даже Лиу пробрало, что уж о мелких говорить? Мы с матушкой Барброй целый вечер их откачивали и отпаивали успокоительными чаями. Я еще шаталась, как былинка в поле, но отказалась уходить, поскольку Бори и Наталь, самые мелкие и впечатлительные, едва очухавшись, вцепились в мою рубашку и смотрели так, что ноги не шли.

Уф-ф-ф... короче говоря, ночевать мы пошли к себе на пятый этаж, оставив матушку Барбру отдыхать спокойно. Я клятвенно пообещала ей внеплановую помощь на грядках, но она от меня отмахнулась, только посмотрела как-то странно внимательно. А потом, уже перед самым уходом, я, оглянувшись, увидела, как она что-то тихо сказала замешкавшемуся на ее крылечке Лиу. Что-то такое, от чего он сначала побледнел, потом покраснел, а потом ответно вытаращился на бабу, как если бы у нее вместо головы выросла репка.

— Что тебе сказала матушка? — первым делом спросила я, когда мы в нашей комнате сложили ширму и задвинули ее в уголок, чтобы расстелить матрасы из комнаты младших прямо на полу. Сегодня я решила в виде исключения разрешить всем переночевать у меня.

— Чтобы меньше смотрел, ослепнет. И руками не трогал. А то беды заполучит, — выдал вдруг с расстеленного матраса Гусь. А я только теперь обратила внимание, что он так и таскается с моими миньонами и спать тоже собрался у меня под боком.

Глава 34

Я лежала в темноте, слушала, как сопят на полу подкидыши-миньоны, среди которых был насильно вымытый и постиранный Гусь, и с тоской думала о том, что, во-первых, если приспичит среди ночи, в туалет придется бежать вниз, в общую уборную, а во-вторых, сматываться надо из этого змеюшника, и чем раньше, тем лучше.

Как только исчезнет завеса, исчезну и я. Ни дня не задержусь. Жаль, непонятно, как скоро это произойдет. Вот только... да что ж за зараза такая? Почему я чувствую себя так, словно бросаю ну если не собственных детей, то... не знаю, знакомых детсадовцев? В пасть тигру, ага.

По идее, жили парни без меня, и не так плохо. И дальше проживут. Может, даже лучше. Потому что я нюхом чую, как сгущаются тучи. Конечно, Лиу сказал, почему меня отравили, и заверил, что, дескать, господа герцоги во всем разобрались и покарали кого надо.

Только мне от этого не легче. Герцоги в верхних покоях, и брюква их знает, что они там думают. На такое заступничество рассчитывать глупо. Кухня от господских залов далеко, к каждому поваренку охрану не приставишь, и вообще... сегодня травят, завтра обвинят — кукарекнуть не успею.

Рискованно мне тут оставаться. Не знаю я, какими методами здесь принцесс ищут, да и моя маскировка, насколько бы ни была хороша, в таком близком соседстве долго не выдержит. Вон матушка Барбра уже напрямую говорит и смотрит так, что пятки чешутся задать стрекача. А дальше будет хуже. Тем более что добрая аптекарша явно о чем-то догадалась. Вряд ли она поняла, что я принцесса. А вот то, что не парень, — наверняка. Но не выдала. И мне напоследок шепнула, что будет молчать, но я должна быть осторожнее. Эх-х-х... легко сказать.

Первый миньон странно себя ведет. Будь я девчонкой, сказала бы — влюбился. Но я-то... в смысле, он-то думает, что я парень. Неужели о чем-то догадался? Я где-то прокололась? Нет, не похоже.

Почему я так думаю? Потому что бедолагу плющит и таращит, как я не знаю кого. Как пельмень в паста-машине. Как будто он и правда влюбился, но с ужасом понял, что в мальчишку. Что называется, и тянет, и отмораживает одновременно.

Вообще, если подумать, очень похоже, что так и есть. А это значит... это значит, драпать надо еще быстрее, чем я думала. Потому что незачем издеваться над парнем. Открываться я никому не собираюсь, тащить его с собой — куда? От семьи — от брата и дядьки, от стабильного положения, сытости и безопасности? Да-да, по нынешним временам племянник главного повара в королевском замке — положение, лучше которого для простолюдина просто сложно придумать. Да и дворяне бывают голоштаные, в наследство только родительская спесь и дырявый кошелек, утром не знают, будет ли вечером что пожрать.

Я одна на улице как-нибудь не пропаду, хотя и страшно мне, чего скрывать. Но тащить кого-то с собой — глупость, эгоизм и самоубийство.

Значит, решено. Ждем снятия завесы — и ноги в руки. Надо только как-то выцепить у герцога свое золото... или не стоит рисковать? Эх, ж-ж-жадность. Попробую. Скажу, что раз у меня теперь своя комната, то мне есть где его спрятать. Только забирать надо перед самым побегом... или раньше? А, блин! Потом подумаю.

Еще неплохо бы немного запастись провиантом. Желательно чем-то легким, компактным и питательным. Например, орехами. Сушеными яблоками — в отличие от инжира и чернослива их здесь полно, и стоят они дешево. Пришью к штанам внутренний карман и буду по возможности выменивать нужный продукт на другие вкусняшки, которые получится сэкономить. К моим махинациям тут уже привыкли, внимания не обратят, решат, еще что-то от кузнецов хочу.

А, еще надо перед побегом не забыть выкопать дневник прабабушки и зеркало с принцессой — я их вместе «захоронила» поглубже в бурьян.

Слава богу, долго мучиться мыслями и планами у меня не вышло — уснула. А утром таки выпинала всю ораву работать и получила блаженный час в одиночестве плюс одно ведро чуть теплой воды. Не фонтан, но в моем положении — роскошь роскошная.

Долго блаженствовать, впрочем, тоже не вышло. До полудня надо было явиться на кухню и начинать работать. Но я даже туда не дошла, потому что на полдороге меня перехватил незнакомый слуга, сцапал за шиворот и без лишних разговоров куда-то поволок.

Я поначалу слегка ошалела, а потом взвилась дикой кошкой, несмотря на слабость в коленках, которую еще чувствовала.

— А ну, пусти! — Твердый и острый локоть врезался точно в ребра лакея, а носком сапога я метко

лягнула его под коленную чашечку.

— Чокнулся, что ли, придурок?! — заорал детина, отбрасывая меня в сторону как царапучего котенка. И занес руку, явно намереваясь отвесить хорошую затрещину. — Господин герцог приказали тебя доставить!

— Сам козел! — Я проворно отскочила подальше и покрутила головой — этот ревностный гонец, волоча меня за шиворот, едва не придушил. — Чего хватаешь, рта нет? Сказал бы словами, что зовут, ходить я сам умею!

А сама внутренне подобралась. Может, не просто позвал, а приказал как-то жестко — мол, тащите гаденыша? Тогда и грубость лакея понятна.

— Буду я еще со всякой соплей разговоры разговаривать! — рявкнул долговязый слуга, потирая дырку на коленке. Ага, у него там штаны продраны и без меня были, и вообще весь он был какой-то нескладно-потрепанный, линиялый и противный. — Пошел!

По его быстро скользнувшему в сторону взгляду я догадалась, что придурок вдруг вспомнил: к герцогу меня зовут не в первый раз. И явно испугался, что наябедничаю. Может, меня гнев сорвать зовут или допросить по-жесткому, а может, и нет.

Трусливый крысеныш не хотел рисковать. Одно дело пнуть того, кто сдачи не даст, совсем другое — подвергнуть опасности свое здоровье и положение.

Полынный герцог сидел в своей комнате среди привычного бардака (оказывается, он никому не разрешает наводить порядок у себя на столе, это только мне наглость с рук сошла) и читал какой-то документ.

— Пришел? Живой? Отлично. Отравлений можешь больше не бояться, этот ядовитый зуб выдран с корнем.

Я молча поклонилась и внутренне передернулась. Даже просто услышать, как парню, с которым я больше двух недель сталкивалась на кухне и даже разговаривала пару раз, отрубили голову... это все не для психики современного человека. Даже если он крутой повар.

— У меня будет к тебе одно поручение. Если справишься, получишь награду, которая в десять раз превысит то, что я тебе уже выдал. — Раймон наконец поднял голову от бумаг и пригвоздил меня к месту таким пронзительным взглядом, что я поневоле попятилась.

Ох, не к добру это все, ох, не к добру...

— Иди сюда.

— Эм-м-м... ваша светлость...

— Живо!

Глава 35

— Ни-ни-ни за что! — Я попятилась к двери так, словно полынный герцог показал мне не пышное шелковое платье, а, к примеру, пыточное кресло с шипами. — Нет, господин герцог! Я не согласен!

— Я разве спрашивал твоего согласия? — Раймон чуть изогнул бровь, глядя на меня с насмешливым неодобрением. — Я сказал, что ты должен сделать. Возражения не принимаются.

— Лучше сразу убейте, — отчаянно замотала я головой, упершись спиной в дверь и лихорадочно размышляя, смогу ли достаточно надежно закопаться в бурьян за конюшней, чтобы переждать там, пока исчезнет чертова завеса. — Зачем вам я?! Да полный замок смазливых горничных, позовите любую!

— Я. Сказал. Не обсуждается! — Герцог так полыхнул глазами, что у меня коленки ослабли, но ладонь сама нашарила кольцо на двери и потянула ее на себя.

— Стоять.

Дверь за моей спиной странно вздрогнула и вдруг превратилась в монолитный камень — ни туда ни сюда. Я даже плюнула на все, развернулась и дернула за бронзовое кольцо обеими руками. Эх... это было все равно что пытаться сдвинуть Великую египетскую пирамиду.

Колданул, сволочуга, чем-то убойно запирающим. Про магию-то я и забыла... Что же делать?

— Прекрати истерить, — спокойно сказал между тем Раймон, возвращаясь к своему столу и начиная перебирать какие-то бумажки. — Это всего лишь небольшой маскарад.

Я, признаться, с трудом сдержала истерический смешок. Такого выверта судьбы не ожидал бы никто. Я переделалась из принцессы в мальчишку-поваренка! И успешно играла эту роль. Только для того, чтобы теперь его светлость Раймон ар'Файер, герцог Браганта, имел возможность приказать мне переодеться из поваренка в принцессу и притвориться ею!

— Ваша светлость, ну дурацкая это затея, — взмолилась я. — Какая из меня принцесса, вы издеваетесь, что ли? Вы мои манеры видели? А походку? А... а руки?! — Я поспешно вытянула в его сторону рабочие лапки с коротко стриженными ногтями, уже честно заработанными мозолями от ножа и кое-как зажившими порезами. — Я уже не говорю обо всем остальном!

— Манерам тебя обучат ровно в том объеме, какой будет нужен для того, чтобы стоять рядом со мной и кивать, — спокойно принялся отметать мои аргументы герцог. — На руки наденешь перчатки. Походку отретепируешь, я дам тебе достаточно времени. И сам помогу надеть женское платье, там есть нюансы, с которыми без знания тонкостей не справиться.

Час от часу не легче, брюкву ему в зад! Да я холодным потом покрылась от таких перспектив. Ладно, черт с ним, с притворством (двойным!), но, когда этот ухарь начнет надевать на меня «нюансы», он будет последним идиотом, если не заметит, что я таки не мальчик ни разу... а вот это уже настоящая катастрофа. И что мне теперь делать?!

— Ва-ва-ваша светлость, не надо сами! — Видимо, мой испуг был так откровенно и в красках написан на лице, что герцог снова вопросительно приподнял бровь. — Лу-лучше вы мне словами объясните, чего куда надевать... а дальше я справлюсь!

— Ах, то есть от переодевания ты больше не отказываешься? — хмыкнул паршивый полынный шантажист и запугиватель невинных поваров. — Только переживаешь за свое целомудрие?

— Да все равно ведь не отстанете, — тоскливо и длинно выдохнула я.

— Хорошо, что ты это понял, — кивнул Раймон. — Хотя так и хочется всыпать тебе хороших розог за дерзкий язык.

— И будет у вас принцесса ковылять, как старая кляча водовоза. — Раз уж мне терять было нечего, я решила и дальше придерживаться образа дерзкого на язык мальчишки. До последнего буду притворяться, пусть он хоть лопнет, хоть чем грозит.

— Руки сначала помой, прежде чем за платье хвататься, — криво ухмыльнулся Раймон, глядя, как я боком-боком подобралась к ширме, на которой было развешано одно из шелковых платьев Юйриль.

Я его, кстати, даже узнала — память у меня хорошая, а этот наряд висел в комнате принцессы в тот день, когда эта дурында стала зеркалом.

— Помою... а вы пока рассказывайте эти... ну как их. Короче, чего на кого надевать. — Я сменила курс и довольно долго плескалась в медном тазу, которым была оснащена герцогская тумбочка в

углу покоев. — Сам буду переодеваться, не надо меня руками только трогать.

— Ты всерьез считаешь, что твои мослы могут кого-то интересовать? — явно развеселился герцог.

— И знать не хочу, я парень честный. И в жизни до такой стыдобы бы не додумался — в девчонские тряпки рядиться, как эти... тьфу на ва... на них! Видел я таких в трактире. Папаша, небось, на мягком небушке все бока себе извертел и всю бороду по волосу выдрал от такого позорища.

— Ты еще побухти. Смотри сюда. Вот это надевается под платье на голое тело. Потом рубашка. Потом чулки, и вот этим подвяжешь выше колена. Вот это сверху. А шнуровка на спине, поэтому выйдешь сюда, и я сам затяну, понял?

Да чтоб тебя, полынная твоя морда. Каждый шаг как по раскаленной крыше: чуть оступись — и костей не соберешь. Ладно... шнуровка уже на корсаже, под ним тут принято надевать две нижние сорочки и одно нижнее платье, фиг он там чего разглядит в ворохе ткани. Но как, как?! Почему мне настолько не повезло, а?!

Мне даже изображать протест, несчастье и ужас ужасный не пришлось. И притворяться особо было не надо, когда я пряталась от герцога за ширму и бдительно следила сквозь щель, чтобы он сидел там за столом и не приближался, пока лихорадочно сбрасывала свои одежки и натягивала как попало принцессины. Я вполне искренне ругалась шепотом и сквозь зубы, поминая добрым словом господские фантазии и дурацкие бабские тряпки. Но натягивала их так быстро, как только могла, потому что они скрывали тайну моего пола чуть ли не надежнее, чем мужские штаны и рубаха. Потому как слоев было гораздо больше.

— Все. — Наконец я угрюмо вылезла из-за ширмы, придерживая руками завязки юбок и одновременно шнуровку корсажа, которую надо было затянуть на спине. — Ведь говорил! Говорил, что это дурацкая затея.

И для наглядности выразительно потыкала в выпуклости на корсаже, специально скроенные под внушительную грудь. Не знаю, что принцесса подкладывала себе в местное подобие лифчика, апельсины или подушки, но старалась она от души. На моем тощем теле эти пустые чехлы смотрелись до того смешно и жалко, сама бы поржала в другой обстановке.

Герцог, который все это время спокойно читал какую-то книгу, поднял голову и уставился на меня. Молча. Секунду смотрел. Другую...

— Что? — Я по-настоящему занервничала и попыталась одновременно одернуть юбку, поправить воротник и убрать с лица взлохмаченные волосы. — Что?!

Раймон еще с минуту молча смотрел на меня, доведя до натуральной паники. А потом сложился пополам от хохота.

Глава 36

Ну что сказать, на его месте я бы тоже ржала как конь. Если очередное зеркало не врет, принцесса из меня — как из дырявого ботинка самовар. Я думаю, кстати, это еще одна монета в копилку того, почему меня до сих пор не разоблачили.

Дело в том, что все эти древние и сложные женские тряпки надо уметь не только правильно надеть, но еще и правильно носить. И себя носить — тоже особенное искусство для дам. Их же дрессируют годами. С раннего детства. Настолько, что определенная пластика становится естественной, входит в кровь, в плоть, в дыхание.

А я? А что я. Я женщина из двадцать первого века. Я привыкла ходить в штанах и удобной обуви, привыкла занимать столько места в пространстве, сколько мне надо, смотреть прямо, смеяться открыто, размахивать руками... то есть вести себя точно так, как положено мальчишке. И не просто мальчишке — простолюдину и беспризорнику, трактирному наследнику.

Моя природная моторика настолько хорошо вписалась в образ, что мне до сих пор верят.

Только вот переодевать это все в принцессу — задачка не для слабаков. Наверное, когда хозяйкой тела была Юйриль, изящное шелковое платье с богатой, хотя и элегантно вышивкой смотрелось на ней потрясающе.

А на мне оно сидело как на корове седло.

Неудивительно, что его светлость Раймона так сплющило, что он чуть из своего кресла не вывалился, а книгу уронил.

— Ни одна женщина... — сквозь смех простонал он непонятно о чем, — ни одна...

— Потому что я не женщина. — Мое недовольное сопение можно было расслышать, наверное, даже за дверью. — И это сразу видно даже дураку... то есть, простите, ваша светлость! Вообще всем на свете это сразу видно!

— Прикажу принести розги прямо сюда, с твоим дурным языком надо что-то делать в первую очередь, — покачал головой отсмеявшийся полынный герцог. — Так. Иди сюда.

Что делать, пришлось идти. И терпеть, пока меня разворачивали спиной и затягивали шнуровку на корсаже, одергивали и расправляли воротник, рукава, юбки, кружавчики эти... а также бесцеремонно щупали то, на чем у нормальных девочек растет грудь, а у меня пока имеются только тощие ребра. Хоть на гармошке играй, что называется.

Я напряглась немного, но, судя по разочарованному и озабоченному лицу его светлости, как раз мне тут волноваться было не о чем. Ага, пусть у инициатора этого маскарада голова болит, из чего соорудить принцессе искусственные сиськи.

— Я подумаю, что с этим сделать, — решил Раймон. — А ты...

Я чуть не взвыла. Что, он так и не отказался от этой дурацкой идеи?!

— Ваша све-етлость... Ай!

— Прекрати ныть — или подзатыльником не отделаешься. — Раймон о чем-то задумался. — Так. К сожалению, я не могу посвящать в это дело лишних людей, поэтому придется пойти сложным путем. Каждый вечер после ужина ты будешь оставаться в этой комнате, переодеваться и учиться вести себя как положено знатной даме. Моих знаний и вот этой линейки, — изверг и сатрап небрежно кивнул на лежащую поперек стола тяжелую даже на вид деревяшку, — вполне хватит, чтобы выдрессировать даже курицу, а ты, по счастью, умнее и научишься быстро. Говорить о том, чем ты тут занимаешься, я запрещаю. Кому бы то ни было, понял? — Он замысловато щелкнул пальцами, и я почувствовала вдруг резкое першение в горле, закашлялась и схватилась за воротник.

— Если не хочешь остаться немой, помалкивай. И будь хорошим мальчиком, учись. Когда все закончится, я хорошо тебя награжу.

Когда я вернулась в свою комнату, моим мрачным настроением можно было факелы гасить. Вот зараза, а! Надо же было так вляпаться. Мне ужасно надоело это хождение по грани, даже дворцовая кухня и перспективы еще чему-то полезному научиться уже не радовали. И хотя Раймон обещал, что сыграть принцессу мне надо будет только один раз... вот скажите пожалуйста, почему именно я? Ну реально. Мало ему служанок в замке? Любая бы согласилась, блондинок подходящей комплекции среди них... э... м-да. Вот так вспомнила и поняла, что не видела ни одной.

Дело в том, что в здешние понятия красоты не укладывается худоба. И если мальчишка-подросток может быть похож на шпалу, то девушек в горничные явно выбирали ценители пышного тела и здорового аппетита. И если наличие увесистой груди у любой из них играло на образ принцессы, то остальное... Никакого корсета не хватит, чтобы превратить пышущую здоровьем красотку в бледную немочь с талией ивового прутика.

Да и лицо. Встреченные мною девицы все, как одна, румяные, круглощечкие и симпатичные, но никто не может похвастаться тонким профилем и острыми скулами.

М-да. Наверное, если бы не спешка и не завеса, Раймон запросто нашел бы самозванку в другом месте. Мало ли дочерей у обедневших дворян? Почему он не пригласил на эту роль ни одну из фрейлин Юйриль или других придворных дам, мне более-менее понятно, а вот за пределами дворца мог и подыскать ту, что будет держать рот на замке и не полезет в государственные интриги.

Эх...

— И что ты делал у его светлости так долго? — Голос из-за ширмы прозвучал словно гром среди ясного неба. Может, еще и потому, что я улавливала в нем натуральные гроззовые раскаты приближающегося брюквеца.

— Ничего, ждал, пока он поужинает, потом убирал со стола и рассказывал про папашин трактир.

Ненавижу врать. Ну вот не люблю я это дело. Врут всегда от слабости, от страха и от неуверенности. А я давно привыкла к тому, что могу справиться с любыми трудностями без этого склизкого виляния... но это все осталось в прошлой жизни, а теперь я только и делаю, что виляю хвостом, как последний земляной червяк. И от этого сейчас становилось еще противнее. Сказать правду я не могла из-за заклинания, что на меня наложил его светлость, но и без него я не стала бы впутывать в это Лиу. Я же не дура и понимаю: игры с переодетыми принцессами-самозванками — не шутки. И часто заканчиваются массовыми казнями как самозванок, так и всех, кто просто мимо проходил. Я убегу, как только представится возможность, а парню тут еще жить. Не надо ему этого всего.

— А, понятно. — Судя по поддельному равнодушию в голосе, Лиу мне не поверил. Как пить дать разобидится теперь. Но я вдруг подумала: может, это и к лучшему?

Надо их еще как-то с братом помирить, вот что. Придумать что-то, что подтолкнет первого миньона обратно в родственные объятия... и оттолкнет от меня. Потому что чувствую я — финишная прямая близко. Либо я унесу отсюда ноги, либо меня таки вынесут по частям до ближайшей канавы, где принято топить тела казненных.

Ладно. Утро вечера мудренее.

В конце концов, где наша не пропадала?

Все у меня получится.

А сейчас — спать!

Глава 37

Видимо, когда людям раздавали мозги, я стояла в конце очереди. Влили что осталось, соскребая совком со стенок. Иначе как объяснить мою непроходимую тупость и недогадливость?

Сидела гадала, какого черта полынному герцогу от меня надо и почему он служанок не позвал на роль фальшивой принцессы, дура. Вместо того чтобы пойти выкопать принцессу настоящую и устроить ей допрос с пристрастием.

Может, Юйриль и не разбирается в том, как живет ее собственное королевство, но в вопросах престолонаследия и в собственных женихах она собаку съела, готовя свои кривые и детские, но все же интриги.

Самое паршивое, что расспросить оригинал я додумалась уже на третий день (позор на мои прикрытые поварским колпаком белобрысы лохмы), а вот добраться до прикопанного осколка получилось только к концу недели.

Потому что население этого замка хором сбрендило, не иначе. Мало мне моих проблем, так еще и то Бори с кем-то поспорил на пять своих ужинов и пытался голодать, то Наталь уронил себе на ногу чайник с кипятком и ошпарился, то Цанти с Гусем подрались и пришлось мазать этим двум придуркам задницы зельем от матушки Барбры после того, как господин Жуй лично попотчевал парней розгами... и слушать выговор от начальства за их безобразия, вместе с обещанием в следующий раз пристроить на лавку и меня, раз уж это мои подопечные.

Герцог начал таскать меня на репетиции каждый вечер — ну это ладно, он, собственно, это и обещал. Медовая светлость по этому поводу повадился караулить меня на лестнице и пытаться перехватить поднос, а к полынному направить Лиу... Не мои проблемы, я наябедничала Раймону, и он как-то разобрался.

Сам Лиу в последние дни вел себя как ударенный по голове арбузом странный экспонат — это отдельная песня. Кажется, он от большого ума таки решил, что я с герцогом сплю, и пребывал по этому поводу в удивительно неадекватном состоянии. Если бы я в самом начале нашего знакомства не видела, как он кокетничает с горничными, и собственными глазами не наблюдала, как его плющило, когда одна из них поправляла подвязку на чулке, делая вид, будто не замечает зрителей, я бы решила, что неудачливый племянник главного повара в меня втрескался и теперь ревнует, как юную пастушку-девственницу к проезжему вельможе в золотых одеяниях.

Ну правда: миньон, с одной стороны, явно отстранился, не лез с веселой болтовней, не улыбался мне. И вообще по большей части угрюмо молчал, сверля взглядом. А с другой — ни на шаг не отходил. Пока мы были на кухне — буквально выдирает работу из рук мальчишек, если ее надо было делать рядом со мной. Таскался, как тень отца Гамлета, по пятам, стоило мне попытаться выйти на короткую прогулку по внутренним дворикам. Брал второй поднос и шел со мной в покои герцогов, уже даже не спрашивая моего согласия, я молчу про приказ. И упорно сидел на лестнице весь тот час, что Раймон издевался надо мной, дрессируя ходить в платье, правильно надевать длинноволосый белокурый парик и делать плавные жесты руками.

Отчасти из-за этого эскорта я и не могла нормально откопать свои сомнительные сокровища, чтобы получить консультацию. Лиу можно было силой отослать, выдумав ему поручение, но, во-первых, он три раза из четырех умудрялся переложить его на чужие плечи, а во-вторых, так смотрел... так смотрел, что у меня слова и ругательства в горле застревали.

Весь этот дурдом очень плохо сказался на моем характере, и я с большим трудом сдерживалась, чтобы не послать далеко по кривому адресу не только неугомонного первого миньона с его непонятной то ли ревностью, то ли дуростью, но и вообще весь гребанный мир.

Неудивительно, что, когда я все же добралась до прабабушкиного дневника и вложенного между его страниц зеркала, от моего дыхания можно было факелы поджигать.

На свое счастье, Юйриль, насидевшись в темноте, присмирела. Начни она выступать — ой, не знаю, чем бы все кончилось. Я женщина темпераментная, и хотя привыкла этот свой темперамент держать в ежовых рукавицах, но всему есть предел.

Однако, кажется, долгие сны в темноте благоприятно влияют на характер принцесс.

— Здравствуй. — С ума сойти, она даже поздоровалась первая. — Ты хочешь что-то спросить?

Я даже не стала ехидничать по этому поводу. Да и вообще, на душе было тяжело и пыльно, все словно подернулось сильной усталостью. И как-то понятно стало, что издеваться над умственно

отсталым ребенком, даже если этот ребенок тебе от души нагадил, — никак не моя история.

— Да, хочу. Как ты себя чувствуешь?

— Я... — вот тут принцесса по-настоящему растерялась. — Я... больше не плачу. Читаю прабабушкин дневник. Оказалось, тут гораздо больше страниц, чем мне раньше казалось. Здесь все равно больше нечем заняться, я читаю, читаю и читаю. Хорошо, что ты положила меня прямо в тетрадь.

В голове закопошились было мысли о том, что в дневнике прабабушки может быть много чего умного по поводу магии, такого, что даже зазеркальное привидение сможет использовать мне во вред. Но эти мысли рассеялись все той же усталостью, а еще пониманием: будь у принцессы на уме что-то подобное, она не стала бы рассказывать мне о том, что происходит.

— У меня тут еще несколько вопросов появилось, — вздохнула я, мельком проглядывая исписанные изящным четким почерком страницы. — Возможно, ты знаешь на них ответы.

— Я не уверена, — вздохнуло зеркало. — Но я постараюсь.

Вообще, у меня было впечатление, что принцессу мне немного подменили. Ни истерик, ни кривляний. Или девочка в зеркале внезапно повзрослела? Или это дневник прабабушки на нее так повлиял? Я постараюсь в этом разобраться, но позже. А сейчас...

— Ну и чего ты так развеселилась? — спросила я через пять минут, слушая, как за стеклянной поверхностью хохочет принцесса. — Ну да, сама бы посмеялась, окажись на моем месте кто-нибудь другой.

— Я... я... ой, я не могу-у, — заливалась паршивка. — Он тебя... он тебя... он думает, что ты королевский бастард! Понимаешь? Он правда думает, что ты сын моего папочки!

— Что?! — Я аж рот открыла от таких новостей. — Почему?! С чего ты это взяла?!

— С обрезанными волосами и без косметики ты похожа на детский портрет моего отца настолько, что его будто с тебя писали, — фыркнула принцесса, успокаиваясь. — А ведешь себя точно как трактирный мальчишка. И Раймон решил, что раз артефакт показывает наличие королевской крови в замке, а меня здесь так и не нашли, значит, есть еще один носитель крови.

— А вот с этого места подробнее. — Я подобралась. — Какой такой артефакт?

Глава 38

— Значит, они все это время знали, что я в замке. — Рука сама тянулась то ли почесать в затылке, то ли отвесить себе подзатыльник.

— Наверняка теперь они так не думают, — усмехнулась принцесса в зеркале.

Она вообще была странная. Словно всю истеричность выключили. Неужели прабабушкин дневник так повлиял? Да ну, Юйриль его и раньше читала. Может, не так внимательно и вдумчиво, но...

— Думаешь, почему я поумнела? — спросило вдруг отражение.

— Думаю, — согласилась я. — Ты странная.

— Кто бы говорил, — усмехнулась принцесса. — Я... не знаю, что со мной происходит. Раньше я читала прабабушкин дневник и видела буквы на листе бумаги. А теперь я словно проживаю ее жизнь, понимаешь? Она была... невеселая. В чем-то похожа на мою, а в чем-то нет. Но у нее с самого начала не было любящего папочки, зато были хорошие учителя.

— Понятно. — Я вздохнула от перспективы занять в зеркале не истеричную девицу, а даму с опытом интриг в почти сто двадцать лет — именно столько прожила прабабушка Юйриль. Если она решит стать моим врагом...

— Мы с тобой связаны, и ты не дура, — сказала зеркало. — Я... я завишу от тебя больше, чем ты от меня. Мне невыгодно быть твоим врагом.

— И то слава богу. Так что там с артефактом? Ты сказала, что раньше твои герцоги были уверены, что принцесса все еще в замке. А теперь что?

— А теперь они считают, что ты бастард моего отца и кровный камень светится из-за тебя, — хмыкнула Юйриль. — Не такие уж идиоты, если подумать. И они собираются использовать тебя, чтобы выманить меня или тех, кто помог мне сбежать.

— А почему ты думаешь, что «они», а не «он»? — спросила я задумчиво. — Пока я не заметила, чтобы Раймон делился с Джейнсом своими открытиями.

— Доступ к камню имеют оба. Джейнс бывал в портретной галерее. Он тобой интересуется. Если все сложить...

— Угу. А как они на меня тебя выманить собираются?

— Не знаю, тут тебе придется самой соображать. Что сказал Раймон?

— Что завеса скоро будет снята и мне надо будет поприсутствовать всего на одной церемонии, просто молча постоять там, где скажут, и подтвердить его слова, а потом...

— А потом он тебя посадит на цепь в своей комнате и больше никуда непустит. Завесу им придется снять, дольше месяца держать ее над королевской резиденцией — это нарваться на бунт вассалов.

— И тем же вассалам надо предъявить принцессу как подтверждение того, что власть по-прежнему в руках серебряной династии, — задумчиво кивнула я. — Черт, надеюсь, «одна маленькая церемония, во время которой тебе придется просто стоять и кивать» — это не королевская свадьба?!

— Не знаю, — задумалась принцесса. — Нет, наверное. Свадьба — это совсем не маленькая церемония. Но будь уверена, если то, как тобой помашут у всех на виду, не выманит «меня» из укрытия и не заставит моих таинственных союзников сделать первый шаг в игре, Раймон тебе и свадьбу организует.

— Он думает, что я парень!

— И что? — пожала плечами Юйриль. — По большому счету ему все равно, он вовсе не был влюблен в меня. Ему нужна власть, а ее может обеспечить кукла на троне. Кукла с королевской кровью, которой подчинится артефакт.

— Час от часу не легче... а дальше как? Наследника он сам будет рожать?

— Ты такая наивная. Найдет девицу, подложит ее под тебя, получит ребенка с королевской кровью...

— А я умру во время «родов» или сразу после них. В таком случае никто не узнает, что Юйриль была вовсе не Юйриль, ребенок останется у него, а свидетели исчезнут. — Это было элементарно, как рецепт картошки фри. — Не знаю уж от чего, для герцога организовать мне любую смерть на выбор — не проблема. Главное, что тех, кто знает подобные секреты, живыми не оставляют точно.

— До того, как снимут завесу, тебе отсюда не убежать. — Принцесса в зеркале задумчиво подергала себя за локон. — Значит, подыграть Раймону придется. А вот потом... Я не хочу, чтобы тебя убили, ведь тогда я навсегда останусь в зеркале.

— А уж как я не хочу...

— Интересно, что он пообещает Джейнсу, ведь того вряд ли удастся обмануть этим маскарадом. Хотя... возможно, в первый раз... но потом он догадается.

— Да и в первый раз догадается, по-моему, уже что-то подозревает, — вздохнула я. — Как бы он не прибил меня раньше, чтобы сломать интригу соперника.

— Нет, этого он не сделает, ему, так же как и Раймону, нужна кровь серебряной династии на троне. Скорее всего, пока дело не дойдет до свадьбы, убивать тебя никто не станет.

— Это утешает. И означает, что, как только завесу снимут, мне нужно убираться из замка как можно дальше. Не хочу ждать, пока эти двое решат, как же меня поделить. Мало ли что придет им в голову, вдруг пополам распилят.

— Ну, здесь я тебя понять могу, — грустно улыбнулась Юйриль. — Я тоже не хотела.

— Меня еще один вопрос беспокоит. Раймон вцепился в мое сходство с твоим отцом, а вот Джейнс заметил еще кое-что. Точнее, кое-кого. В замке есть два брата-близнеца, и они тоже очень даже смахивают на твоего отца. То есть... они похожи на меня. Значит, и на него.

— У моего отца не было бастардов, — категорично заявила Юйриль.

— А ты откуда знаешь? — не поверила я. — Он что, перед тобой отчитывался?

— Нет. — Принцесса помотала головой. — Но я же вступила в наследие и ходила к камню крови. Это для посторонних он просто артефакт, показывающий, есть ли в замке носитель крови серебряной династии, ну и еще пару вещей, связанных с вассальными клятвами. А для своих хозяев он — летопись рода, в которую вносят всех потомков, даже незаконных. Точнее, не вносят, так бы, может, кто из предков и захотел скрыть внебрачных детей. Но они сами там проявляются как побочные ветви. Поэтому я точно знаю, что у отца детей, кроме меня, не было и вообще ближайшие незаконнорожденные отпрыски династии отстоят от нынешнего времени на пять... да, кажется, на пять поколений. Или даже на шесть.

— Тогда почему эти два брата так похожи на прежнего короля?

— Потому что кровь серебряной династии очень сильная, — пожала плечами принцесса. — Так бывает, но это сходство ничего особенно не значит. Между прочим, в Джейнсе и в Раймоне она тоже есть, их родство со мной — всего четыре поколения. Они самые близкие носители, в том числе поэтому и претендуют на трон. А эти твои... кто они? Кто-то из свиты? Я не помню похожих среди пажей и вельмож.

— Нет, поварята на кухне. Племянники главного повара.

— Что?! — Юйриль сделала большие глаза. — Эм-м-м... значит, они бастарды дважды.

— В смысле?

— Та ветвь, о которой я говорила, — король Умбер Второй сделал ребенка дочери какого-то обедневшего графа, потом выдал ее замуж и обеспечил неплохим приданым. Дети той линии могли оказаться у нас на кухне только в одном случае: если графские потомки тоже не соблюдали святость супружеской спальни.

— Понятненько... А меня почему считают прямым бастардом твоего отца? Может, я тоже побочный? Тем более что по легенде я родился в порту, в каком-то трактире.

— А откуда ты знаешь, что их не считают сыновьями моего отца? — Юйриль прищурилась. — Из-за того, что им никто не предложил переодеться в принцессу?

— Не предложили, — согласилась я. — Потому что они оба здоровенные лбы с широкими плечами и повадками взрослых мужиков. А из меня мальчишка вышел мелкий и подходящий.

— Ну вот, — согласилась Юйриль.

— Угу... Ладно, мне пора. Я и так задержалась, наверняка уже ищут. Пока останешься здесь, не хочу рисковать.

— Хорошо. Положи меня, пожалуйста, обратно в дневник.

Я послушно кивнула и упаковала свое «наследство». Забросала узел землей, выровняла бурьян. И задумчиво прикусила губу. Так вот ты какая, прабабушка. Не знаю, куда делась настоящая Юйриль и почему ты заняла ее место... но, пока ты мне не вредишь, я тоже ничего плохого тебе не сделаю. И буду старательно «верить» в то, что принцесса просто поумнела.

Глава 39

Интересно все же, почему так получилось. И не совсем понятно, что мне теперь делать со слишком умной прабабушкой. Она, конечно, все еще в зеркале. Но эта дама — не идиотка Юйриль, и она владела магией. Она придумала ритуал призыва чужой души. Зачем?

Сложно это все. Откровенничать с новой принцессой я погожу: например, я не стала ничего ей рассказывать о своих «вассалах». Хотя изначально у дурочки-принцессы как раз хотела спросить, а считается ли эта кухонная клятва? Ну, в смысле, вот как у них тут положено — магически? Я-то ведь все еще принцесса. И из того, что успела узнать за время пребывания здесь, такими вещами правящая династия не шутит.

Та церемония, в которой мне надо постоять, кивнуть и сказать пару слов, — это именно оно. Раймон принесет мне клятву верности. Вместе с Джейнсом, кстати. Полынный герцог сказал, поморщившись, что придется делать это одновременно, чтобы ни у кого не было приоритета. Почему? Да потому, что первым такую клятву королю приносит королева, а если от династии осталась незамужняя наследница, то сначала клянется ее будущий консорт. Он самый главный и самый первый вассал королевы.

Так вот. Кажется, у нас проблемы. Не только у герцогов, но у всех вообще и у меня. Поскольку один сильно инициативный миньон уже успел. Если, конечно, эта клятва среди горшков и немых сковородок считается.

Все эти мысли бродили у меня в голове до самого вечера, потом ночью, пока я пыталась заснуть, утром, днем... и я так ничего и не смогла придумать умнее, чем уже было озвучено: надо дожить до первой церемонии, которую хочет Раймон, сыграть роль себя самой, принять клятву и валить отсюда в ту же ночь, не задерживаясь больше ни на секунду.

Самое обидное, что я теперь не могла попросить свои честно заработанные золотые у герцога. Уже один раз заикнулась про отдельную комнату и получила в ответ насмешку — мол, что, думаешь, это надежное хранилище? За такую сумму тебе там голову оторвут, не побоятся даже расследования и угрозы казни...

Короче, деньги мне не отдали. И не отдадут, больше я просить не буду, чтобы не вызвать подозрения. Разве что попробовать хоть один золотой кругляшок выманить под предлогом... под предлогом... предлог надо придумать. Куда бы я могла хотеть потратить деньги?

— Может, перестанешь витать в облаках? — язвительно поинтересовался у меня над ухом Лиу. — Пальцы себе отрежешь. Вряд ли господа оценят твои обрубки среди своей моркови.

Я дернулась и действительно чуть не порезалась. Что?! Блин. Вот позорище.

Нет, морковку я нашинковала идеально. Но с каких пор меня можно вот так легко выбить из концентрации? Настолько, чтобы я ножом как попало начала дергать?

Плохой знак. Плохой. И вообще...

И вообще, надо что-то делать с моим первым миньоном. В свете скорого побега — тем более. Как бы его так ненавязчиво... отпустить на свободу? Чтобы он не устроил истерику и не разобиделся на весь свет. На меня пусть обижается, быстрее забудет. Но как бы так извернуться, чтобы ему поменьше больно было?

Он ради меня вдрызг разругался с братом. То есть они и раньше цапались, но такого полного брюквеца между близнецами не было. А теперь Лиу в ту сторону даже смотреть не хочет, а Силье...

Силье откровенно бесится и поглядывает то на брата с затаенной тоской, то на меня с откровенной ненавистью. Я в какой-то момент перестала делать вид, словно не замечаю этих взглядов, наоборот, задумчиво уставилась на парня в упор. Лиу как раз отвлекся, вынимая из фигурных форм десяток больших бисквитов, а я, чуть насмешливо выгнув бровь, наблюдала, как его близнец под моим взглядом начинает нервничать, метаться, ронять из рук то нож, то недочищенную морковь.

Дождавшись, когда неугомонный блондин окончательно вспотеет и обозлится настолько, чтобы прямо направиться ко мне, я едва заметно дернула подбородком в сторону боковой двери.

Силье аж остановился посреди кухни, так удивился.

Я еще раз кивнула, сопроводив это действие выразительным движением бровей. Мол, пойдем выйдем, поговорить надо.

Силье сначала высмотрел, чем там его братец занимается, убедился, что господин Жуй нашел тому еще работу, от которой пока не отвлечется, и кивнул мне, презрительно скривив губы.

Мне на то, какие он рожи корчит, было наплевать. Я быстренько поставила в очаг новую порцию тяжелых чугунных форм с бисквитами, присыпала горячими углями, чтобы все равномерно запекалось со всех сторон, и змейкой скользнула вдоль стены к заветной двери.

— Ну и? Чего тебе от меня надо, приبلудыш трактирный? — буквально выплюнул мне в лицо Силье, выныривая из темноты и резко прижимая меня за плечи к стене, как только я закрыла дверь и отошла в прохладную вечернюю тишину дальше в проулок между двумя зданиями.

— Поговорить, — я вздохнула, — о твоём брате.

— Поговорить? — Он засмеялся нарочито противным смехом. — Со мной? С чего ты взял, что я хочу тут с тобой болтать?

— А сейчас ты что делаешь? — Я тихо фыркнула, но мирно так, не накаляя обстановку. — Разве уже не разговариваешь? Ладно, ближе к делу.

— А ты не обнаглел, гаденыш мелкий? Да я тебя сейчас по стенке размажу, понял?! — Силье продолжал злиться, но, как мне виделось, больше напоказ, сам себя накручивал.

— Не размажешь. — Я спокойно отстранила его руку и кивком указала на каменное крыльцо — это была задняя дверь прачечной, там основная работа кипела рано утром, и в такой час уже никого не было. Можно поговорить спокойно и не бояться, что нас прервут. — Пошли вон там сядем.

Силье недоверчиво нахмурился, но двинулся за мной. Сел и уставился в упор:

— Ну? Говори давай, или я сам угадаю. Небось сейчас ляпнешь, чтоб я не мешал тебе брата сманивать в твой вонючий порт? Чтоб вас там обоих прирезали, как собак? — Он опять начал злиться. — На тебя мне наплевать, понял? А брата...

— Наоборот, — вздохнула я. — Хочу тебя спросить: как сделать так, чтобы он за мной не пошел?

— Да ты!.. — начал Силье в запале и вдруг поперхнулся воздухом. — Что?!

— Что слышал. Я вовсе не хочу тащить твоего брата с собой, понятно? Здесь у него ты, дядька, работа, крыша над головой. И ни одна падла не прирежет за просто так, это ты правильно. — Я вскинула голову и посмотрела в темно-синий треугольник неба, он подмигнул мне первой звездой как раз между козырьком прачечной, стеной кухни и навесом конюшни. — На фига мне его сманивать? Это я привычный, где хочешь выживу. А вы оба — дядины племянники, на дворцовых харчах выросли. Жрать привыкли каждый день досыта. И вообще... неженки.

Силье какое-то время смотрел на меня большими и неверящими глазами, потом резко отвернулся и запустил пятерню в свою блондинистую шевелюру, стащив с головы колпак.

— У меня спросить?! — наконец разродился он.

— А у кого? — Я опустила глаза и посмотрела ему в лицо. — Ты ж его брат. Хоть и придурок ревнивый, а все родной человек.

Глава 40

— Ты хоть понимаешь, что Лиу пережил, пока я там валялся потравленный! — Мозги близнецу миньона предстояло вправлять качественно. Я ни разу не педагог и не психолог, но вроде как взрослая тетка, должна справиться. И начну с шоковой терапии.

— Да уж конечно! — тут же окрысился Силье. — Переживал за дружка нового! Прямо места себе не находил!

— Заткнись и слушай! — Несильный, но стремительный подзатыльник заставил Силье онеметь — скорее от возмущения, чем от чего-то другого. — Ты, придурок! Сам не понял?! Он за тебя боялся! Ты всю дорогу на меня волком смотришь, даже не скрываешь, а тут меня травят.

Уже замахнувшийся для ответного удара парень так и застыл с поднятой рукой, бледнея на глазах.

— Дошло? — ядовито усмехнулась я. — Запросто мог под топор отправиться вместе с тем... гадом. Сам не видел, что у дядьки твоего седых волос прибавилось? Уж не знаю, как господин Жуй тебя отмазывал, наверняка недешево встало, раз даже в допросную ни разу не дернули. А ты даже не заметил ни этого, ни того, что брат ни жив ни мертв ходил все это время. Про меня он знал, что не помру, матушка Барбра сразу кишки мне промыла, а про тебя бабка надвое сказала.

— Он... он думал... — Силье не хватало воздуха, чтобы произнести фразу до конца, — что я...

— Вот ты без всякого топора безголовый же, а? — Я хлопнула себя ладонями по коленям. — Он думал, что тебя могут обвинить! И казнить! Давай, вспоминай, красиво выглядело, как человеку башку рубят? Хотел бы на его место?!

Силье побледнел еще сильнее, а потом я пять минут сидела на крыльце, любовалась звездами и старалась не прислушиваться к тому, как выворачивается наизнанку этот близнец. Дошло...

— На. — Поскольку разговор был более-менее продуман и спланирован заранее, я захватила с собой кое-что нужное, предвидя такую реакцию мальчишки. И теперь протянула ему глиняную бутылку с отваром Melissa. — Рот прополощи, а потом пей. Свалились на мою голову... вы оба.

Силье молча взял баклажку и какое-то время сосредоточенно булькал. Потом рухнул рядом со мной на выщербленные ступеньки и засопел. Молча.

— Думай давай, — вздохнула я, — чем твоего брата удержать. Ты лучше его знаешь. Я в душе не гребу, что такого он во мне нашел, чтобы таким хвостом привязаться. На спор его взял? Так это когда было. Было и прошло.

— Не знаю, — угрюмо буркнул Силье. — Поцапались мы с ним, а тут ты. Вот он и переметнулся.

— Так помирись! — Я ковырнула носком сапога темное пятно на старом ракушечнике, из которого было построено крыльцо. — Небось гадость ему сказал, а извиняться влом?

— А чего сразу я?!

— А того, что они у тебя изо рта сами сыплются, как из дырявого мешка.

— Да ты!

— Да я. Кончай базар. Значит, подойдешь и извинишься. А дальше посмотрим. — Я встала со ступенек и потянулась. — Вали, а то заметят, что нас долго нет.

— Покомандуй еще. Сами разберемся! — бурчал Силье громко и грозно, но было понятно, что это так... для порядка и чувства собственного достоинства. Пойдет и извинится.

План по водворению старшего миньона обратно в семью вступил в первую стадию. А за его спиной и младшие не пропадут, если что. И я смогу уйти из замка с чистой совестью.

Жаль, конечно, что первой стадией проблема не решилась. Да, я уже на следующее утро видела, как Силье то и дело за локоть оттаскивает брата куда-нибудь в укромный уголок и что-то там ему объясняет, размахивая руками. А Лиу его слушает, не пытаясь оттолкнуть или послать. Поскольку во время этих быстрых переговоров близнецы ни разу не посмотрели в мою сторону, я сделала вывод, что мозгов у Силье все же больше, чем у хлебушка, и он сообразил не лить помой в мою лохань, чтобы очернить перед братом. А то результат был бы прямо противоположный, уж

настолько своего миньона я узнать успела.

Но все шло нормально. То есть как нормально — меня по-прежнему таскали каждый вечер учиться быть принцессой. И я училась, куда деваться — решила выложиться на полную, быстрее бы только этот фарс закончился.

И по-прежнему Лиу ждал меня на лестнице. Но больше не пытался заговорить и в принципе все больше отстранялся. Это было правильно... но отчего-то все равно неприятно.

Очень остро я это почувствовала в тот вечер, когда вышла от герцога особенно взмокшая и усталая, а его на обычном месте не обнаружила.

И в спальне его не было. Я, с одной стороны, вздохнула с облегчением, а с другой... странное дело — наша человеческая душа. Отчего на ней так погано стало?

Пошла проверила мелких, убедилась, что все на месте, коллективно домывают Гуся. Гусь отбивается и орет, брызги из лохани по всей комнате, визг, писк и дым коромыслом. То есть все в полном порядке.

Только Лиу с ними нет. Скорее всего, старший миньон таки ушел к брату. Или они вместе ужинают у дядьки — тоже возможно.

Успокаивая себя этими мыслями, я плюхнулась на свою кровать и закинула руки за голову. Потом полезла в пояс и нащупала завернутые в него монетки.

Получить даже один золотой из честно заработанной награды у меня так и не получилось: намеков полынный герцог не понимал, а настаивать я боялась, чтобы не вызвать подозрения. Зато стала ныть, что задолбалась и работу на кухне тянуть, и за вещами своими смотреть-следить-ухаживать, и для него принцессу играть. А услуги тех же прачек и гладилиц в замке не бесплатные. То есть для господ они работают за жалование, и примерно раз в месяц им отправляют тюк грязного белья от слуг. Но этого ж мало. Чтобы выглядеть прилично, надо прачкам приплачивать. А мне нечем! Жалованье повара выдадут только в конце трехлунья, ну заведено так на кухне, а до него еще о-го-го сколько ждать!

Герцог пофыркал и выдал мне десяток серебрушек — маленьких, как рыбы чешуйки, но увесистых. И сказал, что на прачек с лихвой хватит, а если я вздумаю покупать у скотниц самогон и напьюсь... он меня лично выпорет.

Про самогон у скотниц я намотала на ус — этого я не знала. На угрозу только пожала плечами. И решила про себя: да хоть сколько-то денег лучше, чем ничего. Тем более непонятно, как бы я тот золотой за пределами замка разменивала. У кого? Больно уж не вяжется шкет-беспризорник и такое богатство. Приличный человек стражу начнет звать, а неприличный даст по башке и золото отберет.

На десять серебрушек трактир, конечно, не купить. Зато для выживания они могут оказаться даже полезнее.

Лиу этой ночью в комнату так и не вернулся. Увидела я его только следующим утром на кухне, он пришел с братом и сразу занялся с ним на пару тестом для пирогов. Мне кивнул приветливо, даже улыбнулся. Но не подошел.

Что же... хоть и пакостно отчего-то на душе, но в любом случае это лучше, чем его вечно хмурое молчание, ревнивые взгляды и недовольное сопение в спину, когда я вечером пойду к герцогу.

Давай, парень, все у тебя будет хорошо. Без меня.

Глава 41

Разговор у камина

Огонь снова бросал алые блики в толстое стекло винной бутылки, пряная терпкость в бокалах убавилась наполовину.

— Как продвигается твоя авантюра? — расслабленно поинтересовался тот-что-всегда-в-тени.
— Я правильно понял, подозрения в очередной раз не подтвердились?

— Да уж, — засмеялся Раймон, откидываясь на спинку своего кресла. — Если у меня и оставались сомнения, то сейчас они исчезли окончательно. Ни одна женщина не позволит себе выглядеть таким чучелом и не сможет притворяться настолько неуклюжей. Даже последняя крестьянка быстрее научилась бы, чем этот мальчишка.

— Время поджигает, — напомнил невидимый собеседник. — Что, если он так и не сможет изобразить что-то хотя бы отдаленно похожее на Юйриль?

— Сможет, — уверенно отмахнулся Раймон. — Он учится, а в последние дни, кажется, окончательно смирился и перестал брыкаться, начал серьезнее относиться к делу. К тому же мальчишка жаден до денег, и мне есть чем его поманить.

— Ну-ну... как ты собираешься решить вопрос с тем, что первые вассалы у этого потомка серебряной крови уже есть? — Кажется, невидимке нравилось задавать каверзные вопросы.

— Он же не принцесса. — Полынный герцог издал негромкий смешок. — Поэтому не имеет значения, кто был первым, кто вторым. А артефакт, как ты помнишь, реагирует одинаково, невзирая на порядковый номер вассала.

— Родовые камни в мэнорах уже один раз засветились, — напомнил голос из темноты. — Как ты собираешься это объяснить, если будешь приносить присягу на церемонии?

— Я думал об этом... и нашел выход. — Раймон поставил бокал на столик и кивнул, прося долить вина. — Присягать будем не мы как два претендента на звание консорта, а достаточно большая группа придворных и все слуги. И текст я взял из хроник тот, где присягают не сюзерену лично, а клянутся в верности серебряной династии. Но мы будем стоять в первых рядах, как бы руководя процессом и диктуя слова клятвы всем остальным. Как уже состоявшиеся первые вассалы. В этом случае у нас будет приоритет перед остальными, и одновременно это не даст зародиться подозрениям, что это не мы были теми, ради кого камни светились в первый раз. А присяга династии в целом не мешает потом присягнуть именно принцессе, когда мы ее найдем.

— Это если найдем, — не разделила его оптимизма тень. — Ты уверен, что она вообще жива? Раз в замке осталась ближняя кровь короля, артефакт мог не среагировать на то, что один из потомков умер где-то там, далеко.

— Что ж... — хмыкнул полынный. — Если Юйриль или те, кто ее увез, не объявятся после устроенного нами представления... будем играть с теми картами, какие есть.

— То есть... будешь использовать мальчишку? Женишься на нем?

— Давай пока не будем заглядывать так далеко, — поморщился Раймон.

— Хм... — Тень в кресле и не пыталась скрыть сарказм в коротком междометии. — Ну ладно.

— Все будет нормально. — Полынный герцог отпил вина и забарабанил пальцами по подлокотнику. — Я все держу под контролем. В том числе и мальчишку. Он, конечно, наглец, каких мало, портовый крысеныш, жадный, слишком сообразительный и себе на уме. Но я уже знаю, как не дать ему зарваться. Заодно и отвлеку от его «вассалов» внимание наших недругов.

Я дернула Гуся за ухо.

— Сиди спокойно!

— Да ты мне уже все волосы выдрал, — заныл паршивец, но послушно перестал крутить головой.

Я пробежалась пальцами по его влажным после мытья прядям, в который раз поражаясь, насколько у местных уроженцев все богато в области шевелюры, и медленно провела частым гребнем от затылка вниз.

Поскольку старший миньон в последнее время от меня и от младших отстранился, проводя больше времени с братом и его компанией, я решила совместить приятное с полезным, а заодно отвлечься от странных и непонятных мне мыслей и чувств.

Почему-то мне было ужасно тяжело от этой его отстраненности. А сил на рефлексию пока не хватало.

Ну я и занялась остальными мелкими. Заодно решив подсобрать побольше информации о мире за пределами замковых стен.

И начала с Гуся, у которого в один далеко не прекрасный момент обнаружили вши. А-а-а-а! Мало мне было блох?!

Теперь я тиранила нового миньона так, что пацан верещал драным котенком: собственноручно загнала в бадью с отваром какой-то местной «сурепки», которую матушка Барбра выдала как средство от вшей, и вычесывала частым гребнем до посинения. Остальные поросята вымылись на всякий случай в том же отваре, но, поскольку гнид в волосах я у них не обнаружила, лежали на свежепритащенном из конюшни сене (все тюфяки и одеяла отправились в котел кипятиться) и болтали на разные полезные темы, которые я незаметно им подкидывала.

— Много ты понимаешь! — чирикал из-под моего личного, выданного малькам одеяла Бори. — Вот я на пирсе был в Картахелии! Вот там праздники так праздники! Осенние костры знаешь какие?! А вкуснятины сколько! Мамкины дочки готовят даже лучше, чем у нас на кухне!

— Что еще за мамкины дочки такие? — хмыкнул Наталь, которого хлебом не корми, дай с кем-нибудь поспорить. — Да не может быть, чтоб вкуснее.

— Много ты понимаешь. — Бори аж сел, откинув одеяло, и принялся азартно размахивать руками. — Мамкины дочки — это как... как... Есть мамка, она как бы главарь, а есть ее дочки, разные тетеньки и девчонки. Они работают на пирсах, продают разную еду морякам и вообще всем. Просто так там торговать нельзя, потому что все пирсы поделены между разными мамками. Хочешь работать — иди под мамку ложись, а то...

— Да заливаешь, — перебил его Наталь. И настороженно покосился на меня, потому как за похабщину я могла мелким и подзатыльника отвесить. Но все равно ляпнул: — Чего под нее ложиться? Мамка, она ж не папка! Чем она будет... ну... того... кто там под нее ляжет?

— Дурак! — взвился Бори, и через секунду два мелких засранца уже катались по полу, расшвыривая соседей и солому в разные стороны.

Гуся пришлось отпустить, засранцев разнимать, угощать педагогическими методами и загонять под одеяло. Интересный разговор, который я слушала со всем вниманием, прервался, и продолжение я уловила только следующим днем на кухне, да и то вскользь.

— Парней мамки не берут. Это женский промысел считается... А? Да ну тебя, — бухтел Бори, срезая тонкую кожуру с корнеплода. Мальчишки сидели рядышком на лавке и под болтовню готовили мне гарнир для котлет. — У меня сноха теткой сватки была из таких. Тетка рассказывала, что там одна мамка есть, сильно старая, дольше всех на пирсах работает. Мамка Берта. Так вот, чтоб к ней под юбку попасть, надо подношение сделать, и не простое, особое. Мамка та страсть сладкое любит, аж все зубы съела через это дело. И если ее кто удивит...

Я мысленно сложила этот разговор в мешочек и убрала на специальную полочку в своей памяти, в коробку с надписью «вдруг пригодится». К десяткам других таких же разговоров, деталей, воспоминаний и баек, что за последние дни собрала среди своих миньонов и просто мальчишек на кухне. Особенно меня интересовали приютские, те, что недавно попали сюда и еще хорошо помнили, какая она, жизнь за стеной.

Глава 42

— Ваша светлость, ну я к тому-то платью еле привык. — Мое нытье, конечно, на герцога вообще не действовало, но надо же как-то пар выпускать? — Зачем вы еще одно притащили? Чем старое плохо было?

— Я сейчас задеру тебе юбки на голову и всыплю, паршивец, — вполне мирно пообещала пыльная светлость, отрываясь от книги. — Что я сказал, то и будешь надевать.

— Не надо! — Я поспешно сдернула с ширмы грудь шелка цвета лаванды и обиженно засопела. Понятно, Раймон только грозит и за все время ни разу меня пальцем не тронул — в смысле не стукнул. Даже подзатыльники прекратились, я уже молчу о линейке, которой он мне грозил. Но лучше не рисковать. Особенно задранными юбками.

За прошедшие почти две недели дурацкого маскарада я знатно надрессировалась правильно надевать кучу тряпочек, в которые должна быть упакована принцесса. И даже научилась в них стоять, ходить и дышать так, чтобы ничего ниоткуда не вываливалось, не торчало и не свешивалось, а я сама не падала через два шага на третий.

В целом все оказалось как в том анекдоте про «ну ужас. Но не ужас-ужас-ужас». То бишь противно, но терпимо. И как ни странно, я почти перестала бояться разоблачения. Потому как набитые нежнейшей козьей шерстью подушечки в корсаж мне герцог сам подкладывал, тихо ругаясь на то, что я тощий, как селедочный скелет. И у него, по моим наблюдениям, не осталось сомнений в моей половой принадлежности. Это слегка успокаивало.

Зато настораживало другое.

— Вполне неплохо, — заметил Раймон, когда я выбралась из-за ширмы, все еще поправляя складки на рукавах. — Ты быстро учишься, я даже не ожидал.

Герцог подошел и остановился в шаге от меня, придирчиво разглядывая новую «композицию». Хмыкнул себе под нос что-то одобрительное.

— Повернись.

Я вздохнула. Ну да, шнуровка на спине. Кто бы мне сказал, почему его пыльной светлости никак не надоест играть в живые куклы и самолично изображать мою горничную?

Корсаж уже привычно стянул талию. А потом длинные пальцы скользнули по спине к воротнику, поправляя шелковое кружево. И вдруг на мгновение замерли, коснувшись обнаженной шеи.

Меня как током ударило, и я дернулась, а Раймон в то же мгновение убрал руку и принялся несколько сильнее, чем надо, дергать за кружева, распределяя их красивыми воланами, и поправлять складки пышных рукавов.

А я стояла ни жива ни мертва, боялась поднять на него глаза и думала: это что сейчас было опять?!

Нет, с моей реакцией все понятно. Ни фига никакого тело меня не предавало, я его прикосновений откровенно пугалась. И не пыталась это скрыть. Но Раймон какого черта творит?

Нет, он не позволял себе ничего лишнего, и вообще мне временами казалось, что это меня глючит, а вовсе не герцога. Я навоображала себе то, чего нет. Ну очень уж у него был спокойный и уверенный вид все время... все то время, когда он меня не трогал вот так, как только что.

В первый раз это точно вышло нечаянно. У него рука соскользнула с той пародии на лифчик с пуш-апом, в который я обрядилась, а он попытался поправить это дело так, чтобы одна грудь не была выше другой на три пальца и в целом мое декольте не напоминало картину «сумасшедшая корова перед дойкой».

Я тогда была поверх пуш-апа в две сорочки обряжена, да плюс незатянутый корсаж, так что спокойно отнеслась к его сосредоточенному желанию привести мою грудь в соответствие с законами анатомии и гравитации. И у него даже получилось, а потом он полез поправлять сбившиеся сорочки и...

В тот первый раз он, кажется, даже с дыхания сбился. Но мгновенно взял себя в руки, и я реально подумала: показалось.

И дальше бы так считала, если бы эти нечаянные жесты не стали повторяться с удручающей регулярностью. Главное, они были абсолютно невинные: никто меня за задницу не хватал, под юбки не лез, и вообще ничего такого. Но пальцы Раймона раз за разом соскальзывали, срывались, задевали невзначай или гладили мимоходом открытую кожу шеи, ключиц или запястий.

Не больше одного раза за переодевание. И ни намека потом. И... да ну на фиг! Через три дня уже церемония, а потом... потом пусть герцог сам разбирается со своими тараканами, только меня и видели!

— На церемонии будешь в другом наряде, его сейчас готовят. — Голос герцога звучал спокойно, как ни в чем не бывало.

— А зачем я тогда это напялил?! — возмутилась я.

— Затем, что это платье подходящей длины и у него есть шлейф. — Раймон обошел меня и принялся что-то прицеплять сзади к моим плечам. — Который тоже надо уметь носить.

О да! О да, турнепс им всем в ...! Этот распроклятый шлейф действительно надо было уметь носить, иначе его обладатель рисковал многим — от расквашенного носа до переломанных ног. А еще мне пришлось учиться царственно возлагать затянутую в перчатку руку на стопку книг, изображающую некую деталь церемонии, о которой мне коротко сказали «не твоего ума дело», и зубрить текст по ролям.

Короче говоря, выбралась я от Раймона за полночь, едва живая от усталости. На лестнице меня, естественно, никто не ждал.

Только дверь в комнату его медовой светлости чуть шевельнулась, когда я проходила мимо. Но тут я не уверена, может, померещилось от усталости.

Я, кстати, как-то спросила его полынную светлость, как он собирается устраивать это представление перед герцогом Джейнсом — тот ведь не дурак и догадается.

Но мне было велено не забивать голову теми делами, которые меня не касаются, и делать ровно то, что велят. Не сказать, что я пришла в восторг от такого ответа, поскольку рисковать шкурой предстояло именно мне, но какой у меня выбор? Вот именно.

Я так устала, что до собственной комнаты тащилась, кажется, целую вечность. Чуть не заснула на лестнице между третьим и четвертым этажом. И впервые подумала — к черту вечернее умывание, до утра подождет. Даже соблазнительное уединение, позволяющее быстренько обмыться в лоханке целиком, сейчас меня не привлекало.

И хорошо, как выяснилось. А то еще вчера вечером я настолько расслабилась, что, войдя в комнату, скинула рубашку, даже не нырнув за ширму. Сегодня это вышел бы номер...

Поскольку вопреки сложившемуся уже в последние дни обычаю моя комната не пустовала. Лиу сидел на своей кровати и смотрел на меня в упор при свете масляной лампадки, стоявшей на колченогом табурете посреди комнаты.

— Что ты тут делаешь? — ляпнула я раньше, чем хорошо подумала, стоит ли вообще сейчас начинать разговор. Больно уж взгляд у парня был... странный.

Глава 43

— Живу я тут, — хмыкнул первый миньон и вроде как невзначай спросил спокойным тоном: — Что, опять герцогу про трактир и папашины рецепты рассказывал?

Спокойным-то спокойным, но я пятой точкой почувствовала надвигающуюся бурю. Ну что ж такое, а?

— Вроде того. — Ширма с легким соломенным треском перегородила комнату, отделяя меня от Лиу и от его по-кошачьи светящихся в полутьме глаз. — Устал как собака. Спокойной ночи.

Угу, так мне и дали отдохнуть, разбежалась.

Ширма с жалобным стуком отлетела в сторону, а я от неожиданности села на свою кровать, когда буквально молнией проскочивший через всю комнату Лиу оказался ко мне вплотную, навис сверху и еще руки опер в стену по обеим сторонам от меня, словно нарочно не давая сбежать.

— Рехнулся?! — Пришлось приложить усилие, чтобы голос не дал петуха от испуга. — Ты что делаешь?

— А что, ты к такому не привык? — Миньон ухмыльнулся криво, как злодей с картинки, и одной рукой сцапал меня за рубашку на груди, рывком притягивая поближе.

Ну нет, извините. Как бы я к кому хорошо ни относилась, а наглеть не позволю. И не то чтобы я каратист Иван Иванович из шарашкиной конторы, но врезать твердым носком сапога по голени умею еще как.

Поэтому, стоило Лиу наклониться ниже, так, что я увидела свое отражение в его расширенных зрачках и почувствовала, как теплый воздух колыхнулся у самых губ, а потом сменился прохладным прикосновением, я... от души приложила этого чокнутого мальчишку куда и собиралась. А когда он вскрикнул от боли и неожиданности, теряя равновесие, добавила острым, мелким, но от этого не менее твердым кулаком ровно в солнечное сплетение, роняя парня на собственную кровать, предварительно шустро вывернувшись из-под него.

— Совсем ошалел, придурок?!

Лиу задавленно кашлял, упав лицом в одеяло, а я сидела рядом и шипела, как рассерженная кошка. Охренеть вообще, что на него нашло?

— Герцогам, значит, можно? — проперхал наконец этот недоумок, поворачивая голову так, чтобы посмотреть на меня.

— Что можно, идиот?! — Я с трудом удержалась, чтобы не добавить ему по шее. — Еще раз так полезешь, я тебе ноги переломаю, понял?

— То есть ты с его светлостью не спишь?

— Я. Сплю. В своей кровати. — Для наглядности еще подхватила его за шиворот и в эту самую кровать потыкала — хотела носом, но парень вывернулся, и получилось ухом. — Понятно?

— Понятно. — С чего этот идиот разулыбался, я не поняла.

Точнее, поняла. И затосковала. Только этого мне не хватало.

— Еще раз полезешь проверять мою нравственность, ударю не по ходулям, а между ними, — предупредила я, отпуская его воротник и спихивая незваного гостя со своей постели.

Лиу покорно стек на пол и, еще раз откашлявшись, уселся там, сложив ноги по-турецки. Уперся локтями в колени, а подбородок положил на сжатые кулаки. И уставился на меня снизу вверх с непонятым выражением на лице.

— Не хочешь спросить, почему я не приходил ночевать?

— Ты взрослый парень, а я не твой папочка. — Усталость навалилась на плечи двумя тяжелыми мешками, я подгрела поближе набитую сеном подушку, засунула под поясницу и откинулась на нее, подтянув колени к груди.

— Я был с братом, — неизвестно зачем начал объяснять старший миньон. — Мы помирились.

— Да это все заметили так-то. — Подавив зевок, я поерзала затылком по стене и остро пожалела о том, что в здешних помещениях для прислуги ничего не знают про советский «бабушка-стайл» в

интерьере. Это когда плюшевый ковер с оленями на стене над кроватью. Было бы удобнее... черт, я так устала, что глаза сами собой закрываются. А спать... а как теперь спать, брюкву в зад этому психованному мальчишке? Нет, я не думаю, что он ночью на меня нападет и изнасилует, не настолько Лиу слетел с катушек. Но все равно. Не было печали. Что его так клинит вообще? Я, блин, ни разу не секс-символ эпохи, ни в качестве принцессы, ни как пацан-поваренок. А кроме того, сама видела, как он еще месяц назад строил глазки пышнотелым румяным горничным и краснел, если ему подмигивали в ответ. То есть с ориентацией у парня все нормально. Какого ж черта?

— Я думаю, что уговорю Силье стать твоим вассалом. После меня, конечно.

— Чего?! — Я аж проснулась, подскочила на кровати и больно стукнулась затылком о каменную кладку.

— Он не хочет и злится, но это пока, — с неуместным воодушевлением поведал мне старший миньон. — Я потому у него и ночевал, что мы разговаривали, и он в свою дуду, а я в свою. Чтобы он не ревновал, и вообще. Еще недельку поупирается, а потом...

— Не надо! — несколько поспешнее, чем хотела, выпалила я, с ужасом думая, что мой план по примирению Лиу с семьей пошел куда-то не туда.

— Почему? — Парень снова напрягся, его взгляд ощутимо потяжелел.

— Потому что мне не нужны вассалы... — черт, вот лучше бы всего сказать сейчас «вообще никакие» и разом оборвать затянувшийся спектакль. Но я не смогла. Черт его знает почему. Слишком больно было бы увидеть, как темные глаза напротив погаснут, — которых еще нужно уговаривать. На такое люди соглашаются сами, по велению души. А не вот это все.

— А... — Лиу выдохнул и опустил плечи. — Я не подумал чего-то.

— Во-во, — согласилась я, плюнув на все и устраиваясь на кровати как положено — на боку, с подушкой под головой и одеялом на ногах. — У тебя в последнее время вообще думалка занята чем-то явно не тем. Вали спать. Завтра поднимут опять ни свет ни заря... Подготовка начинается.

— К чему? — Лиу действительно встал, пошел подобрал у порога снесенную ширму и аккуратно разместил ее на прежнем месте, перегородив комнату.

Я услышала, как захрустела солома в его матрасе — значит, и правда лег.

— Послезавтра снимут завесу, приедут гости, и ее высочество будет принимать первую присягу.

— А... принцесса вышла из своего уединения? Понятно...

Может, ему и было понятно, а я вот все никак не въезжаю, как работают мозги у замкового населения и какую роль во всем этом играет магия герцогов. В первые дни блокады все еще помнили, что принцесса пропала, потом забыли, а теперь вообще уверены, что все было совсем иначе: ее высочество просто удалилась пообщаться с предками в некие секретные покои. А полотно над замком висит исключительно затем, чтобы ей не помешали. Злые силы, наверное.

Чудеса в решете.

Три дня. Осталось подождать три дня, и завесу снимут.

Осталось пережить эти три дня без потерь, надеясь, что глюки герцога Раймона мне мерещатся, а Лиу как-нибудь сам остынет.

Осталось сыграть принцессу на церемонии и получить свободу.

Всего ничего осталось, правда же?

Глава 44

— Сим указом я передаю заботу о своей крови в руки достойных, вручаю им власть, дабы позаботились они о моих землях, пока другие чаяния и дела будут занимать мои мысли и время, — заученно проговаривала я в высоченную каменную пустоту тронного зала, стоя рядом с тронном серебряной династии и положив руку на сияющий молочным нефритом круг родового артефакта династии Лан.

Перламутровый туман под моей ладонью чуть заметно пульсировал теплым и влажным, отчего казался живым. Я мысленно попросила его не отзываться слишком ярко, но исполнить мою просьбу, не выдавая. Знаю-знаю, полная шизофрения — мысленно разговаривать с камнем, но сейчас это казалось мне правильным.

Завеса над замком исчезла сегодня с рассветом. И с рассветом же за мной пришли — два угрюмых и молчаливых телохранителя его светлости полынного герцога, те самые, что неотступными тенями следовали за Раймоном после покушения. Было так рано, что мой сосед еще спал, и я постаралась выскользнуть за дверь так, чтобы его не разбудить. Незачем ему видеть, как меня уводят, только лишние вопросы возникнут там, где все уже почти кончилось.

Интересно, как герцог объяснит мое отсутствие на кухне в такой день? Или никак не станет, а свалит это все на мою голову — выкручивайся как хочешь? Да запросто. Никаких иллюзий я по этому поводу не питаю.

Интересно, что Джейнс действительно стоит в первых рядах моих новых вассалов, рука об руку с Раймоном, и оба дружным, давно отрепетированным на орах в коридорах хором повторяют для других слова клятвы. Вроде как диктуют и руководят процессом. Но моя рука лежит на артефакте, и я чувствую, как он отзывается в первую очередь на их слова. Любопытно... что это означает? Хотя нет, ну его. Не хочу даже знать.

Понятия не имею, как эти два оглоезда будут делить власть, которую я им сейчас передаю. И на что они рассчитывают, считая меня самозванцем. На то, что артефакт откликается тому, в ком крови на данный момент больше? Ну, в целом пока вроде все так и идет.

Еще меня очень настораживают взгляды герцогов. И если Джейнс смотрит внимательно, пряча в глубине глаз изумление, которое он не смог скрыть, когда увидел меня в этом наряде на входе в тронный зал, то Раймон... Его темное, давящее и словно ждущее чего-то пристальное внимание нервирует по-настоящему. В чем дело? Я же все правильно говорю, и даже местное «око», или как тут белый камешек называется, ведет себя как послушный и примерный артефакт.

Чтобы отвлечься от этих непоняток, я под шумок внимательно пригляделась к своим новым вассалам. И тихо хмыкнула про себя. Хитрый Раймон что-то явно задумал, поскольку мне сейчас не клянется в верности ни один из высших лордов королевства — их здесь просто нет. Откуда я знаю? А знакомые все лица, к присяге сегодня допущены лишь те, кто уже и так живет в замке. Парочка министров, придворные и даже некоторые слуги.

Если я правильно понимаю, клятва от сильных мира сего еще впереди. И по задумке Раймона клясться в верности они будут уже не мне, а просто серебряной династии и тем, кому она передана на хранение, то есть самому Раймону и Джейнсу. Ну, если к тому моменту не останется только один. А что? Запросто! Столько лет враждуют — и на финишной прямой возьмут и поделятся властью? Так не бывает.

И мне очень не хочется попасть между ними, когда эти два ухаля всерьез начнут выяснять, у кого бубенчики громче звенят.

Церемония между тем катила по проложенным рельсам, слегка позванивая на стыках, когда, например, мне нужно было что-то говорить помимо заученного текста, но я в целом справлялась. И уже предвкушала: вот-вот издевательство закончится, я смогу сбежать в дальнюю комнату и снять с себя эти душные роскошные тряпки. А потом вместе с ними избавиться и от короны, и от консортов, и от замка этого, который за полтора месяца успел надоесть мне хуже горькой редьки.

И я дождалась! Дождалась благословенного момента, когда за моей спиной закрылись тяжелые бронзовые двери с позолоченными драконами, отрезая меня от шумного зала и от напряжения последних часов. По официальной версии принцесса, то есть я, сейчас опять прямиком удалялась в секретные покои, дабы дальше общаться с предками, высовываясь наружу только ради самой крайней необходимости. А текущие дела перевалила на плечи сильных мужчин.

Сильные мужчины топали следом, и в какой-то момент я почувствовала, что Раймон подобрался вплотную, он уже прямо за моей спиной, так близко, что я телом ощутила исходящее от него тепло.

— Молодец, — сказал он странно хриплым полусшепотом. — Справился для первого раза отлично. В

следующий раз выйдет еще лучше.

Я от неожиданности аж споткнулась. Туфелька на каблуке, проклятье рода человеческого, зацепилась длинным узким носом за чуть выступающую каменную плиту пола, и я едва не растянулась во весь рост, как лягушка, выпавшая из террариума.

Удержалась, но встряска все равно вышла знатная, зубы стукнули друг о друга так, что во рту зануло. А еще я умудрилась прикусить губу до крови.

— В следующий раз?! — Машинально отшатнувшись от герцогских рук, что помогли мне удержаться от падения, я отступила еще на шаг и уставилась в лицо Раймону потрясенно и с недоверием. — Ваша светлость! Какой еще следующий раз?! Мы так не договаривались!

— Значит, договоримся. — Полынный герцог шагнул ко мне и так быстро поймал за талию, что я не успела сбежать. — Ты будешь делать то, что я скажу, столько раз, сколько я скажу. Понятно?

— Нет, — твердо произнесла я, глядя ему в глаза.

Ответный взгляд полыхнул так, что чуть не сжег на месте. Хватка на талии из мягкой и поддерживающей стала железно-неумолимой. Раймон притянул меня к себе вплотную. Запах полыни и базилика заполнил пространство, но сейчас он не казался мне свежим или прохладным, наоборот, он давил и обжигал, укутывал вязким облаком и не давал двигаться.

— Что. Ты. Сказал? — Зрачки мужчины расширились и сужались в такт словам, словно гипнотизируя.

— Я сказал нет, ваша светлость. — Разговаривать с опасностью спокойным прохладным тоном я умею хорошо. И к черту сейчас маскировку, слишком во мне много всего накопилось.

Его глаза скользили по моему лицу, словно герцог не верил в то, что видит. Или слышит. А потом взгляд опустился на мои губы.

Я еще успела отстраненно подумать, что у Раймона совершенно точно что-то случилось с головой. Его светлость герцог Браганта сошел с ума, иначе как объяснить то, что в следующую секунду он с яростным рыком впился мне в губы злым жестким поцелуем.

Глава 45

В первый момент я оторопела, но почти сразу начала отчаянно отбиваться и довольно чувствительно укусила Раймона за губу. М-да. Добилась только того, что он злобно рыкнул и так прижал меня к стене, что чуть ребра не сломал. Поцелуй стал еще злее и жестче.

Все, подумала я, здесь меня и похоронят. Потому что я не дамся и он меня убьет.

— С ума сошел?! — рывкнули вдруг над головой, и Раймон отлетел от меня, словно его неведомой силой вздернуло в воздух и швырнуло к противоположной стене.

Запах меда с корицей смыл одуряющую полынь, я открыла глаза и с облегчением разглядела склонившегося надо мной герцога Джейнса. Он пару секунд внимательно всматривался мне в лицо, а потом оттуда, куда улетел Раймон, послышался короткий стон, и Джейнс выпрямился.

— Пошел вон, быстро! — приказал он.

Ну, меня два раза просить не пришлось. К черту этот замок, к черту это королевство и к черту этих психов.

Я вылетела в заднюю дверь, в три прыжка, скинув распроклятые туфли, преодолела коридор и нырнула в кладовку, где сегодня утром оставила свою нормальную одежду. Вот как чувствовала, не повесила, как обычно, на ширму в комнате его светлости, а свернула тючком и притащила с собой в центральную башню. Раймон ворчал по этому поводу, но я уперлась, заявив, что мне так спокойнее, а мое спокойствие в деле правильно сыгранной роли очень даже важно.

Ну и вот. Видимо, это была интуиция.

Принцессино платье и парик с длинными светлыми локонами я там в кладовке и бросила. Не собираюсь больше участвовать в этом маскараде, ни за какие коврижки. Да, я помню, как полынный герцог все время заявлял, что у меня нет выбора, что я принадлежу ему. Я не спорила, потому что — ну хочется ему так себя обманывать? Кто ж тут доктор.

Только вот теперь — хватит. Герцогские иллюзии на деле оказались крайне опасными. И лучше держаться от них подальше.

Я сбежала по черной лестнице и уже почти выдохнула с облегчением, уверившись, что самое страшное позади, как вдруг кто-то схватил меня за плечо и резко толкнул к стене.

— Значит, с герцогом ты не спишь? — прошипела пыльная полутьма.

Мы оказались под лестничным пролетом, прямоугольник солнечного света от открытой двери во двор падал в стороне, а там, где меня притиснули к каменной кладке, словно по контрасту было ничего толком не разглядеть.

Но мне и не надо было.

Лиу. Ну что тебе нужно?

Хотя я в целом понимаю. Не девочка. Оттого и злюсь сильнее — парень, собери же мозги в горсть, что ты творишь?! Ну да, у меня опухли губы и выглядят так, словно я долго и взасос целовалась. И что?!

— Отпусти. — Мой голос прозвучал устало и холодно. — Это не твое дело.

— Ах, не мое?!

Что ж мне сегодня так везет на психов? Может, в воздухе распылили мухоморовую пыль и у всего замка радостно посыпалась черепица с крыши? Обиднее всего, что именно этот мальчишка. Я как-то... привязалась к нему, кажется. Во всяком случае, сумасшествие Раймона меня только напугало и убедило ускорить побег, а Лиу... Мне было больно. Больно оттого, что сильные руки встряхнули меня за плечи так, что я ударилась затылком о стену, а потом меня попытались поцеловать.

На этот раз я заранее приготовилась, и сильный удар под дых буквально откинул от меня Лиу. Парень согнулся и зашипел, зло, как рассерженная змея.

— Прекрати это, — холодно сказала я, проскользнув мимо него к выходу. — Не подходи ко мне больше. Забудь про меня.

И ушла.

Кто мне скажет, какого дьявола мне, взрослой тетке, пришлось идти через пыльный дворик и изо всех сил сдерживать слезы? Что со мной творится вообще?

Наверное, дурную шутку со мной играют гормоны. Все же это тело принадлежит девочке-подростку, а у них с этим делом полный брюквец. Да, точно. Так и есть. Ну, не страшно, взрослые мозги мне все равно никто не отменял. И вот ими-то и предстоит поработать.

Завеса снята, я могу уйти в любой момент. Точнее, в любую ночь, потому что днем меня просто так за ворота никто не выпустит, а в темноте я прошмыгну, я уже знаю, как это сделать и в каком месте. Не зря последние недели активно общалась со всеми поварами и поварятами подряд. Я же не только про город за стенами спрашивала, но и про жизнь-бытьё старожилов, про то, как они в город к девицам бегали или выпивку получше самогона таскали из винной лавки на старой площади. И как зажимали горничных в темных углах, и какой стражник за мзду выпустит через боковую калитку хоть целую толпу юных алкоголиков, а какой задницу надерет и дядьке Жую заложит.

Короче, как слинять из замка, я теперь знаю. Осталось дожидаться ночи и молиться, чтобы до этого времени еще кто-нибудь не сошел с ума. А пока можно тихонько собрать свои вещи и приготовиться.

Так, с золотом я попрощалась навсегда, причем давно — ясно было, что Раймон так просто мне его не отдаст. Обидно, но ожидаемо. Зато десять серебрушек все при мне, ничего не потратила. В этом мире и в этом времени, когда мое жалованье младшего повара в королевском замке — одна серебряная монета в месяц плюс харчи, и это считается достаточным, чтобы даже жениться, не так мало у меня денег-то. Выживу.

Что еще? Одежда, одеяло, тот же тюфяк, из которого я вытрясла солому и сложила в него свой нехитрый скарб. А больше особенно и нечего собирать. За дневником и зеркалом нужно идти уже в потемках, сейчас не стоит рисковать и бегать по двору, вдруг привлеку ненужное внимание. От работы на сегодня меня Раймон освободил, вот и буду сидеть в своей комнате до последнего.

Или не стоит? Черт, а если герцог опять пошлет за мной своих телохранителей?

М-да.

Ладно, тюфяк, в смысле мешок, в зубы и вон из комнаты, пережду в какой-нибудь из полупустых кладовок, это безопаснее.

Все эти умные мысли носились в голове туда-сюда как стадо диких мустангов, с топотом и громким ржанием. Отчего в висках стучало, а затылок налился свинцовой тяжестью, отзываясь противным нытьем на каждую новую скачущую мысль. Хотелось лечь, свернуться клубочком и немного поплакать, причем неизвестно почему. То ли отходняк от церемонии и последующих событий нагнал, то ли вообще наконец нервы сдали — с момента попадания не было ведь возможности расслабиться.

Я в последний разок окинула комнату взглядом, проверяя, не забыла ли чего, и уже пошла к двери, когда с улицы вдруг раздался громкий, хотя и не очень внятный вопль.

— Ю-уль! Юль! Выходи, шлюха... шлюх! Что, только герцогам можно с тобой спать?!

Я окаменела, потом быстро встала сбоку от окна и осторожно выглянула. Брюкву ему в зад, придурку малолетнему! Что он творит?! Что они оба творят?!

Глава 46

Ну естественно, кто бы сомневался.

Чем печат разбитое сердце мужчины? Правильно.

Но это мужчины, а два малолетних придурка, которые точно знают, что за пьянку они огребут по заднице и другим местам сначала от начальства, а потом от родного дядьки, — они-то как умудрились?

А очень просто. Во-первых, слухами земля полнится, правила «мужского» поведения передаются из уст в уста не первую сотню лет. А во-вторых, когда один печальный отрок, невесть чего себе напридумывавший, пришел плакаться к другому печальному и ни разу не ревнивому отроку, они же не могли не последовать совету опытного «мимокрокодила».

Этот мимокрокодил, пару минут послушав скорбную речь пострадавших, им и напомнил, что нет лучше средства от разбитого сердца, чем крепкий и вонючий самогон.

Что сделали два умных мальчика? Да, именно это. Пошли и купили самогон у скотниц. И ужрались, простите, в звезду и в красную армию.

И ладно Лиу, у него хоть «горе» приключилось. Но Силье! Который, по идее, должен был бы остановить брата.

Ага, два раза. То ли за компанию наакался, то ли наяривал стаканами, чтобы близнецу меньше досталось.

Всю эту историю я выслушала, стоя в толпе сбежавшейся на шум прислуги и, что самое неприятное, начальства. Угу, орать надо громче, а то не все еще заметили пьяных героев.

Хуже всего оказалось то, что дядька Жуй опоздал, а его светлость Раймон, наоборот, успел. Кой бес принес полынного герцога к крылу для прислуги, я даже знать не хочу, но факт остается фактом: пока я со всех ног неслась по лестнице с пятого этажа, чтобы заткнуть крикуна, наш прекрасный властитель успел наслушаться пьяных воплей про то, что вероломный Юль дает всяким герцогам, а те и пользуются.

В результате мы имели толпу во дворике, ледяную маску на лице Раймона и двух мокрых и слегка протрезвевших придурков на коленях перед его светлостью. Их туда пристроили телохранители, после того как на голову каждому выпивохе вылили по паре ведер ледяной воды из колодца.

Не знаю, то ли Раймон так пугал пацанов, то ли тут в принципе принято каяться и чистосердечно признаваться в своих грехах, но историю своего падения в объятия алкоголя парни поведали довольно внятно. Советчика, кстати, не сдали, сославшись на великое «не помню, господин».

И теперь Лиу с мрачным смирением смотрел в булыжники под ногами герцога, а Силье тоскливо вздыхал и отчетливо тряся, видимо сразу и от холода, и от нервного напряжения.

Раймон тяжело молчал, вокруг него ощутимо разливалось ледяное море с привкусом полыни и базилика. Он даже своим молчанием давил так, что проняло не только парней, но и зрителей: те очень быстро перестали галдеть и даже перешептываться.

— По тридцать плетей каждому, — наконец уронил герцог, и его слова упали в ледяное молчание как осколки айсберга, гулко и тяжело, сразу подняв волну тяжелого шепота мелких льдинок.

У меня затряслись коленки. Тридцать плетей... да он с ума сошел, что ли? Он сам те плети видел?! Я видела. На поясе у старшего конюха. И слышала множество страшных историй о том, как пятидесяти ударов таким ужасом хватает, чтобы взрослый мужик слег на несколько месяцев, а потом еще с годик был похож на бледную тень самого себя.

А пацанам и тридцати хватит, чтобы покалечить!

Ох, дура я, дура. Сто раз пожалею ведь... а что делать. Я все равно не смогу не думать о том, что в этом безобразии есть и доля моей вины.

— Ваша светлость... — Голос прозвучал хрипло, но достаточно громко для того, чтобы все ко мне обернулись, не только герцог, парни и зрители, но и дядька Жуй, который рванул было сквозь толпу к своим племянникам, наверняка намереваясь бухнуться в ноги Раймону.

— Ваша светлость... — Мозги отчаянно скрипели, стараясь подобрать подходящие слова. Да брюква его знает, это средневековье, вдруг не то ляпну и только хуже сделаю? — Ваша светлость, я прошу простить меня. Но это наказание несправедливо.

Раймон посмотрел на меня так, что в желудке появилось отчетливое ощущение воткнувшегося туда ледяного копья.

— Что. Ты. Сказал?

Ох, елки. У меня язык отнялся. Почти. Именно что почти...

— Ваша светлость, эти двое мои... — я не сказала «вассалы», потому что не была уверена, что не разозлю герцога еще больше тем, что замахнулась на привилегии настоящих дворян, хотя на кухне настоящая вассальная клятва в свое время никого не удивила — вроде как так и надо, — мои подопечные. Это моя вина, что они нарушили правила. Значит, мне и отвечать.

— Ты считаешь, что вправе оспаривать мои решения? — Ледяное копье в желудке стало больше и провернулось, наматывая на себя мои внутренности.

— Простите, ваша светлость. Я бы не осмелился. Всего лишь... пытаюсь сказать правду и уберечь моего господина от ошибки.

Честно говоря, народ вокруг смотрел на меня как на сумасшедшую. Что там, я бы со стороны и сама на себя так посмотрела. Но бросить этих двух идиотов... они ведь просто мальчишки. К одному из которых я непонятно с чего успела привязаться.

Я подняла взгляд и посмотрела Раймону прямо в глаза. Вслух мне духу не хватит такое ляпнуть, но вот в мыслях... Да, это в чем-то моя вина, а в чем-то — твоя. Это ты сегодня рехнулся и набросился на меня. Из-за тебя я выглядела так, словно целовалась в засос с целой армией герцогов. Как бы ни было глупо поведение Лиу, причина и в тебе тоже.

Уж не знаю, что герцог прочел в моем взгляде, но он вдруг зло усмехнулся:

— Рассчитываешь на мое особое к тебе отношение? Ты совсем обнаглел, мальчишка. Кто ты такой? Я покажу тебе твое место.

— Да, ваша светлость. — Я покорно склонила голову. — Но вы не можете не признать, что я говорю правду.

— Вот как. Хорошо. — Голос его светлости стал вкрадчивым. — Тогда я совмещу два дела. Плетей тебе, такому наглему и ответственному за других, мало. А вот трех суток у столба будет достаточно.

Так. Дыши, Юлька, дыши. Плети были бы страшнее, а у столба... Вот черт. Это такая хрень посреди самого большого внутреннего двора, похожая на недоделанное распятие. На солнцепеке днем и на сквозняке ночью. К нему подвешивают за руки так, чтобы ноги едва доставали до земли и не было возможности расслабиться. И само собой, наказанному не положено ни еды, ни воды.

Я бы сильнее испугалась, честно. Если бы не помнила о почти сразу зажившей ране на голове. Может... может, благодаря серебряной крови, от которой пока были одни неприятности, мне будет все же легче перенести следующие трое суток?

— Как прикажете, ваша светлость. Я приму наказание и за себя, и за своих... подопечных.

Ага, это я несколько самонадеянно выступаю. Раймон ведь не сказал, что мое висение на столбе отменяет плети для двух протрезвевших от ужаса идиотов...

Глава 47

Разговор у камина

— Ты окончательно сошел с ума? — Тень в кресле не орала, не шипела и никак по-другому не проявляла эмоции, но простой вопрос, заданный вроде бы спокойным тоном, заставил, кажется, потускнеть даже угли в камине. По полу потянуло холодом.

— Не окончательно, — проворчал Раймон, угрюмо глядя на притихший огонь. И замолчал. Вид у него был не то чтобы виноватый, но слегка поблекший.

— Что это было в таком случае? — все так же спокойно спросили из тени.

— Я... Все под контролем, — хмуро отозвался полынный герцог.

— Правда? — В спокойном голосе впервые промелькнули нотки сарказма. — Это ты называешь «под контролем»? Если бы не я, ты разложил бы мальчишку прямо на полу в коридоре.

— Ерунда. — Раймон потянулся и взял бутылку с дальнего края столика. Привычной уверенности в его словах не было.

— С каких пор ты вообще по мальчикам?

— Да ни с каких! — взорвался полынный герцог, едва не саданув бутылкой по столу. — Это вообще не то! Я... я видел другое, понимаешь? Я понимал прекрасно, что это всего лишь мальчишка-бастард, да меня в жизни не тянуло на подобные развлечения, тебе ли не знать?

— Я знаю о тебе многое. — Тень вдруг качнулась вперед и вынырнула в тусклый круг света. Золотисто-карие глаза медового герцога, непривычно серьезные и ни капли не легкомысленные, посмотрели на Раймона пристально и чуть прищурились. — И мне не нравится то, что я увидел.

— Джей, хватит, — устало вздохнул полынный. — Я...

— Я не дам тебе пустить псу под хвост все, чего мы добивались столько лет, Райн, — холодно зато произнес герцог Ривердан. — Только потому, что у тебя, как выражается простой народ, черепица с башни вдруг посыпалась. Мы шли к нынешнему результату слишком долго. Мы пожертвовали многим, и нашей дружбой в том числе, играя роли злейших врагов. Даже побег дуры Юйриль не смог так нагадить, как это может сделать твое внезапное сумасшествие, ты это понимаешь?

— Да не сошел я с ума! — чуть ли не простонал сквозь зубы Раймон. — Я себя контролирую. Все, уймись...

— Именно поэтому ты устроил представление перед слугами, наказывая мальчишку? Хочешь, чтобы я поверил в то, что это не была месть за отказ?

— Да ты сам свихнулся! — разозлился герцог Браганта. — С каких пор ты считаешь меня сластолюбивым мстительным подонком, Джей?!

— Не считаю. Поэтому жду объяснений. — Медовый герцог снова откинулся на спинку кресла и утонул в тенях.

Раймон довольно долго молчал, цедил по глотку терпкое горьковатое вино из южных долин, время от времени наклонялся и шевелил кочергой тлеющие угли в камине. В комнате было на удивление спокойно, ожидание Джейнса больше не давило на плечи и волю каменной глыбой, он умел слушать и понимать, как никто. Поэтому Райн, который на людях был более громким, заметным и агрессивным, всегда безропотно принимал лидерство друга в их паре. Вот и сейчас он всего лишь собирался с мыслями перед тем, как все объяснить, а вовсе не пытался уйти от ответа.

— Сначала он меня просто забавлял, — медленно начал он спустя еще какое-то время. — Смешной маленький наглец. Но отнюдь не дурак. Совсем не дурак. Потом... потом я всерьез заинтересовался. Мне все время казалось, что с ним что-то не так. Но придаться было не к чему — мало ли я видел портовых мальчишек? Он именно такой — нахальный, проницательный, острый на язык, быстро соображает и любит деньги. А еще у этого странного мелкого существа явно в голове нечто вроде своего собственного кодекса чести. К рыцарскому он, конечно, не имеет никакого отношения, но по-своему мальчишка достаточно тверд в том, что считает правильным.

Тихое хмыканье из соседнего кресла дало понять, что Джейнс услышал собеседника и принял его слова к сведению, но хочет большего.

— Когда мы затеяли авантюру с переодеванием, я поначалу ничего особенного не заметил, — Раймон говорил медленно, словно сам пытался понять, что же произошло. — Но потом... потом меня накрыло. Я не знаю, как это назвать. Я не хочу мужчин! Или, не дай небеса, мальчишек. Я...

— Тебя тянет именно к Юлю.

— Похоже. Первый раз я коснулся его случайно, и меня словно обожгло. Это не было желание плоти, можешь мне поверить, я не юный девственник и могу почувствовать разницу. Это другое.

— Но целовал и заваливал ты его совершенно однозначно, — фыркнул из тени Джейнс.

— Это потом. Поначалу... просто все время хотелось его коснуться, чтобы проверить — может, мне просто показалось. А после примерно пятого раза это странное ощущение стало казаться мне необходимым. После него словно легче дышалось и даже думалось. А сегодня... я не знаю, что это было. Кажется, оно началось, когда я увидел кровь на его губах, а потом этот маленький наглец посмел мне перечить. И я действительно взбесился. Он носитель серебряной крови, мать его! Он нам нужен, но под контролем. Под полным контролем. Чтобы шагу ступить сам не смел. Иначе знаешь, что может случиться.

— Не хочу тебя огорчать, — сарказм в голосе Джейнса можно было резать ножом, — но у меня для тебя плохие новости.

— Сам знаю, — насупился Раймон. — Но я себя уже контролирую. И это представление во дворе вовсе не было мстью. Я все продумал.

— Продумал? Ты уверен, что это было продуманное решение? Какой демон в тебя вселился, когда ты назначил пьяным мальчишкам по тридцать ударов плетью? Ты же понимал, что это практически смертный приговор. Прости, но у меня — даже у меня! — возникла мысль, что ты пытаешься избавиться от соперников.

— Пф-ф-ф, ты что несешь! — Раймон даже засмеялся. — Какие, к демону, соперники? Мне всего лишь надо было показать, что никакой особой ценности эти двое не представляют. И я это сделал. Если бы наш излишне благородный бастард не влез, все равно я отдал бы дурней их родственнику после того, как тот стал просить милости. Я бы вручил ему племянников со строгим наказом самолично выпороть так, чтобы месяц сесть не могли, что наш главный повар бы и исполнил, не сомневайся. И все были бы уверены, что я сжалился только ради него. Господин Жуй уже рот открыл, когда появился Юль, засранец такой.

— И ты разошелся на полную. — Его медовая светлость тоже потянулся за бутылкой и налил себе вина.

— Джейнс, перестань. — Усталость снова навалилась на плечи полынного герцога. Он сидел и смотрел на рубиновые искры в бокале, и казалось, что даже черты его лица чуть оплыли от этой усталости и еще чего-то, что он сам не смог бы с уверенностью назвать. — Что мне было делать, если этот малолетний спасатель сунулся туда, куда его не звали? И снова взялся мне перечить? Только ставить на место, причем жестко. Бить его плетью — сам понимаешь, такого приказа я отдать не мог. Серебряная кровь — не вода. Да меня самого бы откатом размазало, ведь я тоже дал клятву. А три дня у столба — это не прямой вред, тем более что он выдержит. Отлежится потом недельку-другую и навсегда запомнит, как лезть не в свое дело. А откат я потерплю, он будет несильный.

— Разве не в свое? Ты понимаешь, что если кровь зовет тебя... то и его тоже? А они его вассалы. Первые.

— Демоны! — Раймон с силой швырнул бокал в камин. Тот со звоном разлетелся, вино зашипело на углях, взвиваясь к потолку пряным запахом южных виноградников. — Ты думаешь... и меня тянет именно кровь? Но тогда...

— Понятия не имею. Но эта версия ничем не хуже других и точно нравится мне больше мыслей о том, что ты влюбился в уличного мальчишку. Во всяком случае, я предупрежден, — вздохнул Джейнс. — Пальцем это «сокровище» никогда не трону. Хоть у кого-то из нас должен сохраняться трезвый разум. А ты... я так понимаю, и от него внимание отвлек, убедив всех, что Юль вовсе не твой фаворит? И вообще, может, не бастард, как начинает догадываться наш дорогой противник? Всего лишь мальчишка на ночь, который вышел из милости, так?

— В целом, — Раймон успокоился так же быстро, как и вспылал, — все идет не так уж плохо. Этих двоих я все равно отдал их дядьке, как и планировал, сделав вид, что жертва их «сюзерена»

тут вовсе ни при чем и все дело в родстве. Фимо уже докладывал, что из конюшни слышны звуки розог и вопли. А Юль... Я распорядился, чтобы его подвесили ниже обычного, до земли все же достает ногами твердо, так что фактически не висит, а просто стоит у столба, помучается, но в меру. И воду по утрам будут давать, немного, чтобы по нужде потом не водить. Три дня - не вечность, да и отпущу я его раньше. А там посмотрим.

Глава 48

Сколько раз за прошедшие сутки я назвала себя идиоткой? Даже считать не буду. Тем более что сил на это почти не осталось.

Это первые сутки я еще что-то чувствовала — боль в затекших мышцах, жару, ночной холод. Мучительную жажду. К началу второй ночи из всех ощущений осталось только последнее.

Есть мне не хотелось, а вот пить... утром мне дали полчашки воды, и на этом все. Хотя понятно, что больше и не стоило, потому что в туалет меня от столбика никто водить не собирался. Полчашки же испарились с поверхности кожи с потом еще до полудня.

Ну и, кроме желания напиться, было еще одно, большое и всеобъемлющее: сдохнуть уже наконец. Все равно тела я почти не чувствовала. Жаль только, это онемение не сделало мою жизнь легче. Оно само по себе было настолько невыносимым, что лучше бы болело все подряд.

А самое противное заключалось в том, что мой дурацкий героизм оказался никому не нужен. Я вчера целый час слушала, как парни орали под розгами — конюшня находилась недалеко от столба, на котором меня подвесили. Конечно, розги — не плети, а дядька Жуй — не королевский палач. Но в тот момент, когда Раймон снизошел до просьбы главного повара о помиловании, чертов полынный герцог так на меня посмотрел, что я поняла: он с самого начала собирался так сделать. И мне абсолютно незачем было лезть под руку.

Не знаю, что меня толкнуло. Ну, кроме иррационального чувства, что за этих двух оболтусов отвечаю я. Главное, второй мне даже клятв никаких не приносил. И что? А ничего... орали оба одинаково громко, господин Жуй явно руки не жалел.

Но это было вчера. До того, как прошла ночь и перед рассветом сознание стало медленно уплывать в липкое марево невнятных кошмаров.

Вторая ночь у столба пришла неожиданно, когда я уже перестала ее ждать — так долго она не наступала. Половина срока прошла. Или меньше? Или больше? Ни брюквы уже не соображаю. Но уходить в забытие мне даже понравилось — там хреново, но наяву еще хуже. Вот сейчас белесый туман бессознательного затянет двор, спрячет шепчущихся в отдалении слуг — ко мне никто не смел приближаться, — скроет звуки и огни факелов...

Когда я в следующий раз пришла в себя, первое, что почувствовала, — чьи-то жесткие пальцы на плече.

Ресницы слиплись, поэтому я даже не сразу смогла открыть глаза. А когда открыла, поняла, что лучше бы я этого не делала.

Потому что прямо напротив меня скалилась страшная, заросшая черной бородой по самые глаза рожа. Знакомая рожа.

Я уже и забыла про бугая, которого за драку в коридоре сослали из кухни в конюшни на самые черные работы. А вот он, похоже, обо мне не забыл. Напасть днем не смел, но сейчас ночь, я у столба, мои руки стянуты веревкой и подвешены на здоровенный крюк, а вокруг ни души. Двор совершенно пуст.

— Попался, гаденыш, — прошипела морда, расплываясь в людоедской ухмылке.

— Только сунься, заору так, что половина замка сбежит. — Я сама не очень верила в это, потому что в горле давно уже пустыня Сахара и каждое слово приходится выталкивать с трудом и хрипом. Но я попытаюсь — уж больно мне не нравится длинная тонкая палка в руках бугая.

— Ах ты, падаль! — разъярился он, понимая, видимо, что его месть может провалиться. Да, вокруг никого, но, если я начну голосить, стража на стене меня точно услышит и кто-то обязательно прибежит на шум.

— Ну все, сучонок, не жить тебе. — Рука на моем плече сжалась так, что едва не сломала его, я уже открыла рот, чтобы заорать из последних сил, и...

Острое и холодное вонзилось под ребра, сразу проникая куда-то глубоко, так глубоко, что даже не было больно в первый момент. Я почувствовала, как левый бок становится мокрым. А потом...

А что потом произошло, я просто не поняла. Нет, в голове появилась четкая картинка: этот

психованный конюх воткнул мне что-то типа острой пики в бок. И боль, которой сначала не было, теперь очень даже есть, она такая огромная, что заслонила собой почти все.

Но, кроме боли, на границе разума маячило еще что-то. Что-то странное. Нет, мое дикое, отчаянное желание, чтобы боль прекратилась, чтобы кто-нибудь мне помог, чтобы наконец вообще весь этот кошмар закончился, — оно само собой.

Только вот почему перед глазами так и стоит искаженная ужасом и не менее дикой болью морда бородатого убийцы? Почему я вижу, как у него у самого вдруг фонтаном начинает хлестать из горла кровь, не давая даже закричать? И почему... почему я знаю, что вот сейчас этот придурок сдохнет у моих ног, а я этого не хочу?! А где-то там, в отдалении, умирает еще один человек, и его смерти я тоже не хочу.

Да что такое?!

Никто не должен умереть!

Ярость и нестерпимые мучения смешались в одно, когда я заорала — не знаю, мысленно или вслух:

— Не смей, скотина! Не смей умирать, пока не поможешь мне! Вынь нож!

Глаза убийцы в тот же миг словно остекленели. Он задергался в конвульсиях и вдруг закрыл рот. Кровь перестала хлестать из него, мужик выпрямился, надвинулся на меня, и в следующий момент я чуть снова не потеряла сознание — он действительно вынул из меня свою заточку. Может, это было глупо — я знала, что это запросто спровоцирует внутреннее кровотечение, — но мне просто нестерпимо хотелось, чтобы раскаленное и в то же время ледяное лезвие убралось из моего тела и перестало так жечь.

— Простите, госпожа. — Сильные руки приподняли меня, снимая стянутые веревкой запястья с крюка.

— Охренеть, — пересохшее горло совсем отказалось сотрудничать, но это слово выдавило. Слишком сильно я... удивилась.

Между тем меня бережно взяли на руки и потащили куда-то в темноту. Я мельком успела увидеть столб и лужу крови под ним. Да уж, тот, кто утром первый обнаружит это зрелище, решит, что меня там на куски порезали, не меньше. Интересно, почему я все еще жива? И что вообще происходит?

Я всю дорогу об этом размышляла, пока бугай укладывал меня на сено где-то в дальнем конце конюшен, пока бегал за водой, чтобы напоить и обмыть рану, пока туго бинтовал тряпками ребра. Пока, дав мне прикусить какую-то деревяшку, чтобы не скулила, разминал мне плечи: за сутки висения на столбе те так затекли, что опустить руки я просто не могла, и ему пришлось с этим повозиться.

Что это вообще такое? С какой стати психованный придурок вдруг превратился чуть ли не в мать родную или как минимум в няньку и преданного слугу? От его «простите, госпожа» и «потерпите, госпожа» у меня прямо тошнота к горлу подступает. Какого, брюкву всем в зад, тут творится?

Не знаю, сколько времени прошло. Но утро еще не наступило, когда я после короткой дремы резко открыла глаза и поняла, что у меня, конечно, тело еще болит от пяток до макушки, особенно левый бок, но уже терпимо. И я даже могу попробовать встать. Регенерация серебряной крови? Не знаю и знать не хочу, главное — результат.

Что же, пришла пора убираться отсюда подальше. Стараясь не шуметь, я села на соломе и вгляделась в темноту. Как бы так тихонечко, чтобы никто не услышал...

— Госпожа, куда вы? Я с вами!

Глава 49

Я какое-то время не могла понять, почему этот чокнутый мужик прилип ко мне как жженный сахар ко дну кастрюли — зубами не отскребешь. Но приняла к сведению. Как и то, что в его глазах теперь плескалось много чего откровенно пугающего — от слепого обожания до готовности самому броситься на нож, если я прикажу.

Слава богу, чуть оклемавшись от боли и прочих кошмариков, мозг потихоньку начал работать, и я смогла сообразить, что же произошло.

Клятва верности. Этот придурок вместе со всеми слугами давал клятву верности серебряной крови. И чтоб мне лопнуть, если его не той самой клятвой приложило. Здесь магический мир, о чем я постоянно забываю, к своему стыду.

Теоретически бугаина злостный вообще должен был помереть оттого, что посмел на меня покушаться. Но... если подумать и вспомнить, я этого не хотела. Что толку, если бы он просто окочурился рядом со мной? Я хотела, чтобы он прекратил плевать кровью и вынул из меня нож, и вообще! Чтобы все это прекратилось.

Ну, чего хотела, то и получила. Плюс зомбированного бугая в придачу. Все бы ничего, но кто знает, как надолго хватит этого зомбирования?

Ладно, разберемся.

Темнота в конюшне оказалась весьма относительной. Разглядеть проходы, стояла с лошадьми и стены — можно. Труднее решить, куда двигаться раньше. Вещи свои я оставила в комнате на пятом этаже и не уверена, что сейчас одолею лестницу. А забрать их хочется, потому что серебро тратить сразу на выходе из замка не дело.

— Эй ты... тебя как зовут? — обратилась я к ушибленному клятвой в мозг здоровяку.

— Крон, госпожа, — пробасил мужик, преданно заглядывая мне в лицо.

— Крон, можешь мне помочь? Знаешь, где моя комната? Отлично. Ты должен очень тихо подняться туда и забрать мешок с вещами из-под моей кровати. Не перепутаешь, она слева от двери. Только очень-очень тихо, чтобы тебя ни одна живая душа не видела и не слышала. Если там сейчас спит... второй жилец, изо всех сил попытайся его не разбудить.

— Сделаю, госпожа, — с готовностью кивнул бугаина.

— Отлично, топай. Принесешь все сюда.

Крон поклонился и исчез в черном проеме двери, ведущей во двор. Я выдохнула. Ну... посмотрим. Принесет — хорошо, не принесет... буду знать, что рассчитывать не на что.

А пока мне нужно подумать и немного осмотреться. В том смысле, что в этой части конюшни я никогда не была, надо бы предусмотреть пути отхода, если вдруг что.

Чем я и занялась, тихонько двигаясь вдоль стенок, на резвый бег меня еще точно не хватило бы. Та дверь, в которой исчез Крон, осталась за спиной, я уже миновала три или четыре стойла, в которых мирно хрюпали сеном лошади, когда заметила в конце длинного коридора тусклый свет, словно где-то там горела одинокая маленькая свеча.

Я остановилась и какое-то время думала, что нужно повернуть назад. Мало ли кто там коротает ночь, встречи мне сейчас не нужны. Но в то же время меня охватило странное чувство, что я обязательно должна дойти туда и посмотреть. Обязательно!

Бороться с этим ощущением у меня не хватило сил. Я постояла еще пару минут и со вздохом медленно поплелась на свет.

Как оказалось, свеча горела в небольшом закутке между последним в ряду стойлом и каменной кладкой внешней стены. Она стояла прямо на каменном чистом полу между двумя узкими лежанками, на которых спали...

Ну, если подумать, ничего удивительного в этом нет. Наверное, парням так всыпали, что уйти своими ногами из конюшни они не могли, тем более на пятый этаж в нашу общую с Лиу комнату или даже на второй в комнату, где жил Силье. Не знаю, правда, почему дядька Жуй не забрал их к себе, возможно из педагогических соображений. Так или иначе, мой первый миньон и его близнец лежали передо мной.

Я какое-то время стояла в темноте, не решаясь ступить в неровный круг света. Смотрела и слушала.

Парни спали беспокойно, стонали сквозь сон и вздрагивали. Кажется, оба были голые, просто накрытые довольно большими и теплыми одеялами. Из-под которых торчало еще нечто белое. Я после секундного раздумья опознала в странном куске ткани лечебные примочки матушки Барбры. Ага, понятно, помощь им оказали.

Надо было развернуться и уйти, но я не смогла. Очень тихо ступая, я подошла к той лежанке, на которой спал Лиу — даже не задумалась в тот момент, откуда я знала, что это именно он, а не его близнец, — и опустилась на пол у изголовья.

Лиу спал, положив голову на скрещенные руки и повернув лицо к проходу между лежанками. Поэтому сейчас я могла видеть и высохшие грязными полосами на щеках дорожки слез, и прокушенную, припухшую нижнюю губу и нахмуренные в болезненной гримасе даже сейчас брови.

Никаких мыслей про «сам дурак виноват» у меня в голове не осталось. Все смыла странная нежность с привкусом горечи. Мне было больно оттого, что я, по сути, втянула парня в неприятности. И грустно оттого, что ухожу вот так, ничего не объяснив, даже не попрощавшись.

Рука сама потянулась и легонько погладила спутанные белобрысы лохмы. Коснулась невзначай щеки — и я нахмурилась, ощутив, что она заметно горячее, чем должна быть. Еще бы, после такой порки температура — дело обычное, я об этом когда-то читала в детской книге про угнетателей американского юга.

Обидно, что я уже почти не чувствую даже рану от ножа, а мальчишки мучаются. И будут мучиться еще долго, судя по всему. Раймон так и сказал: выпороть, чтобы месяц сесть не могли.

Наверное, слишком мало в них с братом серебряной крови. Регенерация не работает. А жаль... я бы поделилась, чтобы хоть как-то отплатить за... не знаю, за короткую, но, кажется, настоящую дружбу, за его непонятные чувства ко мне, над которыми он не властен. Да просто так поделилась бы, без всяких расплат.

Не знаю, что на меня нашло, пока я обо всем этом думала, но дальше все было как во сне. Мои пересохшие после длительной жажды губы и так покрылись мелкими болезненными трещинками, чуть нажать зубами — и сразу чувствуется соленый металлический привкус. Пальцы сами собрали алые капельки и размазали их по губам спящего мальчишки. Он тихо выдохнул и облизнулся, а потом застонал, но не проснулся.

А я наклонилась ближе и легко-легко, едва касаясь, поцеловала его в переносицу. И мысленно пожелала: выздоравливай, мой первый миньон. А потом забудь обо мне и постарайся просто быть счастливым.

По-хорошему надо было бы и второму близнецу помочь, ему-то вообще почти ни за что прилетело. А еще умнее бы — встать и уйти, да побыстрее. Почему я медлю? Понятия не имею.

Выдох, два... сейчас встану и бесшумно пройду три шага до соседнего стойла, исчезну в темноте, будто меня никогда и не было. Вот сейчас. Я уже почти.

— Юль?

Глава 50

У меня ноги примерзли к полу. Вот идиотка! Разбудила!

И что делать? Просто сбежать? До границы неровного света остался всего шаг, чуть качнуться вперед — и даже моя тень растает в темноте, словно ее и не было. Мало ли что привиделось мальчишке в жару? Да он и сам к утру, скорее всего, не вспомнит.

Да, так и следовало поступить.

И кто мне объяснит, с какого маринованного хрена я сделала наоборот? Развернулась и шагнула обратно к лежанке.

— Тихо. — Мои пальцы легли на его губы. — Все хорошо. Спи.

— Юль... — Лиу вдруг едва слышно всхлипнул без слез. — Прости... прости, это я виноват. Прости...

— Не городи чушь, — шептать строгим голосом тяжеловато, но я справилась. — За то, в чем ты виноват, ты уже наказан. Все остальное вообще тебя не касается. Понял?

— Юль... — Он снова всхлипнул, и одна слеза все-таки покатилась по виску, скрывшись в спутанных белобрых лохмах.

— Только не реви. Насчет твоей вины я все сказал. Если понял меня, кивни. Угу. Молодец. А теперь закрывай глаза и спи.

— Юль, я...

— Все будет хорошо. Это главное... — Рука сама потянулась и вытерла еще одну дурную слезищу, повисшую у него почему-то на кончике носа. — За пацанами только присмотри. Чтобы мылись вовремя и выучились полезному. Обещаешь?

Он рвано кивнул, вздохнул и улегся обратно на тощую соломенную подушку. Кажется, по-настоящему Лиу и не проснулся, судя по тому, как быстро и послушно опустились его ресницы и как он тихонько и ровно засопел.

— Прощай, — одними губами произнесла я и больше не стала задерживаться — легкой тенью скользнула прочь.

Что же, теперь меня в замке точно ничто не держит. Ну, кроме бабкиного дневника и зеркала. Значит, самое время их забрать. Тем более что с каждой минутой я чувствую себя все лучше и лучше, плечи больше не ноют и не стреляют болью при каждом движении, рана на боку из сочащегося кровью страшного даже на вид глубокого разреза превратилась в едва сросшийся, очень свежий, но шрам. Чесался он невероятно, но разве можно сравнивать этот зуд с раскаленной пикой под ребром?

Короче, самое время брать ноги в руки, заканчивать дела и убираться. Но для начала... для начала с дневником бабушки надо будет еще как следует поговорить. Чтобы решить окончательно, взять ли его с собой или швырнуть в костер от греха при первой же возможности.

Поскольку Крон с моими вещами еще не вернулся и непонятно было, когда вообще придет, я решила его не дожидаться. Потом загляну в конюшню и посмотрю, справился ли этот странный чувак с поручением или исчез с концами. А пока путь знакомый: в щель между конюшней и стеной, переступить через выдранные с корнем сорняки, которые мальчишки побросали в этом углу, поскольку обычно мы все лазили через окно барака, пройти несколько шагов до стены, потом налево, три камня от белого пятна на стене, рыхлая земля под пальцами, тонкие нитки корней.

Небо над стеной едва-едва начало сереть, в бурьяне так вовсе было хоть глаз выколи, но, странное дело, мне вполне хватало света, чтобы размотать мешковину и вынуть из дневника осколок зеркала.

— А, это ты. — Принцесса зевнула и потянулась. — Что-то случилось?

— Да так, мелочи, — усмехнулась я, подгребая под задницу ранее вырванный и подсохший бурьян, чтобы сидеть было помягче. Откинулась на замковую стену и положила раскрытую тетрадь на колени, пристроив стеклянный осколок на страницы. — Здравствуй, прабабушка. Может, расскажешь, куда ты дела правнучку и как попала на ее место в зеркало?

Прабабушка молчала почти минуту, сверля меня пристальным взглядом. Потом вздохнула:

— Ты умнее, чем я думала. Это и хорошо и плохо.

— Ты не юли, ты рассказывай. — Я откинула голову назад и на секунду прикрыла глаза. Не от усталости, просто почему-то захотелось.

— Увы, — вздохнуло зеркало. — Моей правнучке не повезло, и она родилась не только глупой, но и самоуверенной. Ты вложила зеркало в дневник, и девочка действительно начала читать его гораздо внимательнее, чем в первый раз. И вычитала, что даже в ее положении можно попробовать провести обратный ритуал. Убить тебя и вернуться в свое тело. Она была уже согласна на любого мужа, на золотую клетку и рождение хоть пятерых наследников, лишь бы снова стать живой.

Я даже не вздрогнула, хотя новость была та еще. А зеркало продолжало:

— Она опять все сделала неправильно, не рассчитала сил, впала в истерику и все же частично добилась того, чего хотела: вырвалась из зеркала. Но не туда, куда ей хотелось, а...

— Умерла?

— Да, ее душа ушла в посмертие. Но ритуал обмена было не отменить, и из пустоты притянуло мою душу. Поскольку моя память была зашифрована в этой тетради, я довольно быстро пришла в себя и смогла понять, что происходит.

— И что дальше собираешься делать?

— А это зависит от тебя, — усмехнулась древняя королева, вернувшаяся с того света. — Как ты понимаешь, я хочу жить. Но занять твоё тело не могу — это Юйриль могла рассчитывать на обратный обмен, не я.

— Ну, продолжай, — подбодрила я, когда зеркало сделало паузу. Каким бы ни было шатким сейчас мое положение, у стеклянной пленницы оно было еще хуже, а как вести переговоры с позиции силы, я знаю лучше многих.

— Я предлагаю сделку, — выдохнула бывшая Юйриль. — Я помогу тебе во всем, что ты попросишь. А ты... подаришь мне новое тело.

— И где я его возьму? — Новость, конечно. Вот делать мне нечего, как бегать по этому миру, искать подходящее тело... А его настоящую хозяйку я, по мнению зеркала, куда дену? — Учти, даже ради самой выгодной сделки я не буду никого убивать. Не надейся.

— Да, я уже заметила, что ты местами слишком щепетильна, — усмехнулось отражение. Странно было видеть, как юное хорошенькое личико Юйриль меняется в этот момент, становясь... нет, не страшным, как раз наоборот. Более взрослым, отточенным, умным и в то же время безжалостным. Очень красивым. — Хорошей королевы из тебя бы не вышло.

— У меня и желания такого не было. — Интересно, это она мне зубы заговаривает или я ей?

— Да, знаю... именно поэтому тебе нужна моя помощь. Без нее ты из замка далеко не убежишь. — Голос «прабабушки» звучал мягко и вкрадчиво, как у лучшего торгового агента по недвижимости. Одно это заставляло меня ждать подвоха.

— Посмотрим. — Я вовсе не собиралась сдаваться и бросать переговоры. Но и слабину давать нельзя. — До этого сама как-то справлялась.

— И смотреть нечего, — фыркнуло зеркало, резко меняя тон с ласково-завлекающего на обычный. — Ты умная, но у тебя мало информации. Эта информация, а также многое другое есть у меня. И я предлагаю честный обмен.

— Я не буду убивать, чтобы освободить для тебя тело. — С этого места меня никому не сдвинуть. Никаким древним королевам.

— Естественно, не будешь, — согласилась красавица в зеркале и улыбнулась. — Ты его родишь.

Глава 51

У меня опять сильно разболелся раненый бок. Наверное, потому, что, поперхнувшись воздухом, я чуть ли не пять минут не могла перестать кашлять.

— Можно подумать, я попросила тебя призвать армию демонов, — невозмутимо прокомментировала это безобразие прабабушка, — а не сделать самую естественную для женщины вещь.

— Как ты себе это представляешь? — выдавила я наконец. — Вот прямо с этого места возьму разбег, завалю первого попавшегося мужика и забеременею?

— Для начала вовсе не первого попавшегося, — строго заметило отражение. — А того, в ком голос серебряной крови будет достаточно силен. Если не хочешь герцогов — найди кого-то другого, это не такая большая проблема. И вовсе не обязательно беременеть прямо сейчас. Время не имеет такого большого значения. Если ты родишь через десять лет — меня все устроит.

— И что, я должна буду убить или изгнать душу собственного ребенка, чтобы ты заняла его тело? — не то чтобы я действительно так думала, но тут следовало выяснить все до последнего нюанса, прежде чем вообще решать, буду ли я связываться с такими обещаниями.

— Ты дура? — совершенно не по-королевски фыркнула зазеркальная собеседница. — С какой стати? Я и буду твоим ребенком. С самого момента зачатия мою душу притянет в твоё тело, я буду развиваться как обычный ребенок, и ты родишь меня в срок.

— И что, ты будешь всезнающим младенцем с памятью прошлой жизни?

— Нет, — грустно усмехнулась древняя королева. — Я буду просто ребенком. Живым ребенком. Все забуду и оставлю в прошлом и боль, и память. И проживу настоящую жизнь. Поверь, я очень хорошо знаю, чего хочу. Ты не представляешь, как тебе повезло, что ты не просто умерла в своем мире, а оказалась снова живой. Мертвой быть... очень неприятно. Особенно если ты умер молодым и не успел испытать в этом мире все, чего бы тебе хотелось.

— Понятненько. — Я все еще хмурилась, выискивая подвох. Кто даст гарантию, что слова зеркала во всем правдивы?

— Откуда я знаю, что ты не лжешь или не умалчиваешь о чем-то важном?

— Руку на зеркало положи... — вздохнуло отражение. — Поймешь.

Я пару минут раздумывала, опасаясь ловушки, потом вспомнила, что уже не раз трогала это стекло, и выдохнула. Прижала ладонь к прохладному и гладкому.

Так. Ага. Занятно. Она не может мне соврать! Правда не может! Магия переноса так действует. Поэтому младшая Юйриль, кстати, и выбалтывала все свои коварные планы с разбега. Не по дурости, а по велению правил. Я это ощущаю внутри себя как четкую мысль, чуть ли не инструкцию. Ха, это меняет дело.

— Ты же понимаешь, что, если дашь согласие выполнить мое желание, в моих интересах будет помочь тебе не просто сбежать и выжить, но и устроиться как можно лучше? — напомнило о себе зеркало почти через минуту молчания.

— С чего бы? — Я хмыкнула. — В смысле, да, я тебе нужна здоровая и богатая, но почему беглая? Разве ты не хочешь назад свое королевство?

— А ты почему его не хочешь? — вопросом на вопрос ответила прабабушка. — Вот именно. Спасибо, мне в первый раз было достаточно. Ты думаешь, я умерла в двадцать один год, родив четверых детей, от хорошей жизни? Судьба принцессы крови, знаешь ли, далеко не так сладка, как может показаться со стороны.

— Зачем тебе тогда обязательно нужен отец с серебряной кровью?

— Затем, что, если в том теле, которое ты зачнешь, ее будет мало, моя душа в нем просто не удержится, — терпеливо разъяснило зеркало. — А кроме того, серебряная кровь сама по себе, без короны, тоже дорогого стоит. Это и красота, и здоровье, и долгая молодость, и некоторые другие приятные вещи. Магия, наконец. Та самая, что залечила твою почти смертельную рану — думаешь, я не заметила, что с тобой что-то не так, и не просканировала ауру? Ты почти умерла и вернулась только благодаря тому, что серебряная кровь в тебе поет после принесенных вассальных клятв. Даже то, что ты срезала почти всю свою силу вместе с волосами, не могло ей помешать.

— Понятненько, — повторила я и снова задумалась. По идее, помощь прабабушки мне действительно не помешает, особенно теперь, когда я точно знаю, что она не врет, говоря, что без

определенных знаний я далеко не убегу. Так что, соглашаться?

— Госпожа? — прозвучал вдруг из темного бурьяна жалобный бас, и через заросли с хрустом проломился давешний бугай, сразу падая передо мной на колени. — Госпожа ушла... я искал! Я принес ваши вещи, госпожа!

— Как интересно, — моментально отреагировала стеклянная прабабушка. — Значит, это он хотел тебя убить? Через день после принесения вассальной клятвы? Вот идиот... Неудивительно, что магия его так приложила. Я прямо чувствую вокруг вас остаточные эманации. Ты не пожелала его убивать, да? Глупо. Впрочем, он здоровый сильный мужик и теперь до конца своих дней будет тебе рабски предан. Не самое плохое подспорье для побега.

— Ладно, — решила я, хмуро глядя то на собеседницу, то на притихшего в бурьяне Крона. — Ответы на вопросы мне действительно нужны. Что делать, чтобы наше соглашение вступило в силу?

— Поклясться своей кровью тебе и своим посмертием мне. — Зазеркальная дама выглядела собранной, словно солдат перед боем. Но фальши я в ней не чувствовала. Она четко озвучила свои желания и напрямую шла к ним.

— Хорошо. — Я кивнула. Родить ребенка когда-нибудь я не против. И если в нем не будет памяти прежних жизней — это будет просто ребенок. Мой ребенок. Каким воспитаю, таким и вырастет. — Тогда давай не будем тянуть кота за хвост.

Спустя пять минут все было сделано, я посасывала палец, который пришлось уколоть, чтобы добыть каплю крови, побледневшее изображение терло виски и слегка вымученно улыбалось — оказывается, клясться посмертием не так просто и не бесплатно.

— Что дальше? — вопрос был более чем своевременный. — Ты говорила, что у тебя есть нужные для побега знания.

— Есть, — кивнула прабабушка. — Но их у меня много. И чтобы знать, какие именно пригодятся нам сейчас, мне нужно видеть картину целиком. Рассказывай.

Я выдохнула, собрала с мыслями и действительно все рассказала. Все, что считала нужным и важным. Вот только...

— Стоп, погоди, что он сделал?! — прервала меня прабабушка, когда я вскользь упомянула прикосновения герцога и то, как он поехал крышей после церемонии присяги. — Вот идиот! Он что, хроники не читал?! Боги, да ты еще не в герцогской спальне только потому, что этого мальчишку мало пороли в детстве учителя!

— Э... — опешила я. — В смысле?

— Все просто. Зов серебряной крови — вот как это называется. Ты — единственная женщина с чистым наследием. Раймон и Джейнс — те, в ком кровь более-менее звучит. Серебряная династия обладает магией, позволяющей выживать на протяжении тысячелетий, об этом сказано в каждой хронике более-менее знатного рода.

— Ну и? — все еще не поняла я.

— Подумай сама. Династия выживет, если у нее будут потомки. Какие потомки могут родиться, если кровь будет связывать кого попало с кем попало, то есть мужчину с женщиной? Раймона, Джейнса, этого твоего бастарда-поваренка тянет к тебе по одной простой причине: ты женщина! И об этом тоже сказано в хрониках, может быть, не так прямо, но достаточно понятно. Я думаю, герцоги твои не настолько все же глупы, чтобы не додуматься до такой простой вещи, у нас буквально последние часы для побега. Наверняка!

Глава 52

— Ну, я задерживаться и не собираюсь. — Вот черт его знает, огорчаться, что всех интересовала вовсе не я сама, а только моя кровь, или радоваться? Второе логичнее — убегу подальше, никакая династия никого плющить не будет, все успокоится... да. Это лучше.

— Рассказывай дальше, — велела зеркальная пленница.

— Угу... ну и вот.

Когда дело дошло до сцены во дворе, порки, назначенной парням, и цирка с ножом под ребро у столба, прабабушка нахмурилась. Пару секунд размышляла и вдруг сказала:

— Если один из герцогов этой ночью умрет, спокойствия в королевстве нам не видать...

— С чего вдруг ему умирать?

— С того, что он тоже принес присягу. И не бастарду, как он думал, а истинной наследнице. Да, он не нанес вреда лично, все эти столбы и прочая ерунда — при твоем уровне серебряной крови всего лишь мелкая неприятность, откат ему прилетел бы, но не серьезнее головной боли. А вот то, что тебя во время назначенного им наказания чуть не убили... не завидую Раймону.

— И что теперь?

— Ну, ты не умерла. Значит, у него есть надежда. Но помучиться придется. Собственно, он, скорее всего, сейчас этим и занимается, а раз в замке никто не поднял шум — значит, корчит его в собственной постели и позвать на помощь он не может. Так и будет хрипеть в подушку, пока не умрет от болевого шока. Если ты не назначишь виру и ему.

— Какую виру я могу ему назначить и как? — вопросы я задавала строго по делу, а внутренне поморщилась. Раймон, признаться, не вызывал во мне сочувствия. Но что такое жить в стране, где законная власть пошла по брюквецу, знаю не понаслышке. Значит, герцога надо сохранить живым и вменяемым.

— Да какую хочешь, — усмехнулась прабабушка. — Вот хотя бы те мальчишки, за которых ты вступилась. Твой первый вассал, а стало быть, консорт, и его брат. Как ты думаешь, долго они проживут, когда до герцогов дойдет, что ты не мальчишка-поваренок, а настоящая принцесса?

— Почему сразу принцесса? — Я сжала зубы, чтобы не заорать от злости. — Может, и девушка, но тоже незаконнорожденная?

— Слишком много совпадений, — отмахнулось зеркало. — А они все же не дураки. Поймут.

— Значит...

— Значит, назначай Раймону виру с умом.

— Ладно, поняла, — вздохнула я. — Только...

— Правильно. Он все равно попытается устранить консорта, не сам, так Джейнсу так или иначе намекнет о том, что третий претендент на трон им обоим не нужен. Точнее, тот сам догадается. Пока ты жива и у тебя есть консорт, их власть под угрозой. Не будет тебя — твой поваренок станет всего лишь еще одним бастардом с серебряной кровью, убивать его исчезнет смысл.

— Значит, меня не должно быть в живых, — кивнула я. — Собственно, это вообще лучший выход. Иначе меня все равно станут искать.

— Лужа крови под столбом хорошо сыграет на твою версию. — Древняя королева явно задумалась.
— Но тело в любом случае станут искать и не успокоятся, пока не найдут.

— И где я возьму им тело? — это были скорее мысли вслух, чем возмущение или протест.

— Вот когда твое дурное невежество вышло боком, — вздохнуло отражение. — Ты срезала с волосами всю магию. Если бы не это, ничего не стоило бы найти подходящий труп и магией придать ему нужную форму. А теперь... — Она вдруг запнулась.

— Что? — В словах прабабушки было что-то странное. Точнее, в ее интонации.

— Все имеет свою цену, — медленно выговорила древняя королева. — У меня есть знания и остаточная магия ушедшей души Юйриль. Но этого все равно мало. Нужно еще как минимум три года твоей жизни. Подумай, так ли уж тебе важен этот мальчишка, чтобы жертвовать ради него так

много?

— Давай сначала подробности, — нахмурилась я.

— Твой новый слуга выведет нас из замка и поможет найти подходящее тело, — начала рассказывать прабабушка. — Нам нужна будет какая-то вещь с личным клеймом Юйриль. Ей, а также твоей кровью и магией мы зачаруем труп так, что он будет выглядеть в точности как ты. Но после этого я потеряю возможность говорить на три года, а ты отдашь три года своей жизни. Исчезнешь из этого мира и потом вернешься такой, какой была бы, прожив их.

— Стоп, я запуталась. Еще раз. С трупом понятно, с годами нет. Значит, я отдам три года своей жизни... а что я буду делать, пока они длятся?

— Ничего. Для тебя они исчезнут. Скажешь завершающее слово ритуала и окажешься в том же месте, но три года спустя. И тело твое постареет на этот срок.

— Тело ерунда, ему сейчас стареть не грозит — скорее взрослеть, — хмыкнула я. — А вообще — идеально. То есть даже прятаться не придется, я моргну, а все уже три года как меня похоронили? И думать забыли?

— Примерно так. И тебе не жалко этих лет? — Прабабушка из зеркала многозначительно щурилась, словно ждала, что я сейчас начну торговаться.

— Не-а. — Может быть, это было легкомысленно, но... — Не жалко. Зато я буду уверена, что сделала все правильно и все остались живы. Знаешь, чистая совесть нужна не только правителям, но и поварам.

— Увы, как раз для правителей совесть — непозволительная роскошь, — вздохнула древняя королева. — Хорошо. Тогда пора действовать. Я покажу тебе тайные ходы, которые не мог найти никто, даже герцоги, которые уже наверняка обнаружили основную сеть. Тебе нужно попасть в комнату Юйриль и забрать какую-нибудь из ее вещей для ритуала преобразования трупа. А потом мы уйдем из замка и сделаем все, как задумано.

— Поехали, — кивнула я и встала, пристраивая дневник за пояс, а зеркальце на грудь под рубашку. — Эй, Крон. Жди здесь, понял?

— Слушаюсь, госпожа, — покорно пробасил здоровяк и уселся прямо в бурьян, уставившись на стену пустым взглядом. Прямо как зомби. С одной стороны — бр-р-р, с другой — сам виноват, с третьей — очень удобно иметь такого помощника в нынешних обстоятельствах.

— Да, кстати, а этого увальня куда мы денем на три года, что нас не будет? — решила все же уточнить я.

— Хм, — вздохнуло зеркало. — Включим его в заклинание. Получится сэкономить пару месяцев, зато такой полезный охранник и помощник будет при тебе, когда очнешься.

— А, хорошо. — Тут трудно было не согласиться. — Ну что, твое величество, пора на подвиги?

— Виру с Раймона взять не забудь. Надо еще правильно подобрать слова, чтобы он не мог своевольничать. И побыстрее. Не то что мне его жалко, но чем больше он мучается от боли кошмаров, тем больше шанс, что его сердце не выдержит.

— Ох ты, брюкву ему в зад. — Я подсадовала на себя, что забыла такой важный нюанс. — Тогда сейчас на ходу и подберем, а то времени все меньше. Где он начинается, твой тайный-претайный ход? Надеюсь, не в герцогской спальне?

Глава 53

Джейнс не спал вторую ночь. Что-то неясное не давало ему покоя. Некая мысль все время скользила по краешку сознания, бесследно пропадая, едва он пытался обратить на нее пристальное внимание и поймать за хвост, чтобы рассмотреть наконец.

Это было похоже на смутное воспоминание о чем-то важном, и оно постоянно зудело в голове, как позабытое и неисполненное обещание.

Сначала он злился, потом пытался отмахнуться от досадного чувства, занимая себя другими делами и разговорами с Раймоном. У них было достаточно забот в связи с побегом демонической девчонки. Да, маскарад и клятва решили некоторые из них, но, увы, далеко не все.

За окном едва забрезжил рассвет, когда герцог Ривердан сдался и перестал изображать отдых.

Что, что же он забыл? Что-то очень важное... словно бы... из детства.

Джейнс сел в кровати и решил разобраться в происходящем, но на этот раз он не пытался с ходу зацепить нужную мысль в голове. Вместо этого он расслабился и углубился в себя, опираясь скорее на ощущения, звуки-запахи-цвета, мелькавшие за этой надоедливой занозой.

Постепенно его сознание успокоилось, погружаясь в состояние полусна-полубодствования, в котором, как его когда-то учил один из следующих по пути духовного совершенства, можно путешествовать по собственной памяти, цепляясь за самые незначительные детали.

И действительно, скоро Джейнс оказался в знакомом до мелочей месте — в учебной комнате собственного замка, там, где они с Раймоном постигали сложную науку дворянства под руководством строгого наставника.

Джейнс тихо усмехнулся своим мыслям, оглядываясь вокруг. Просторное помещение с большими окнами под самой крышей восточной башни было заставлено стеллажами с книгами, три стола стояли каждый у своего окна — два ученических и учительский, самый большой. Сбоку от него, задвинутая наполовину в нишу, красовалась самая нелюбимая мальчишками часть мебелировки класса — широкая низкая скамья для порки. Вот уж с чем было связано очень много ярких и далеко не самых приятных воспоминаний!

Однако именно эта лавка сейчас тянула к себе герцога как магнитом. Он даже подошел к ней и провел кончиками пальцев по состаренному и отполированному их телами дереву, пытаясь вслушаться в свои ощущения.

И словно по заказу, в ушах зазвучали размеренные стезжки розги и четкий, суровый голос мэтра Сертиана, проговаривающий невыученный урок между звонкими вскриками:

— Голос крови не обманешь. Серебряная династия во все века берегла себя не только сознанием своих королей, но и силой магии. Если останется последний потомок с чистой кровью, он притянет к себе тех, в ком крови меньше, для того чтобы возродить род славных правителей.

— Я! Ай! Я же так и сказал! — взвыло воспоминание голосом Раймона.

— Нет, не так! — Наставник влепил еще один удар, переждал вскрик и сурово продолжил: — Вы, юный лорд, сказали отвратительную неприличность! А кроме того — глупость. Как, по-вашему, смогут возродить род правителей два человека одного пола? Между ними никакого притяжения не будет никогда. Только между девой, способной родить наследников, и мужчинами, коих магия сочла достойными, возможен зов крови! Только! Между мужчиной и женщиной! Понятно вам?

— Да! Ой... Понятно!

— Повторите, лорд Раймон!

— Зов крови... Да ай же! Бывает только между мужчиной и женщиной серебряной крови!

— И больше никогда не смейте оскорблять собственных предков постыдными сплетнями! Вставайте, лорд. Продолжим урок.

Джейнс сел в кровати, задыхаясь и хватая себя за горло. Воспоминание, четкое до последнего слова и звука, все еще звучало в голове.

— Мы идиоты... — простонал герцог Ривердан, вскакивая с постели и торопливо натягивая первые попавшиеся под руку штаны и камзол. — Конченые идиоты... и я первый!

Он вылетел из своей спальни и первым делом кинулся к двери в комнату Раймона, но, как назло, ему преградили путь.

— Ваша светлость! Ваша светлость, неладно дело! — Встревоженный управляющий внутренними дворами влетел в коридор, задыхаясь и пытая, явно бежал по лестнице, невзирая на свой почтенный возраст и лишний вес. — Беда, ваша светлость!

— Что еще? — рявкнул Джейнс, внутренне отчего-то холодея.

— Убийство в замке, ваша светлость! Как есть смертоубийство настоящее!

Джейнс сам не мог бы объяснить, отчего эта новость вызвала у него волну холодноватой тошноты. Чего-чего, а смертей на своем веку он повидать успел немало и сейчас не имел особого повода так нервничать.

— Кого убили? — сухо каркнул он, уже почти предвидя ответ.

— Так мальчишку этого с кухни, — выдохнул управляющий внутренними дворами. — Которого на столбе приказано было повесить...

Вот теперь Джейнсу стало дурно по-настоящему.

А управляющий все бормотал, бестолково переступая короткими толстыми ногами по ковру:

— Сегодня уже и снять с утра его светлостью приказано было, на день раньше срока, я с рассветом стражников и послал...

— И что? — Джейнс еле выговорил эти слова онемевшими губами. Страшная догадка билась в голове, но он все никак не хотел ей верить.

— Жуткое дело, ваша светлость, — удрученно покачал головой управляющий. — Кровью все там залито, что твою свинью закололи. И следы кровавые к боковой калитке. Тот, кто мальчишку прирезал, то ли спьяну, то ли со зла, потом, видать, опомнился и пытался следы замести. Унес труп за замковую стену, завесы-то теперь нету. И выбросил там, в канаву какую или вовсе в реку.

— Еще кто-нибудь пропал? — Герцог слышал собственный голос будто со стороны.

— Переключку среди слуг мы сразу устроили, — мелко закивал управляющий. — Да разве ж за такое короткое время всех разыщешь, кто по углам сидит или дрыхнет? Но к полудню точно выясним, обещаю, ваша светлость!

— Хорошо. — Джейнс сглотнул. — Идите. Жду доклада.

— Так сделаем, ваша светлость. А... кому доложиться, вам или его светлости Раймону?

— Что? — машинально переспросил тот-кто-всегда-в-тени. — Раймон!

Он сорвался с места, мгновенно забыв об управляющем. В два прыжка оказался у нужной двери и заколотил в нее ногами. Но дверь была заперта изнутри, и на крик и стук никто не отзывался.

— Твою ма-а-ать! — рявкнул, уже не сдерживаясь, герцог Ривердан и в следующий удар вложил не только силу, но и магию.

Дубовые доски буквально взорвались, разлетелись щепками по коридору и по комнате. Джейнс рванул внутрь, в три шага пролетел через кабинет и следующим пинком вышиб дверь, ведущую в спальню:

— Райн!

Глава 54

— Райн! Твою мать! — Джейнс рывком сдернул сбившиеся неопрятным комом одеяла и снова грязно выругался, обнаружив, что они залиты кровью. — Райн!

Герцог Браганта нашелся у дальней стены — видимо, закатился туда во время самых болезненных конвульсий и сжался там, свернувшись клубком, закусив зубами край подушки. Так и лежал до сих пор, тихо, почти неслышно, постанывая.

— Живой, сволочь, — выдохнул Джейнс, чувствуя, как от страха и облегчения кружится голова. — Райн, открой глаза! Ну! Открывай глаза, скотина! Приди в себя! — Он безжалостно схватил друга за воротник мокрой от пота и крови рубашки и подтащил ближе к краю кровати. — Быстро, слышишь?

Раймон с трудом приоткрыл мутные глаза и почти неслышно выдохнул:

— Джей... что...

— Идиот, чтоб тебя всю оставшуюся жизнь бык имел! — яростно прошипел герцог Ривердан, отвечивая другу несколько полновесных пощечин и одновременно запуская магическое обследование его ауры. — Так я и думал! Прими виру, недоумок! Ну! Говори! Что принимаешь! Формулу вспоминай!

Глаза Раймона на миг прояснились пониманием. Он рвано выдохнул, губы его шевельнулись, но с первого раза правильно произнести формулу принятия долга не получилось. Это обошлось ему еще в пару затрепчин от Джейнса и в пригоршню тепловатой воды из кувшина, которую размазали по его лицу.

Вторая попытка вышла более удачной.

Раймон договорил слова клятвы и бессильно откинулся Джейнсу на плечо — тот все еще держал его за шиворот. Несколько минут они так и сидели, пока герцог Браганта медленно приходил в себя, слушая затухающую во всем теле боль. Он словно не мог поверить, что все закончилось, что грызущее его изнутри чудовище ушло, оставив законную добычу.

— Что она взяла за твою жизнь? — спросил наконец Джейнс, отпуская воротник рубашки друга и приобнимая его за плечи.

— Она?! — Раймон дернулся так, словно его ударили. Потом его глаза окончательно прояснились, и полынный герцог громко застонал, с силой прижав к лицу руку с растопыренными пальцами. — Святые небеса-а-а... какой же я идиот...

— Оба хороши, — невесело усмехнулся Джейнс. — Что она взяла с тебя в обмен на жизнь?

— Твою мать... — Раймон выдохнул и попытался встать, но у него не получилось — колени все еще дрожали. — Дай воды.

Джейнс криво усмехнулся и налил из кувшина в кубок той самой теплой воды.

Герцог Браганта жадно выпил и устало откинулся на постель. Пару секунд лежал с закрытыми глазами, потом еще какое-то время зло таращился в бархатный балдахин над кроватью.

— Я ее придушу, поганку!

— Райн, — Джейнс перестал улыбаться, — соберись. Ты хоть понял, за что получил откат?

— За столб, что непонятного, — зло рыкнул Раймон. — Надо же было...

— Райн. Не за столб. Ее убили. Зарезали у этого столба сегодня ночью.

— Что?! — Раймон, и так не отличавшийся этим утром здоровым цветом лица, резко побледнел и сел на кровати, глядя на друга недоверчивыми, потрясенными глазами.

— За это и был откат, — сухо кивнул Джейнс. — И я не знаю, почему ты еще жив. Точнее, знаю, но... не понимаю, почему она так не хотела твоей смерти, раз дала тебе возможность заплатить за свою жизнь.

Раймон пару минут сидел молча, глядя на свои стиснутые кулаки. А потом почти прорычал:

— Она связала мою жизнь с жизнью этого... мелкого гаденыша!

— Бастарда-поваренка? — дернулся Джейнс. — М-да. М-да... ты хоть понимаешь... что именно он

принес ей клятву первым?

— Ну уж на это моих мозгов хватает, — почти выплюнул герцог Браганта. — Он консорт... то есть был бы консортом. Если бы принцесса осталась жива. Я...

Какое-то время оба молчали, думая каждый о своем. Нельзя сказать, что они слишком грустили из-за смерти принцессы, скорее, оба злились на то, что это доставит множество проблем. А вот бойкий хитрый мальчишка с быстрыми движениями и солнечной улыбкой... почему-то сейчас перед внутренним взором стоял именно он.

Раймон не выдержал первым:

— Какого демона, а? Ну ладно, опустим то, что это просто невозможно, откуда бы маленькой заносчивой стерве научиться всему такому... — Он неопределенно покрутил пальцами у себя перед лицом, потом сдался и махнул рукой: — Такому! Но, Джейнс, я же ее... ощупал почти всю, ну за задницу не хватал и мужской орган не искал! А остальное...

— Угу, — хмыкнул Джейнс. — Щупал и дощупался. До зова крови. Ну-ка, вспомни, за что мэтр порол тебя в классе, когда мы проходили историю серебряной династии?

Раймон моргнул и следующие минуты три матерился так, что грузчики в порту позавидовали бы его богатому лексикону — не повторился ни разу.

Потом он выдохнул и все еще возмущенно прошипел:

— Грудь на этом тощем пацане не было! И магии не было, никаких иллюзий, клянусь тебе.

— Но у принцессы в главном зале, когда мы приносили ей присягу, грудь вполне была, верно? — хмыкнул его лучший друг, усаживаясь рядом.

— Да это же... — Раймон вдруг поперхнулся собственными словами.

— Именно, — вздохнул Джейнс. — Я уверен, если мы тщательно пороемся в нижнем белье этой незаурядной... девушки, мы найдем там много интересного. В том числе гораздо более качественную фальшивую грудь, чем то, что ты пристегивал к «тощему мальчишке».

— Куда унесли тело? — после довольно продолжительного молчания тихо спросил Раймон. Он не хотел бы признаваться даже самому себе, но думать о том, что вредный мелкий непоседа, такой острый на язык и в то же время всегда готовый сначала надерзить, а потом улыбнуться так невинно, что занесенная для подзатыльника рука сама опускалась, теперь мертв. Ему все еще было трудно совместить в голове два таких разных образа: чванливую и глупую куклу в роскошном платье и маленького поваренка с хитринкой в глазах. Он выдохнул и очень тихо добавил: — А хорошая была бы... королева. Так бесподобно играть роль наследной дуры перед всеми, включая родного отца. Даже нам с тобой такое не снилось, хотя вражду мы изображаем с детства.

Джейнс кивнул, а потом сказал:

— Тело еще не нашли. Тот, кто убил... унес его с собой.

— Что?! — подскочил Раймон. — Так, погоди! С чего тогда ты взял, что она мертва?! Эта хитрая bestия просто сбежала! В очередной раз!

— А откат ты на пустом месте сам себе схлопотал? — вздохнул друг. — Но ты частично прав. Надо пойти и разобраться на месте. Мне доложили, что там столько крови, что... но проверить надо. Ты как, встать можешь?

— Справляюсь, — сквозь зубы пробормотал Раймон. — Уже все прошло, а слабость — ерунда. Только помоги мне одеться.

— Да уж, ерунда, — бормотал герцог Ривердан, силком проталкивая заметно трясущиеся руки друга в рукава чистой рубашки. — Может, я один схожу? А, тебя не переупрямишь. Про нашу маскировку не забудь от потрясения. Я пошел, ты следом.

Увы, у столба для наказаний их не ждало ничего обнадеживающего. Вдобавок к луже крови и побуревшим следам, ведущим к боковой калитке, на камнях прямо под крюком, к которому обычно привязывали руки наказанного, стоял на коленях бледный как привидение мальчишка со светлыми волосами и пустыми глазами смотрел на собственные ладони, вымазанные в красном.

Глава 55

Раймон бессильно упал в кресло и уронил руки на подлокотники. Тяжелые и густые капли с пальцев словно нехотя переползли в мелкие завитки старинной резьбы.

Джейнс молча устроился напротив. Наверное, впервые в жизни он не знал, что сказать. Слова все куда-то исчезли, при том что мыслей было много как никогда.

Минуты падали в холодный камин вместе с серым пеплом, что осыпался из давно не чищенной каминной трубы. Пахло стылыми углями и кровью.

— Что теперь? — первым нарушил молчание все же Джейнс.

— Подождем, пока не вернутся те, кто отправился искать тело, — бесцветно уронил Раймон, машинально протягивая руки к бокалу и тут же отдергивая пальцы от окрасившегося в багровый серебра.

— Там было столько крови, что искать тело уже не имеет смысла. Почти. — Джейнс, который вытер руки еще там, во дворе, взял бутылку и налил вина обоим. — И это была не простая кровь. Сам чувствуешь.

— Подождем, пока не найдут тело, — все тем же тоном повторил Раймон.

— Хорошо, — вздохнул Джейнс. — Я распорядился... чтобы за мальчишкой присматривали.

Раймон ничего не ответил, лишь чуть-чуть повернул голову в его сторону, обозначив вопрос.

— Приходи в себя, — жестче приказал медовый герцог. — Ты уже забыл, что она привязала твою жизнь к жизни этого бастарда? Если он наложит на себя руки от горя, ты тоже умрешь. Вот только не надо делать вид, что настолько убит горем, что тебя это не волнует.

— Нет... — тихо отозвался полынный герцог. — Не убит. Но я чувствую себя... странно. Ты прав в одном. Мальчишку надо убирать с кухни и вообще из замка. Раз уж так получилось, придется что-то делать. Моя жизнь не может зависеть от безродного слуги.

Джейнс вдруг негромко рассмеялся, хотя веселья в его смехе было мало:

— Ну да... а учитывая, что пацан по уши влез в серебряную кровь и, пока она была жива, успел не только попасть под зов, но и стать ее консортом, ждать пробуждения наследия долго не придется. И если его магия начнет искать выход, а он не будет знать, что с этим делать, вы на пару загнетесь очень скоро. Кстати, у него же еще брат-близнец, там тоже возможно наследие, и без обучения он быстро потянет консорта за собой. В любую сторону — или в могилу, или в полное серебро.

— Значит, главный повар и его племянники скоро исчезнут, — Раймон, наконец, вынул платок и начал медленно, очень медленно вытирать руки, — а в поместье одного из моих вассалов появится отец с двумя сыновьями — остатки высокородного, но обедневшего семейства.

— Не опасно отсылать их так далеко? А если там что-то случится?

— Всех мелочей не предусмотреть, — покачал головой Раймон. — Если мальчишка на ровном месте споткнется и свернет себе шею — значит, судьба. А в остальном... Пока они будут учиться, им все равно нечего делать среди интриг и схваток двора, в защищенной приграничной крепости будет безопаснее. Придется за несколько считанных лет вбивать в их головы то, что мы с тобой изучали с раннего детства. Когда этот... Лиу вернется в столицу, он должен быть не просто сильным магом, но и дворянином в полном смысле этого слова, чтобы я мог без помех и лишних вопросов приблизить способного провинциала к себе. А его брат на подхвате пригодится как лишний клинок и заодно способ держать эту парочку под контролем.

— Он не знает, кто такой Юль, — полуутвердительно, полувопросительно произнес Джейнс.

— Нет. И не узнает. После смерти принцессы он перестал быть для магии консортом. Разве что все факторы могут сделать его кровь чище, смыв чужое. Но пока ничего нельзя сказать наверняка. Когда настанет время... тогда с этим и разберемся.

Какое-то время они молча пили, глядя в погасший очаг. Окно в комнате было приоткрыто, и со двора доносились заполошные крики какой-то тетки, судя по всему, она ловила сбежавшую из птичника курицу. То и дело ее взвизги сопровождались громким гоготом стражников и веселыми подначками.

Жизнь продолжалась как ни в чем не бывало. Словно маленькая принцесса с серебряной кровью

все еще сидит в своей башне, общаясь с предками и официально передав свое королевство под управление двух герцогов. А мальчишка-поваренок, примелькавшийся на кухне, и вовсе исчезнет из памяти людей без следа уже совсем скоро. Будто его и не было...

Впрочем, нет. Забудут не все.

— Как думаешь, когда действие зова крови сойдет на нет, это перестанет быть так... отератительно больно? — спросил вдруг Раймон. — Я чувствую себя дураком из сказки, у которого была волшебная рыбка, превращающаяся в фею, а он по глупости спалил ее чешую в камине. Идиотское ощущение, особенно для меня.

— Я тоже буду скучать, как ни странно, — откликнулся Джейнс. — Хотя меня никаким голосом крови не задело.

— Ты уверен? — прищурился на него Раймон.

— Почти. — Губы Джейнса искривились в ухмылке. — Она была... нет, он был — этот мальчишка был страшно занятным, а еще необычным. Жаль... В любом случае мы это поймем очень скоро. И у тебя, и у поваренка скоро прочистятся мозги, вот тогда и посмотрим, сколько там было магии, а сколько... сколько самой принцессы.

Раймон хотел что-то ответить, но не успел — в дверь постучали.

— Ваша светлость!

Джейнс быстро откинулся в кресле так, чтобы с порога его не было видно. Раймон неохотно обернулся и буркнул:

— Входите, кто там.

— Ваша светлость, — один из телохранителей герцога чуть пригнул голову, чтобы не задеть о низкую притолоку, — поисковый отряд вернулся.

— Так быстро? — удивился герцог Браганта. — Почему они прекратили поиски? Белый день на дворе.

— Нашли, ваша светлость, — тихо доложил телохранитель.

— Так... быстро? — снова повторил Раймон. — Хорошо, я понял. Можешь идти. Куда его... положили?

— В подземелье отнесли, в одну из камер. Там прохладно. Также управляющий доложил, что с конюшни пропал один из младших конюхов. Говорят, у этого человека был конфликт с убитым.

— Ясно. — Раймон вдруг смутно вспомнил здорового чернобородого детину, который когда-то зажал поваренка в коридоре. Как Юль тогда блажил про герцогские яйца! При этом воспоминании губы поневоле тронула улыбка, но тут же пропала. — Все, иди.

Телохранитель поклонился и осторожно прикрыл дверь.

В комнате какое-то время было тихо — оба герцога молчали.

— Если подумать, ничего удивительного, — сказал наконец Джейнс. — Раз подонок не вернулся в замок, значит, понял, что его все равно уличат, и не стал слишком далеко уносить тело. Наверное, там рядом и сдох, надо будет уточнить у тех, кто нашел принцессу.

Раймон попытался прогнать из мыслей картинку, как беспомощно стоящего у столба мальчишку бьет кинжалом здоровенный амбал. Отчего-то даже думать об этом было... неприятно.

— Я пойду гляну, — решил он наконец. — А ты иди... делом займись. Через три дня прибывает посольство Лютеции. Нам еще надо изобразить ссору по поводу их договора...

— Иди уже, — вздохнул Джейнс. — Разберусь. А к ней... позже схожу.

Эпилог

— Тебе сколько лет? — пораженно спросила я у Крона, разглядывая совсем молодое и уже привычно для этого мира смазливое лицо бугайны.

Собственно, началось все с того, что я заставила его сбрить бороду. И не прогадала: лишившись своей самой главной приметы, мужик разительно переменялся. Оказалось, что ему вовсе не сорок лет, как я думала вначале, а от силы двадцать пять и что он не урод с лицом неандертальца, а симпатичный парень. И чего, спрашивается, было бармалейться? Разве что от нехватки мозгов.

— Двадцать три, госпожа, — между тем послушно доложил мой новый... ну, скажем так, спутник. — Госпожа, до смрадных канав еще почти полчаса ходу по таким улицам, где вам лучше не ходить. Оставайтесь здесь, а я пойду и принесу подходящее тело. В смрадные завсегда трупы казненных воров скидывают, бывают и ба... женские. Не надо вам туда, я сам.

— Ну иди, — вздохнула я, откидывая голову на свой собственный узел с тряпьем. Из замка мы выбрались два часа назад, и Крон со мною на спине довольно бодро припустил в темноту, старательно держась в стороне от дороги, чтобы нас точно никто не заметил. С такой скоростью мы порядком успели отбежать от опасного места, даже за пределы городских кварталов выбрались, так что спокойно устроили привал в небольшой роще у ручья. Но по совету моего носильщика выбрали место неподалеку от тех самых «смрадных канав», уж не знаю, что это за ужасище такое, у меня не было желания уточнять, поняла только, что там можно найти мертвое тело практически всегда. Средневековье...

Но прежде всего следовало переодеться и замаскироваться, что мы и проделали: выкупались в ручье, натянули чистые тряпки (Крону пришлось довольствоваться своими же мокрыми, прополосканными в воде) и побрили образину.

— Госпожа, только не уходите никуда. — В серых глазах парня засветилась тревога. — Я... я быстро, я бегом, туда и обратно! Только не уходите, как я вас потом найду?

— Перестань ныть. — Я поморщилась. — У меня ноги толком не двигаются от усталости и всего прекрасного, что случилось за последние двое суток, куда я денусь? Иди уже.

— Да, госпожа! — Крон, поколебавшись еще пару секунд, все же исчез в зарослях. А я выдохнула и прикрыла глаза. Время подумать... или подремать — как получится.

Увы. Подремать не получилось. За пазухой начал вибрировать прабабкин дневник, напоминая оставленный в родном мире телефон в беззвучном режиме.

Я вздохнула и вытащила тетрадку, пролистав и раскрыла там, где между страницами было заложено зеркало.

— Ты взяла из спальни все, что я велела? — с разбегу устроила допрос прабабушка.

— Взяла. — Я кивнула, снова полезла за пазуху и предъявила что-то вроде золотой шпильки с витиеватым резным навершием и клеймом принцессы.

— Труп? — коротко поинтересовалась древняя королева. — Не забудь велеть слуге создать видимость того, что кто-то окровавленный волочился к реке и сполз в воду. Иначе тело твоего убийцы тоже будут искать и насторожатся, если не найдут. Должно сложиться впечатление, что он тоже мучился в агонии, а потом его унесла вода. В таком случае искать не будут.

— Моего трупа пока нету, Крон за ним пошел, — дисциплинированно доложила я. — Остальное тоже сделаем.

— Ладно. Подождем. Как раз будет время подготовиться. И поговорить о важных вещах. Ты помнишь о плате?

— Забудешь тут, — вздохнула я.

— Отлично. Это место подойдет для проведения ритуала, и тело можно будет бросить тут же, его быстро найдут. А когда ты вернешься в мир, отсюда легче будет продолжить путь. Не забыла, что нужно включить твоего слугу в общий круг?

— Да не забыла, не забыла. Хотя все равно не понимаю, как так хитро у него сварился мозг, раз он с ходу опознал во мне женщину и проникся такой преданностью, причем навсегда.

— Он бы еще в день клятвы попробовал тебя убить, а не через ночь, — хмыкнула прабабушка. — Вообще стал бы марионеткой, которая без команды рукой пошевелить не может. Ладно, это мелочи. Остальное вроде бы предусмотрели... а, еще я вспомнила пару дополнительных условий, чтобы за

время твоего отсутствия отросли только нужные части тела, а не, скажем, ногти. Всю силу пустим в волосы.

— Угу. Ты уверена, что в моей смерти никто не усомнится?

— За своего консорта переживаешь? — Древняя королева понимающе усмехнулась. — Не бойся, все будет так, как надо. Тело пролежит в усыпальнице все три года, пока нас тут не будет, и никто, даже самый опытный маг, не отличит его от настоящего. А потом просто истлеет в один миг, но к тому моменту никто не станет заглядывать в саркофаг. И герцогов, и этого мальчишку давно будут занимать другие проблемы, тем более что за это время зов крови сойдет на нет. Собственно, он исчезнет почти сразу после того, как мы закончим ритуал. Кстати, ты точно не забыла о кровном камне рода? Только он может сделать власть герцогов легитимной. Если он им подчинится, значит, власть передана по закону и никто из вассалов не сумеет ее оспорить.

— У меня пока нет склероза.

— Всегда лучше переспросить.

— Приказ я ему отдала, хотя это странно, как и с вирой. Просто мысленно пожелать... Откуда такая уверенность, что меня услышали и поняли?

— Магия, — насмешливо пожало плечами отражение и сменило тему: — Было забавно разделить власть на двоих. Как ни странно, их противостояние в данном случае сыграет как раз на руку государству: не даст кому-то одному слишком зарваться.

Я кивнула и чуть расслабилась. Ну что же... это к лучшему. Про власть на двоих я пропустила мимо ушей, меня больше интересовал Лиу. Было очень больно от мысли о том, что почувствует мой миньон, узнав о моей «смерти». Поганый способ прощаться с хорошими людьми.

Но если его чувства вызваны зовом крови, то, как только магия серебряной династии исчезнет, Лиу станет легче. И он забудет обо мне в круговерти обычной жизни. Это все, что я могу для него сделать, ну, не считая «виры» герцога Раймона.

Мои мысли прервал вернувшийся Крон. Он осторожно положил к моим ногам заляпанный чем-то неприятно бурым мешок и доложил:

— Вчера повесили воровку... только сняли и сбросили в смрад.

— Молодая девушка... что же, подойдет, — осмотрев тело, заявила королева. — Теперь сосредоточься. Делай все в точности, как я скажу. И терпи.

Я коротко выдохнула. Что сейчас произойдет, в общих чертах прабабушка объяснила мне заранее, чтобы я была готова. Но «пошаговая инструкция» все равно нужна, потому что я ни разу не шаман и не колдун.

— Готова?

— Да...

— Тогда начали.

И мы начали. Я, если честно, с трудом потом могла вспомнить, как это было, — подробности уплывали в туман напряжения и боли. Ага, вспарывать руку не слишком острой золотой шпилькой и «поить» ее своей кровью — то еще удовольствие.

А потом правильно втыкать ее в труп какой-то несчастной и усилием воли заставлять золото «врастать» в мертвое тело, попутно все время сосредоточенно представляя, чего надо добиться в результате.

Уф-ф-ф... магия эта. Век бы не видеть, не слышать и не пробовать.

— Сейчас внимательно! — напряженным голосом скомандовала королева. Тетрадь, которую я держала в левой руке, затрепетала страницами, а зеркальце между ними снова завибрировало. — Последний шаг.

Угу. То, что мы сотворили с телом, предстоит оплатить. Исчезнуть из этого мира на три года, отдать этот срок жизни неведомо кому. Ну что же... надо — значит, надо.

Поехали.

В какой момент мир поглотила тьма, я даже не заметила.

— Госпожа... — Губ коснулся тыквенный сосуд, в котором Крон всю дорогу таскал для меня воду. — Вы как, госпожа? Что-то нужно? Еще воды принести?

Я жадно напилась и с трудом разлепила веки. Неужели все закончилось? Так, погодите... погодите.

Когда я начинала ритуал, вокруг была осень. Роща шелестела наполовину золотой листвой, пахло грибами и мокрой древесиной.

А сейчас...

А сейчас вокруг была весна, причем ранняя. И рядом со мной не было зачарованного моей кровью тела. Был только Крон, но какой-то осунувшийся и словно ставший немного меньше ростом. И снова бородатый аж по самые уши.

Я оттолкнула его руки, которыми парень пытался укутать меня в одеяло, и села. Ага, еще новости. Волосы отросли ниже плеч. И не только волосы...

То есть все получилось? Я вернулась через три... нет, чуть меньше чем через три года — несколько месяцев удалось скостить благодаря тому, что в магический круг включили жизненную силу моего «слуги».

И это значит, что я... свободна?!

Свободна!